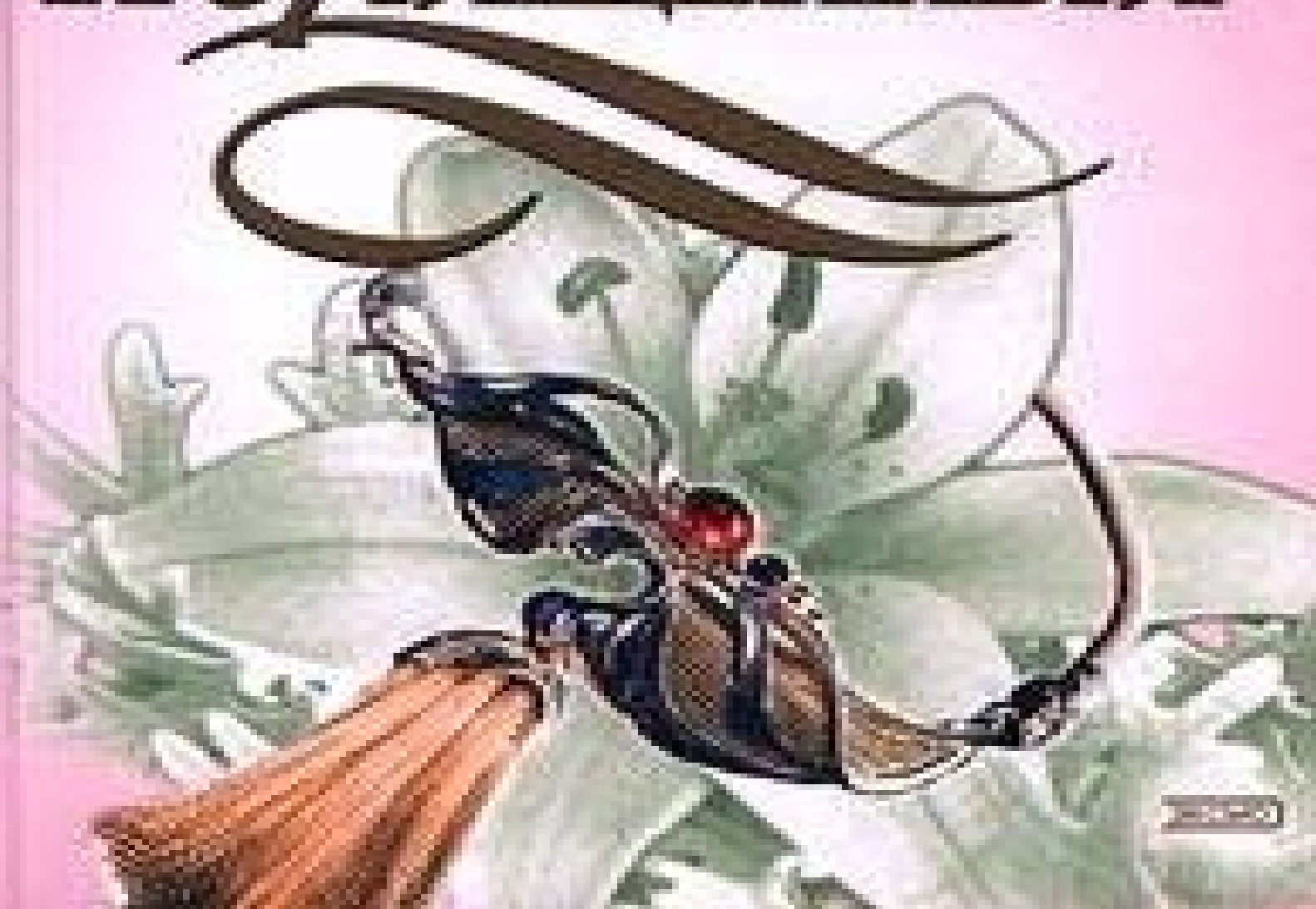

Самуэля СТИЛА

ПОХИЩЕННЫЙ

Annotation

У Мариэллы Паттерсон, жены крупного бизнесмена, похитили сына. Подозрения падают на бывшего мужа Мариэллы — Чарльза Делони. Брак Мариэллы и Чарльза несколько лет назад закончился трагически: погибли их дети, Мариэлла оказалась в клинике. Чарльз считал жену повинной в трагедии. Может быть, теперь Чарльз, жаждущий отмщения, решил разрушить, казалось бы, обретенное счастье своей бывшей жены?

- [Даниэла Стил](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Даниэла Стил
Похищенный

Глава 1

Чарльз Делони медленно поднимался по ступенькам собора Святого Патрика, едва заметно прихрамывая. До Рождества оставалось две недели. Пронизывающий ветер хватал за горло ледяными пальцами. Он успел забыть, как холодно бывает в Нью-Йорке в декабре. Много лет прошло с тех пор, как он в последний раз приезжал в Нью-Йорк... Много лет он не видел своего отца. Сейчас отцу восемьдесят семь, а матери уже давно нет на свете. Она умерла, когда ему было тринадцать лет, и о ней он помнил только то, что она была очень красивая и добрая. Отец был теперь стар, болен, слаб и прикован к постели. Юристы настоятельно советовали Чарльзу приехать домой хотя бы на несколько месяцев и привести в порядок дела семьи. Чарльз был единственным ребенком в семье, поэтому бремя забот о делах целиком легло на его плечи. Бремя немалое — Делони владели земельными участками, в частности огромными территориями около Ньюбурга, штат Нью-Йорк, акциями угледобывающих, нефтяных и стальных компаний и весьма значительной недвижимостью в самом Нью-Йорке, в Манхэттене. Огромное состояние, составленное не Чарльзом и даже не его отцом, а обоими дедушками Чарльза. Но это состояние никогда не интересовало Чарльза.

Чарльзу Делони, сильному, молодо выглядящему человеку с обветренным смуглым лицом, знакомы были потери и страдания. Два года он воевал в Испании. Эта война стала одним из немногих на свете дел, которые его действительно занимали. Почти два года назад, в феврале 1937 года, он вступил в бригаду «Линкольн» и отправился в Испанию сражаться с фашистами. В августе под Гандессой в ходе жестокой битвы на реке Эбро он был ранен. Это было не первое его ранение. В последний год мировой войны, едва ему исполнилось пятнадцать лет, он убежал из дому, вступил в армию и был ранен в ногу в Сен-Мигеле. Его отец тогда страшно рассердился. Теперь отец совершенно не участвует в реальной жизни, не узнает собственного сына, ничего не знает о войне в Испании. Глядя на отца, спавшего в огромной кровати, Чарльз решил для себя, что так даже лучше. Они не поняли бы друг друга, яростно заспорили бы. Отец не воспринял бы сына таким, каким он стал, не сумел бы разделить его убеждений и понятий о свободе и о фашизме. Ему никогда не нравилось, что сын живет за границей. Старший Делони всегда считал, что его сын, поздний, единственный сын, непонятно почему скитается по Европе и

занимается черт знает чем. В 1921 году Чарльз снова отправился в Европу и прожил там семнадцать лет. Иногда друзья предлагали ему работу, время от времени он публиковал свои рассказы, а в последнее время жил преимущественно на очень значительные доходы со своего состояния. Размеры доходов раздражали его. «Ни одному нормальному человеку, — высказался он однажды в беседе с близким другом, — не нужно для жизни столько денег». Часто он отдавал значительные суммы на благотворительные цели, а маленький гонорар за напечатанный рассказ доставлял ему ни с чем не сравнимое удовольствие.

Он учился в Оксфорде, затем в Сорбонне, потом на короткое время перебрался во Флоренцию. В то время он был, можно сказать, типичным представителем золотой молодежи. Много пил, тратил уйму денег на развлечения. В двадцать один год он считал себя вполне, светским человеком, потому что провел в Европе вне всякого контроля три примечательных года. Он был знаком с такими людьми, о которых другие могли только читать в газетах, делал то, о чем немногие осмеливались мечтать. Потом... потом была Мариэлла... Но это уже другая история. История, о которой он теперь старался не вспоминать. Память о ней до сих пор причиняла боль.

Порой Мариэлла снилась ему по ночам, особенно когда он был в опасности, когда засыпал где-нибудь в окопе, когда пули свистели над головой. Он вспоминал, как она прижималась к нему... лицо-глаза, которые невозможно забыть... губы... и ее бесконечную грусть при их последней встрече. Это было почти семь лет назад, и с тех пор он не видел ее. Семь лет не видеть ее, не прикасаться к ней... не поднимать ее на руках... даже не знать, где она, и говорить себе, что теперь это не имеет значения. Однажды, когда он был тяжело ранен и не надеялся выжить, воспоминания о ней захватили его. Санитары нашли его без сознания в луже крови, а когда он очнулся, он мог бы поклясться, что видел, как она стояла за спинами санитаров.

Ей было всего восемнадцать лет, когда они встретились в Париже. У нее было такое прекрасное и живое лицо, что она казалась сошедшей с только что написанной картины. Ему тогда было двадцать три, он сидел с приятелем в кафе и вдруг увидел ее. Она потрясла его в самую первую секунду тем, что в ее взгляде застыла бесконечная щемящая грусть. Потом она ушла, но вскоре они встретились вновь, на приеме у посла. Их официально представили друг другу, они были чрезвычайно выдержанны, но глаза Мариэллы смеялись и сразу покорили его. Нельзя сказать, что ему удалось произвести столь же хорошее впечатление на ее родителей. Ее

отцу, серьезному человеку, который был значительно старше своей жены, репутация Чарльза была прекрасно известна. Ее отец и отец Чарльза были примерно одних лет, и Чарльз припомнил, что они были когда-то шапочно знакомы. Мать Мариэллы, наполовину француженка, казалась Чарльзу бесконечно скучной, чопорной дамой. Родители держали Мариэллу на коротком поводке. Они требовали, чтобы танцевала она только под их присмотром. Им и в голову не приходило, как она привлекательна и какой веселой умеет быть. Но она умела быть и серьезной, и вскоре Чарльзу стало ясно, что с ней можно говорить. Она очень обрадовалась, встретив его в резиденции посла, вспомнила, что видела его однажды в кафе, но сказала она об этом гораздо позже, когда Чарльз слишком уж стал допытывать ее расспросами. Они увлеклись друг другом. Для нее он был интересным молодым человеком, он был не похож на всех молодых людей, кого она встречала до сих пор. Казалось, она хотела знать о нем все: откуда он, зачем приехал в Париж, почему так хорошо говорит по-французски. На нее произвело впечатление, что он начинающий, но подающий надежды писатель. Она немного занималась живописью и в первый раз говорила об этом неохотно. Потом, когда они познакомились поближе, она показала ему несколько действительно прекрасных рисунков. А в первый вечер их сблизили не разговоры о литературе или живописи. Просто каждый из них понял, что им хорошо вместе. Ее родители тоже заметили их взаимную симпатию. Когда мать Мариэллы увидела, как самозабвенно ее дочь болтает с Чарльзом Делони, она сразу попыталась увести ее в сторону и познакомить кое с кем из молодых людей, присутствовавших на приеме. Но Чарльз следовал за Мариэллой неотступно, он превратился в ее тень, в ее постоянного спутника.

На следующий день они встретились в знаменитом кафе «Два монгола» в Сен-Жермен-де-Пре, а потом долго гуляли по набережным Сены, как влюбленные школьники. Она рассказывала ему о себе, о своей жизни, о своих мечтах, а мечтала она стать художницей, выйти замуж за любимого человека и родить ему девять или десять детей. Такая мечта его не увлекла, но сама Мариэлла уже успела свести его с ума. Под внешней хрупкостью этой девушки ощущалась сильная, волевая, исполненная жизни натура. Ее можно было сравнить с мраморной статуей прекрасной работы, на которую набросили кружевное покрывало. Чарльзу казалось даже, что ее кожа светится, как те изумительные статуи, которые он видел во Флоренции. Глаза светились, как два голубых сапфира, когда она слушала о его писательских планах. Он надеялся, что рано или поздно ему удастся опубликовать сборник рассказов. Он верил, что она разделяет его веру, его

интересы и стремления.

Родители увезли ее в Довилль, и он поехал за ней туда, потом в Рим, в Помпею, на Капри, в Лондон... Потом снова в Париж. Куда бы она ни поехала, везде у него находились друзья, поэтому его появление каждый раз выглядело естественным. Чарльзу нравилось ходить с ней на долгие прогулки, провожать ее на балы, он даже соглашался скучать целыми вечерами в обществе ее родителей. Она стала для него источником упоительного блаженства, и он знал, что она нужна ему всегда и везде. Уже в августе... в Риме... та же неудержимая страсть поселилась и в ее глазах.

Чарльз не внушал доверия ее родителям, но они прекрасно знали, из какой он семьи, видели его прекрасные манеры, отмечали, что он умен, и никогда не забывали, что он являлся единственным наследником своего отца, обладателя громадного состояния? Деньги не значили для Мариэллы ничего, родители ее были вполне обеспечены, и о финансовых проблемах она никогда не думала. Она думала только о Чарльзе, о его сильных руках, плечах, о том, какие у него сумасшедшие, притягательные глаза, когда они целуются, какое у него точеное лицо, как на древнегреческих монетах, какие у него ласковые руки и каким нежным он умеет быть.

Чарльз не собирался возвращаться в Штаты. Взаимопонимания с отцом у него не было с тех пор, как в пятнадцать лет он бежал на войну, и Нью-Йорк мог ему разве что присниться в кошмарном сне. Он считал, что Нью-Йорк тесен для него, там нудно, там нет свободы. От Чарльза много ждали, но ему самому хотелось совсем иного. Определенное положение в обществе, обязанность постоянно представлять семью, а не себя самого, необходимость разбираться в капиталовложениях, вопросах управления предприятиями, биржевых играх, вникать в то, что покупает и продает отцовская фирма, и помнить, что в один прекрасный день ему суждено унаследовать эту фирму. Все это Чарльз объяснял Мариэлле, ласково глядя ее шелковистые волосы, спадающие на плечи. Мариэлла была высокая девушка, но рядом с ним становилась Дюймовочкой, чувствовала себя маленькой, хрупкой и в то же время удивительно защищенной.

К моменту их знакомства Чарльз прожил в Париже пять лет и окончательно понял, что влюблен в этот город. Здесь его жизнь, его друзья, литература, его душа, вдохновение. Но Мариэлле в сентябре предстояло плыть домой на пароходе «Париж». Она вернется к размеренной жизни в элегантном доме на 66-й улице, к мужчинам, с которыми она встречалась до поездки в Европу, к подругам и прежним знакомым. А дом Делони, респектабельный и одновременно скучный, расположен всего в десяти кварталах севернее. Он не мог идти ни в какое сравнение с чердаком дома

на рю дю Бак, который Чарльз снимал у домовладельца-аристократа. Этот человек в последние годы обеднел настолько, что был вынужден открыть «частный отель» в собственном доме. Однажды Мариэлла пришла к Чарльзу на рю дю Бак, и они провели там несколько часов, позабыв обо всем на свете. И в ту минуту, когда она уже готова была отдаться ему, Чарльз опомнился, вскочил на ноги и быстро вышел из комнаты. Мариэлла села на край кровати и поправила на себе платье, стараясь обрести хладнокровие. Вскоре Чарльз вернулся и присел на кровать рядом с ней.

— Прости меня... — Его темные волосы, горящие зеленые глаза придавали его внешности какую-то театральность, но в голосе прозвучало такое неподдельное волнение, что Мариэлла была тронута. Она до сих пор не встречала таких мужчин, как он, и ее ни к кому не влекло так, как к нему. Она теряла голову от страсти и справиться с собой уже не могла.

— Мариэлла... — сказал он очень мягко. Ее каштановые с рыжеватым отливом волосы закрывали пол-лица. — Я больше не могу... Ты сводишь меня с ума.

Но ведь и он сводил ее с ума, и она была счастлива. Ни он, ни она еще не испытывали в жизни ничего подобного.

Он наклонился к ней и поцеловал, а она ласково улыбнулась ему. Ее близость пьянила его. Он знал наверняка только одно: он не хочет ее терять. Ни сейчас, ни вообще когда-либо. И не хочет ехать за ней в Нью-Йорк, не хочет делать ей предложение, серьезно беседовать с ее папой. Он не хочет ждать ни минуты. Пусть все решится сейчас. Пусть она навсегда останется с ним. В Париже. В этой самой комнате, в этом вот доме.

— Мариэлла! — Он посмотрел на нее твердым взглядом, и ее глаза потемнели.

— Что? — тихо спросила она. Она была еще так молода, но она была влюблена в него, и он уже убедился, что у этой хрупкой девушки сильный характер.

— Выйдешь за меня замуж?

От изумления она открыла рот, потом засмеялась.

— Ты это серьезно?

— Конечно. Ты же... Ты согласна? — Сердце колотилось в груди от волнения. Вдруг она скажет «нет»? Ему казалось, что вся его дальнейшая жизнь зависит от ее следующего слова. Что, если она не пойдет за него замуж? Что, если теперь она все-таки захочет уехать домой с родителями? Что, если их отношения — для нее только игра? Но в ее глазах он прочитал, что ему нечего бояться.

— Когда? — Мариэлла несмело улыбнулась.

— Сейчас. — Именно сейчас, немедленно, и тогда все будет хорошо.

— Ты смеешься надо мной.

— Нет.

Он поднялся и начал мерить шагами комнату, как молодой лев. Теперь он весь отдался мечтам о будущем.

— Мариэлла, я говорю очень серьезно. — Вдруг Чарльз замер на месте и посмотрел на нее, весь напряженный, словно наэлектризованный. — Ты так и не ответила на мой вопрос.

Мариэлла встала и шагнула к нему, а он сжал ее в объятиях и долго не размыкал рук. Мариэлла рассмеялась.

— Ты сошел с ума.

— Да, я сошел с ума. И ты тоже. Так как же? — Он сжал ее еще крепче, она попыталась освободиться из его объятий, но вдруг нежно прильнула к нему всем телом. Тогда он стал жадно целовать ее, словно надеясь извлечь ответ из ее губ.

— Да... Да... Да... Выйду... — Она уже задыхалась. Оба стояли и улыбались друг другу. — Когда ты хочешь поговорить с моим отцом? — Она снова опустилась на кровать. Лицо Чарльза помрачнело.

— Да он никогда не согласится. Даже если и согласится, то потребует, чтобы мы вернулись в Штаты и начали там степенную жизнь под его личным наблюдением. — Теперь Чарльз опять был похож на льва, который ни за что не позволит запереть себя в клетку. — Могу тебе сразу сказать, что я на это не согласен.

— Не согласен говорить с моим отцом или не согласен возвращаться в Нью-Йорк? — Она сидела на кровати, вытянув перед собой длинные ноги. Теперь она казалась встревоженной, а он старался этого не замечать.

— Ехать в Нью-Йорк, конечно... И вообще, да к черту их всех... — Он опять пристально посмотрел на нее. Волосы, его растрепались, глаза так и впивались в девушку. — А давай куда-нибудь уедем?

— Куда уедем? От родителей? — Мариэлла была поражена. Чарльз молча кивнул. Она уже хорошо знала его и понимала, что он говорит серьезно. — Господи, да они же убьют меня.

— Я им не позволю, — возразил Чарльз и сел с ней рядом, — Тебе отплывать через две недели. Если мы решим, что теперь будем вместе, надо уезжать скорее.

Она медленно кивнула, как бы задумавшись над его словами, но в глубине души она уже знала, что выбора у нее нет, решать, собственно, нечего.

С ним она убежала бы на край света. Когда он снова поцеловал ее, она

решилась окончательно.

— Как ты думаешь, они потом простят нас? Но родителей своих она тоже хорошо знала. Как и Чарльз, она была единственным ребенком в семье, ее отец тоже был намного старше матери. Ее родители, и особенно мать, возлагали на нее большие надежды. Прошлой зимой в Нью-Йорке они начали вывозить Мариэллу в общество, теперь предприняли Большое Путешествие в надежде, что ждать осталось недолго и в скором времени Мариэлла выберет себе подходящего мужа. Кстати, в некоторых отношениях Чарльз мог бы считаться хорошей кандидатурой, во всяком случае, его происхождение было подходящим, вот только его образ жизни отличался, мягко говоря, эксцентричностью. Ее отец, наверное, сказал бы, что со временем Чарльз перебесится. Но недавно, когда она попыталась поговорить с отцом о Чарльзе, отец предложил подождать до тех пор, пока ее избранник в самом деле остепенится.

— Родная моя, мы скоро вернемся в Нью-Йорк, может быть, там ты его увидишь в другом свете. В Нью-Йорке ведь много молодых людей. На этом молодом человеке свет клином не сошелся.

В самом деле, нынешней весной расположения Мариэллы добивался Вандербильд-младший, а ее мать всерьез рассчитывала на молодого красавца Астора^[1]. Впрочем, Мариэллу они совершенно не интересовали. И ей вовсе не хотелось ждать, пока Чарльз приедет в Нью-Йорк. Она была уверена, что он не захочет возвращаться. Не потому даже, что он терпеть не мог Нью-Йорк и вообще Соединенные Штаты и не выносит своего отца. Просто ему по сердцу та жизнь, которую он ведет последние пять лет. Париж — его город.

И Мариэлла решилась: они сбежали за три дня до ее предполагаемого отъезда, оставив ее родителям записку в отеле «Криллон». В этой записке Мариэлла упрашивала родителей ни о чем не беспокоиться и возвращаться домой и уверяла, что они с Чарльзом приедут в Нью-Йорк на Рождество. Отец Мариэллы не пожелал последовать этому совету, так как был уверен, что влюбленные вот-вот явятся с повинной. О решении дочери он сразу же сообщил американскому послу и попросил его навести справки, но послу удалось узнать только то, что молодые люди зарегистрировали брак в Ницце, а затем, по всей вероятности, пересекли итальянскую границу.

Мариэлла сознавала, что причиняет родителям горе, но в то же время она понимала, что рано или поздно они смогут утешиться. Конечно, в своих бесчисленных авантюрах Чарльз приобрел довольно сомнительную репутацию, зато финансовое положение его отца было непоколебимо. Так что Мариэлла надеялась, что в конце концов ее родители оценят хотя бы то

существенное обстоятельство, что их дочери оказал внимание столь богатый наследник.

Чарльз и Мариэлла провели изумительный медовый месяц, путешествуя по Италии. Они побывали в Умбрии, Тоскане, Риме, Венеции, Флоренции и на озере Комо, затем очутились в Швейцарии и наконец в конце октября возвратились в Париж. В Париже выяснилось, что родители Мариэллы так и не вернулись в Нью-Йорк и по-прежнему жили в отеле «Криллон».

Мариэлла и представить себе не могла, что родители еще в Париже, и была несказанно удивлена, узнав, что они ее ждут. Со времени бегства Мариэллы прошло два месяца, но за это время сердца ее родителей не смягчились. Когда Мариэлла и Чарльз явились к ним в отель, держась за руки, счастливые, веселые, Чарльзу было приказано немедленно убраться, а также объявлено, что завтра начнется бракоразводный процесс.

— На вашем месте я бы не стала этого делать, — тихо сказала Мариэлла, и Чарльз улыбнулся твердости, с которой она произнесла эти слова. Такая робкая, застенчивая девушка и так твердо высказывает свое мнение! Чарльзу очень нравилось, что Мариэлла умеет быть решительной. Но ее отец буквально пришел в ярость и зарычал:

— Не смей указывать мне, что мне делать! А мать произнесла напыщенную речь о черной неблагодарности, об опасностях, которым Мариэлла подвергала себя, оставаясь с Чарльзом, о том, что родители желают ей только добра, о своих рухнувших надеждах. У Чарльза немедленно зазвенело в ушах, а Мариэлла стояла как скала, спокойно и твердо глядела на родителей. В восемнадцать лет она уже стала взрослой женщиной, которой Чарльз будет восхищаться всю оставшуюся жизнь.

— Папа, расторгнуть брак невозможно, — снова тихо сказала она. — У меня будет ребенок Чарльз изумленно воззрился на нее, и вдруг ему стало радостно на душе. По всей вероятности, Мариэлла сказала не правду, но она выбрала хороший способ заставить родителей отступить. Но едва она произнесла эти слова, как разверзлись хляби небесные: мать принялась орать еще громче, а отец уселся и стал ловить ртом воздух, старательно изображая сердечный приступ. Мать заявила, что Мариэлла убивает отца, потом старик поплелся прочь из комнаты, поддерживаемый заботливой супругой, а Чарльз предложил Мариэлле вернуться в дом на рю дю Бак, а к семейным разговорам вернуться позже. Они покинули отель и несколько кварталов прошли пешком. Было тепло, и Чарльз чувствовал себя совершенно счастливым. Он поминутно прижимал Мариэллу к себе и целовал.

— Это было великолепно придумано. Мне надо было самому догадаться.

— Это не придумано. — Мариэлла тоже была счастлива. — Это правда. — Она была довольна собой. Совсем еще недавно она была маленькой девочкой и вот скоро станет матерью. Он снова удивился:

— Ты это серьезно?

Она кивнула и посмотрела ему в глаза.

— Когда это случилось? — В его голосе звучало удивление, а вовсе не тревога.

— Сама не знаю... В Риме... Может, в Венеции... Я сама только на прошлой неделе убедилась.

— У-у, обманщица моя! — Но он был доволен, обнял ее опять. — Когда же родится наследник дома Делони?

— Наверное, в июне. Где-то так.

Он никогда не задумывался, что когда-нибудь ему предстоит стать отцом. Наверное, ему полагалось испугаться, пожалеть о вольной жизни, которую он вел до сих пор. Но он был опять-таки счастлив.

Чарльз поймал такси, они забрались на заднее сиденье и поехали на рю дю Бак, поминутно целуясь. Они были похожи на влюбленных школьников, а не на супругов и будущих родителей.

На следующий день родители Мариэллы были по-прежнему вне себя от гнева, но после двух недель упорных переговоров все-таки смягчились. Мать Мариэллы отвезла дочь к известному врачу, и последние сомнения развеялись: Мариэлла была беременна! Вопрос о расторжении брака был снят с повестки дня. Родителям пришлось смириться с существованием Чарльза Делони, так как их дочь не представляла себе жизни без него. Чарльз же со своей стороны пообещал им, что купит хорошую квартиру, наймет прислугу, няню для ребенка, обзаведется машиной, и после этого родители Мариэллы наконец, отправились восвояси. Ее отец вытянул из него обещание стать «солидным человеком». Может, солидным он пока и не стал, но всем было ясно, что молодым супругам хорошо вместе.

Родители Мариэллы отплыли от берегов Европы на пароходе «Франция», и Мариэлла с Чарльзом, вымотанные общением с ними, решили не ехать в Нью-Йорк ни на Рождество, ни когда-либо в ближайшем будущем. Им было хорошо вместе в их маленькой квартирке в доме на левом берегу Сены. Друзья Чарльза приходили к ним в гости, а ему самому никогда еще не писалось так хорошо, как в это время. Был в его жизни краткий миг, когда жизнь казалась безоблачной, и было это в Париже в 1926 году.

Чарльз надавил на массивную дверь собора Святого Патрика. Дверь оказалась настолько тяжелой, что от усилия заныла рука, а раненая нога заболела еще сильнее. Холодная зима, совсем как в Европе. Как давно он не был в Нью-Йорке, как давно не заходил в церковь. Когда Чарльз поднял глаза к высокому своду собора, он даже подумал, что, может быть, зря он приехал. Тяжело было видеть отца таким беспомощным. Ужасно видеть, что отец до такой степени оторван от происходящего вокруг. В какой-то момент Чарльзу показалось, что отец узнал его, но мгновение прошло, глаза отца, снова пустые, закрылись, и голова тяжело откинулась на подушку. Глядя на отца, Чарльз почувствовал себя совершенно одиноким. Как будто Делони-старшего уже нет. И его самого уже могло бы не быть. Многих уже нет рядом с Чарльзом. Например, друзей, вместе с которыми он сражался в Испании... Не слишком ли много людей, за которых надо молиться?

Чарльз подождал, пока священник пройдет мимо него, и подошел к маленькому алтарю. У этого алтаря молились две монахини, и младшая из них слегка улыбнулась Чарльзу, когда он неловко опустился на колени. Черные волосы его уже были тронуты сединой, но глаза все еще блестели, как блестели они в пятнадцать лет, и он все еще излучает силу, энергию, мощь. Это заметила даже молодая монахиня. Но когда он склонил голову, в его глазах проступила глубокая грусть, вызванная мыслью о тех, кто значил для него так много, кого он так любил и с кем рядом сражался. Но он пришел не молиться. Он пришел сюда, потому что сегодня — годовщина самого страшного дня его жизни... прошло девять лет... две недели до Рождества. Этот день ему не забыть... В этот день он едва не убил ее. Он был не в себе, точнее, вне себя от гнева и боли... совершенно невыносимой боли. Ему хотелось перерезать себе горло, чтобы унялась эта боль, ему хотелось перевести назад стрелки часов, чтобы никогда не случилось то, что случилось... И все-таки он ее любил... их обоих любил... Сейчас невыносимо думать об этом. Он наклонил голову, но молиться за него и за нее не мог, ни за кого не мог молиться, думать не мог... так болит, болит до сих пор, та же тупая боль, разве что в последние годы он редко разрешает себе думать об этом. Но порой его пронзает такая боль, от которой захватывает дух и с которой никак не сладить.

По щеке его медленно катилась слеза, и он смотрел прямо перед собой, не видя ничего, а молодая монахиня смотрела на этого красивого и страдающего мужчину. Уже давно он стоял на коленях и вспоминал их, своих любимых, и думал о том, что было в той жизни, которой нет больше,

о том, о чем когда-то запретил себе вспоминать. Но именно сегодня ему захотелось прийти сюда, чтобы оказаться ближе к ним. Так близко праздник Рождества, и от этого еще тяжелее.

В Испании он нашел бы церковь, какую-нибудь крохотную часовню, какую-нибудь развалину, и там стоял бы и думал о том же, и испытывал бы все ту же крестную муку, но там было бы проще, там проще жить. Здесь же нет ничего, кругом чужие, незнакомые люди, холодный серый камень, напоминающий ему серый дом, в котором он теперь живет бок о бок с умирающим отцом. Медленно поднявшись с колен, он принял решение: надолго в Штатах он не останется. Он должен вернуться в Испанию. Его место там. Здесь он не нужен никому, кроме адвокатов и банкиров, а они-то его совершенно не волнуют. И никогда не волновали, а сейчас даже меньше, чем когда-либо. Он ведь так и не сделался «солидным человеком», о чем мечтал его тесть. Он улыбнулся при этой мысли и вспомнил тестя с тещей, их тоже уже нет на свете. Все умерли. Чарльзу Делони недавно исполнилось тридцать пять лет, а чувствовал он себя так, как будто прожил десять веков.

Он долго стоял и смотрел на статую Мадонны с младенцем... вспоминал... потом медленно пошел обратно, так и не испытав облегчения. Напротив, его боль стала острее. Как хорошо было бы опять прижать к себе Андре, вернуть эту близость с ним, его родное тепло, почувствовать его нежную пахнущую молоком и цветочным мылом кожу, поддержать его маленькую руку, которая так крепко держалась за его большую ладонь.

В глазах Чарльза стояли слезы, и он вслепую шел к дверям собора. Вдруг ему показалось, что должно случиться что-то невероятное, невозможное. Хотя, почему же невозможное? Ведь и раньше, даже в самый разгар боя, на поле сражения ему казалось, что он видит ее. Он видел ее так же ясно, как видит сейчас эту женщину.

Сейчас эта женщина шла мимо него, закутанная в меха, но мысли ее были далеко, словно она видела нечто невидимое для других. Она не видела его, не замечала никого в соборе. Он долго стоял, смотрел на нее, страдал (он давно уже не страдал так), смотрел, воспоминания оживали, и он начинал понимать, что это не призрак, это действительно женщина, которая очень похожа на нее. Высокая, стройная, грустная, очень красивая. На ней черное платье (траурное?), поверх него — длинная соболья шуба, почти до пола, и лица почти не видно под широкополой шляпой, но он почему-то точно знает, какие у нее глаза. Вот она едва уловимым движением сняла черную перчатку и преклонила колени перед небольшим алтарем. Изящная, высокая, стройная, только, кажется, очень похудевшая.

Она прикрыла лицо руками и, по-видимому, долго молилась. Он знал, зачем она пришла. Затем же, зачем и он. Это была Мариэлла, он смотрел на нее и понимал, что это она, хотя поверить в это было невозможно.

Казалось, прошла вечность, прежде чем она повернулась и посмотрела в его сторону, но ясно было, что она его не увидела. Она зажгла четыре свечи, опустила деньги в кружку для пожертвований, а после этого снова долго стояла и смотрела на алтарь, и по ее щекам текли слезы. Потом наклонила голову, отступила назад и, повернувшись, нерешительно прошла между скамеек. Теперь между ними оставалось всего несколько дюймов. Чарльз поднял руку и задержал ее. Она подняла на него удивленный взгляд, как будто вдруг очнулась от глубокого сна, и посмотрела ему прямо в глаза. Прижала ладонь к губам. Глаза, высохшие было у алтаря, снова наполнились слезами.

— Боже...

Невозможно. Но это так. Почти семь лет она не видела его. И вот увидела снова, но в это нельзя поверить.

Он молча коснулся ее руки, и она, не раздумывая, не говоря ни слова, склонилась к нему, а он обнял ее обеими руками. Показалось на миг, что это какая-то таинственная сила привела их обоих сюда, повелела снова быть вместе. Как двое тонущих, они ухватились друг за друга посреди этой большой и холодной церкви. Лишь через несколько минут она нашла в себе силы отстраниться от него и посмотреть ему в лицо. Он выглядел старше, он измучен на полях сражений. Да, он постарел, и на лице у него шрамы, и самый страшный шрам на руке, и болит нога, и седина в волосах. А она смотрит на него, и ей опять восемнадцать лет, и сердце колотится так же, как когда-то в Париже. Все эти годы она знала, что часть ее души навсегда осталась с Чарльзом Делони. Очень давно ей пришлось с этим смириться, чтобы жить дальше. Или надо изменить свою жизнь, принять на себя его боль. Она уже научилась переносить свою и чужую боль.

— Не знаю даже, что тебе сказать, — грустно улыбнулась Мариэлла, стирая слезу со щеки, — ведь когда столько лет прошло, не спросишь «как дела?».

Глупо, в самом деле. А сказать действительно больше нечего. Когда-то до нее нет-нет да и доходили вести о нем, но вот уже сколько времени она ничего о нем не слышала. Она лишь знала, что его отец болен. Ее родители умерли, когда она еще жила в Европе. Это было ему известно.

— Ты просто сказочная красавица.

Он мог только стоять и смотреть на нее. Сейчас ей тридцать лет, и она стала еще прекраснее, чем в восемнадцать, когда она выходила за него

замуж. Кажется, исполнились все ее желания, а глаза у нее все равно грустные. Не так-то легко в них смотреть.

— С тобой все в порядке?

В этот короткий вопрос он вложил очень многое, и, как прежде, она поняла его. Когда-то Мариэлла и Чарльз были одним танцем, одной песней, одним движением. Стоило ему не подумать даже, а только захотеть подумать о чем-то, как она могла уловить его мысль. Они удивительно хорошо знали друг друга. Они могли бы быть, да и были половинками одной личности. Да, две половинки... А целое-то сейчас где? Чарльз смотрел на Мариэллу и думал, существует ли еще это целое. Одета она была дорого, ее соболья шуба была великолепна. И шляпа от Лили Дашэ, Мариэлла всегда умела носить шикарные вещи. Нет, теперь она стала еще утонченнее. Неужели он боится ее теперь? Или она уже не так волнует его? Нет, он ее не боится, она терзает его сердце, так и было все эти годы. Ну почему она была так страшно упряма в день их последнего свидания?

— Мариэлла, что-то ты очень серьезная. Он заглядывал глубоко в ее глаза, ожидая ответов на все свои вопросы. Она попыталась улыбнуться, отвела взгляд, потом опять посмотрела на него.

— Трудно... нам обоим трудно... день такой... О да, сегодня такой день, иначе они и не пришли бы сюда. Ей все еще казалось странным, что вот Прошло столько лет, а они опять стоят вдвоем под сводами собора Святого Патрика.

— Ты насовсем вернулся?

Ей хотелось знать, как он живет. Он казался ей крупнее, сильнее, чем раньше, в нем угадывалась новая сила. И, казалось, у него будто обнажились нервы.

Он покачал головой, и ему вдруг захотелось остаться здесь, в соборе, и говорить с ней, говорить.. — Не думаю, что пробуду долго. Я приехал три недели назад. Уже думаю возвращаться в Испанию.

— В Испанию? — Она удивленно подняла брови. Она помнила, как тесно его жизнь была связана с Парижем, и не могла себе представить его вне этого города.

— Там война. Я воевал там два года. Она кивнула. Вот теперь все понятно.

— Я так и думала, что ты, наверное, там. — Да, война — это как раз для него.

Она была права. Он просто не мог не поехать в Испанию. Ему нечего терять. И искать нечего. И незачем оставаться дома.

— А ты?

Он пристально посмотрел ей в лицо. Странные вопросы, такие вопросы не принято задавать в церкви, но каждому из них хотелось узнать все друг о друге. Она долго молчала, а потом ответила чуть слышно:

— Я замужем.

Он кивнул, стараясь не показать своей боли.

А ведь ей удалось мгновенно растравить рану, которая не заживала очень долго.

— Я его знаю?

Вряд ли, ведь он провел за границей целых семнадцать лет. Но по ее внешнему виду можно заключить, что она замужем по меньшей мере за Астором.

— Не думаю. — На самом деле она знала, что ее муж был когда-то другом Делони-отца. Муж был на двадцать пять лет старше ее. — Его зовут Малкольм Паттерсон.

В ее глазах не было радости, когда она произносила его имя. И гордости не было. Поля шляпы закрыли от него ее лицо. Что-то неясное послышалось в ее словах, что-то такое, что ему не понравилось. Она была прекрасна, но вовсе не выглядела счастливой. Так вот что с ней произошло за эти семь лет. Он не был ошеломлен. Но он был встревожен. Да, именно так.

— Знакомое имя, — холодно сказал Чарльз, и ему очень захотелось еще раз взглянуть Мариэлле в глаза. — И ты счастлива?

А если бы он сейчас предложил ей вернуться к нему, что бы она ему ответила? Ему-то самому было ясно, что она не должна отказываться.

Она не знала, как ответить. Она ценила свой брак. Малкольм пообещал заботиться о ней в то самое время, когда забота была ей так необходима, и он сдержал обещание. Он не дал ей предаться отчаянию. Он был к ней добр. Но в первое время она не отдавала себе отчета в том, что муж ее может быть холодным, чужим, что ему порой будет не до нее. Слишком часто он бывал занят. И все же во многих отношениях он был идеальным мужем. Умен, вежлив, предупредителен, обаятелен. Но он — не Чарльз... нет в нем страсти, пламени... Не его лицо представлялось ей в те часы, когда она находилась на грани между жизнью и смертью... Не его имя она шептала... Они это знали, и Малкольм, и Мариэлла.

— Чарльз, я спокойна. А это много для меня значит.

С Чарльзом нельзя было быть спокойной... С ним было упоение, счастье, страсть, любовь... порой отчаяние... И горе было, такое же огромное, как и страсть.

— Я тебя видел... в Испании... я бредил, когда меня ранили... —

сказал он словно в полусне.

«А я тебя видела каждую ночь», — хотела сказать Мариэлла, но не смогла. Только улыбнулась.

— Бывают призраки, Чарльз.

И есть среди них такие, что приносят боль.

— Нет, не призраки. Разве мы — призраки? Призраки — и все?

— Может быть.

Только проведя два года в санатории для душевнобольных, она поняла, что кошмар кончился, и теперь можно жить — пусть с болью в сердце, но все-таки жить после всего, что произошло. Сейчас нельзя рисковать, нельзя рисковать даже ради него, ради него тем более нельзя. Не надо позволять себе возвращаться вспять. Да, она все еще бесконечно любит его, но это не имеет сейчас значения. Она коснулась его руки, его щеки, он наклонился, чтобы поцеловать ее, но она отстранилась. Он все-таки поцеловал ее в щеку, совсем близко к губам, и она долго не открывала глаз.

— Я люблю тебя... Я тебя все время любил...

Она узнала этот огонь в его глазах. Это не физическое влечение, доводящее мужчину до безумия, а истинная любовь, рожденная узнаванием, заботой, верой в любимого человека. Такая страсть убивает. Мариэлла знала, что эта страсть когда-нибудь погубит Чарльза. Когда-то она сама едва не погибла в пламени его безумств и теперь не может рисковать. У него появились шрамы, но и у нее тоже. Она ранена не на поле боя, но от этого ее раны болят не меньше.

— Я тебя тоже люблю, — прошептала она, понимая, что не следует говорить такие слова. Но шепот явился из прошлого, как отзыв той жизни, которая закончилась вместе с жизнью Андре.

— Давай еще раз встретимся, пока я не уехал в Испанию.

Давить — вот это похоже на него. Сейчас он заставит ее почувствовать себя в ответе за него. Как же, ведь он едет на войну! Она опять улыбнулась, но на этот раз отрицательно покачала головой.

— Не могу, Чарльз. Я замужем.

— Он знает про меня?

Она опять покачала головой. Этот вопрос был для нее мучительным.

— Нет, не знает. Он считает, что я бурно провела лето во время путешествия по Европе, слегка отбилась от рук. Так мой отец рассказывал друзьям. Отец всегда говорил, что был, мол, «бурный роман». Больше Малкольм ничего не знает. Он никогда не позволял мне говорить об этом. Малкольм понятия не имеет, что я была замужем.

Ох, как это похоже на ее отца! Он никогда никому не говорил, что его

дочь жила с Чарльзом, благо сами родители остались тогда в Европе. Ее отец всю жизнь заботился исключительно о репутации, ему лишь бы остаться внешне безупречным. Он лгал для ее же блага, всем говорил, что дочь учится в Европе. Во что бы то ни стало сохранить лицо. Ради этого он так старался спасти Мариэллу от «ужасной ошибки», когда она решила выйти замуж за Чарльза Делони. И до сих пор муж Мариэллы верил в эту ложь, потому что она сама его не разубедила.

Чарльзу не верилось, что Мариэлла ни разу не сказала мужу правду. Они-то друг другу говорили все. Делились любыми секретами. Но, с другой стороны, что было скрывать в восемнадцать лет? В тридцать — совсем другое дело.

— Чарльз, он ничего не знает о нас. Зачем? В самом деле, зачем говорить ему, что двадцать шесть месяцев она провела в лечебнице для душевнобольных, ожидая смерти... призывая смерть... вскрывала вены... пила таблетки... топилась в ванне... Зачем говорить ему о таком? Чарльз знал, он оплачивал счета из санатория... Она в конце концов оправилась.

— А ты ему скажешь, что сегодня видела меня? Ему была интересна ее жизнь, их жизнь. Что у них за семья, если она ничего ему не сказала о прошлом? Любит ли она его, а он ее? Теперь, после стольких лет, она с такой легкостью сказала «я тебя люблю», а Чарльз ей поверил. В ответ на его вопрос она покачала головой.

— Как я могу сказать, что видела тебя, если он не знает, что ты был когда-то в моей жизни? — Она оставалась спокойной и красивой. Она совсем не волновалась, и Чарльз не понимал почему.

— Ты любишь его? — Он в это не верил, но хотел знать наверняка.

— Конечно. Он мой муж.

Нет, она уважает его, она благодарна ему. Но она никогда не любила его так, как любила Чарльза, и никогда не сможет его полюбить. Более того, ей это не нужно. От такой любви бывает слишком много боли, а ей уже не хватает мужества. Она взглянула на часы, потом снова на Чарльза и сказала:

— Я должна идти.

— Зачем? Что случится, если ты не пойдешь домой и мы будем вместе? Он выговорил эти слова.

— Ты не переменяйся. Ты все тот же, каким был тогда, в Париже, когда уговорил меня бросить родителей. — Она улыбнулась этому воспоминанию, и он улыбнулся в ответ.

— Тогда тебя было легче убедить.

— Тогда все было легче, ведь мы были моложе.

— Ты не стареешь. — Это не правда, она знала в глубине души, что это не правда.

Она поплотнее запахнула шубу, натянула перчатку, и Чарльз сделал шаг к выходу из собора.

— Я хочу с тобой еще раз увидеться до отъезда. Она вздохнула и опять повернулась к нему.

— Невозможно, Чарльз.

— Если не решишься, я приду к вам домой и позвоню в дверь.

— Да, ты на это способен. — Она засмеялась, несмотря на то что сегодня печальный день и именно общая печаль привела их сюда.

— О, ты потом долго будешь объяснять мужу, что к чему!

От одной мысли об этом у нее едва не разболелась голова.

— Ты знаешь, где я. У отца. Звони. Или я сам позвоню.

Прошло семь лет, и вот он стоит перед ней, едва ли не угрожает, и как же он при этом красив!

— А если я не позвоню?

— Я разыщу тебя.

— Я так не хочу, — ответила она серьезно и не улыбнулась, когда он заговорил:

— Я ни за что не поверю, что ты этого не хочешь. Прошло много времени, и мы не можем просто так... Мариэлла, я не могу позволить тебе просто так уйти. И не позволю. Извини.

В его лице угадывалось безрассудное отчаяние, странная, почти безнадежная решимость.

— Я знаю.

Она взяла его под руку, и они вышли из собора, и в эту же самую секунду шофер Малкольма прошел в боковую дверь. Этот час он провел в соборе, наблюдая за ними. Сегодня у него нашлось развлечение. Впрочем, открытие его не очень удивило. У Малкольма тоже была своя жизнь, а она — красивая молодая женщина. Красивая, и боится чего-то, это ему известно. Всех боится, в первую очередь собственного мужа. Интересно, кому из них стоит рассказать о своих наблюдениях — самой миссис Паттерсон? Или сначала ее супругу?

Чарльз и Мариэлла медленно спускались по ступенькам, она держала его под руку, а он прижимал ее к себе.

— Если не хочешь встречаться, не буду тебя принуждать, но только я хотел бы увидеть тебя еще раз перед отъездом.

— Зачем тебе?

Она посмотрела ему прямо в глаза, а он ответил так, как он только и

мог ответить:

— Затем, что я все еще люблю тебя. Она отвернулась. В глазах ее стояли слезы. Она не хотела его любить, не хотела, чтобы он ее любил, зачем ей эти воспоминания, терзания, эта боль. Она опять подняла глаза.

— Я не смогу тебе звонить.

— Все ты сможешь, стоит только захотеть. И вообще, делай что хочешь, все равно я... Тебе, наверное, трудно...

Он оглянулся на собор, потому что опять вспомнил, какой сегодня день и почему они здесь, потом опять посмотрел на нее. В глазах у него слезы, у нее тоже. Она с усилием кивнула.

— Да, все так же трудно. Ничто никуда не делось.

Да и не денется, она это сейчас поняла. С этим придется жить дальше, с этой непрекращающейся болью. И опять она посмотрела на него.

— Ты меня прости... — Эти слова она хотела ему сказать давным-давно, сказала только теперь, но какая разница?

Он покачал головой, еще раз запахнул поплотнее шубу и наконец отпустил. Взглянул в последний раз на нее и пошел не прощаясь своей дорогой, вверх по Пятой авеню. Не мог он с ней проститься. Она долго-долго смотрела на него, а шофер уже открыл дверцу машины. Прошло несколько минут, Мариэлла уже сидела и думала про Чарльза... о давно ушедшей жизни, которой не будет больше... об Андре. Машина ехала по направлению к дому.

Глава 2

Патрик, шофер Малкольма Паттерсона, поехал от собора по Пятой авеню, но Мариэлла не увидела Чарльза по дороге. Они без приключений доехали до 64-й улицы, до дома, в котором Мариэлла прожила с Малкольмом шесть лет. Дом располагался между Мэдисон-авеню и Пятой авеню. Это был очень красивый дом. Но для Мариэллы он так и не стал родным. Хозяином в нем был только Малкольм. С самого начала силы стали изменять ей в этом доме. Дом был прекрасно оборудован, обслуживал его немолодой штат прислуги. Этот дом принадлежал еще отцу Малкольма. Малкольм относился к дому почти как к памятнику покойным родителям. Повсюду попадались бесценные для него реликвии. Сам Малкольм мало что изменил в доме, разве что привозил сувениры, он всегда много путешествовал. Иногда Мариэлла чувствовала себя музейным экспонатом, который можно обозревать, но трогать его руками не полагается. Это как кукла, которую ставят в шкаф, все ею восторгаются, но играть с ней не дают никому. Слуги почти всегда обращались с ней почтительно, но неизменно давали понять, что работают они не у нее, а у ее мужа. Многие из них служили в доме давно, и Мариэлла чувствовала, что почти не знает их, хотя прожила с ними шесть лет под одной крышей. Малкольм всегда требовал, чтобы она соблюдала дистанцию со слугами. Она так и делала. Во взаимоотношениях слуг с миссис Паттерсон не было тепла. С самого начала Малкольм не позволял ей менять уклад дома. Дом по-прежнему безраздельно принадлежал ему, все в доме делалось согласно его желаниям, и, если бы ее распоряжения разошлись бы с требованиями Малкольма, ее мнение попросту проигнорировали бы. Всех слуг Малкольм нанимал сам, по большей части в Англии, Ирландии и Германии. Ему почему-то чрезвычайно нравилось все немецкое. В молодости он учился в Гейдельбергском университете и знал немецкий язык превосходно.

Мариэлла предполагала, что прислуга не относится к ней как к полноправной хозяйке оттого, что в свое время она сама работала у Малкольма. Вернувшись в 1932 году из Европы, она не смогла найти работу. Еще не было видно конца Великой депрессии, без работы оставались даже мужчины с хорошими дипломами, а у нее не было абсолютно никакой профессиональной подготовки. Ей раньше не приходилось устраиваться на работу, а родители не оставили практически ничего. Ее отец разорился в двадцать девятом во время всеобщего краха,

это и ускорило его конец. Он был слишком стар, чтобы начать все сначала. Вскоре ему отказало сердце, но еще раньше сломался его дух. У его вдовы ничего не осталось, всего несколько сот долларов, через полгода она умерла. Тогда Мариэлла еще была в Европе, и Чарльз занялся продажей дома, чтобы она смогла выплатить долги. Она была очень больна тогда и не могла сама о себе позаботиться, а когда она неожиданно появилась в Нью-Йорке, у нее не было ничего, не было даже квартиры. Она остановилась в гостинице в Ист-Сайде и немедленно начала искать работу. В кармане у нее лежали две тысячи долларов, взятые займы у Чарльза. Она не позволила ему дать ей больше. Она осталась совершенно одна. Малкольм спас ее в самом прямом смысле слова. До сих пор она глубоко признательна ему за это и никогда не забудет его доброту.

Стоял холодный февральский день, когда она вошла в его кабинет, и его приветливая улыбка показалась ей лучом солнечного света, пронизавшим окружающий мрак. Она пришла к нему, потому что знала его как друга отца, потому что надеялась, что он подскажет ей что-нибудь насчет работы — может, кому-нибудь нужна компаньонка, знающая французский язык. Она умела только рисовать и говорить по-французски, причем не рисовала уже давно. Навыков, необходимых для секретарши, у нее не было и в помине, но, поговорив с ней около часа, он принял ее на работу и даже оплатил гостиничные счета. Впоследствии она сделала попытку вернуть ему деньги, но он не пожелал и слушать о них. Он представлял себе, в какой она ужасающей нужде, и ему было приятно оказать услугу.

Она быстро освоилась и стала исполнять работу помощницы старшего секретаря. Старшим секретарем была англичанка, которая Мариэлле не слишком симпатизировала, но держалась с ней корректно. Никто не удивился, когда некоторое время спустя Малкольм начал приглашать Мариэллу на ленч, а потом они часто и ужинали вместе. Время от времени он стал появляться с ней на всякого рода светских мероприятиях. И каждый раз Малкольм мягко предлагал ей купить новое платье, причем в том магазине, где он был знаком с администрацией. Сначала ее это смущало. Она не хотела сближаться с ним, боялась поставить себя в ложное положение. Конечно, он был к пей добр, внимателен, неназойлив. Так, он никогда ничего не выпытывал о ее прошлой жизни, не спрашивал, почему она шесть лет провела в Европе и почему так внезапно вернулась. К ее удивлению, ей было с ним легко. Говорили они всегда о настоящем, о прошлом — никогда. Малкольм всегда был ровным, внимательным, а подчас и нежным. Ее первоначальное предубеждение по отношению к нему

исчезло. Мариэлла с удивлением отмечала, что он никогда не позволял себе некорректных поступков. По-видимому, ему просто нравилось часто показываться в обществе с такой красивой женщиной, прекрасно одетой, причем в вещи, выбранные и купленные им. Иногда она скромничала сверх меры, даже опять как будто побаивалась его. Но он этого, вероятно, не замечал. С ним она чувствовала себя увереннее и спокойнее, чем прежде. Конечно, она была теперь совсем иной, но эти происшедшие с ней перемены помогали ей жить дальше.

Ее нигде и ни о чем не расспрашивали. Малкольм, представляя ее, лишь называл ее имя. Конечно, его знакомым хотелось знать, кто она такая, но вслух никто не позволял себе вопросов о том, чем она занималась раньше или почему у нее часто бывает такое печальное выражение лица. Она была просто красивой женщиной, а ее спутник хорошо известен в деловых кругах. С Малкольмом Мариэлла чувствовала себя в безопасности, он защищал ее ото всего на свете, именно защиту он и предложил ей в День благодарения^[2], когда попросил ее выйти за него замуж. Защиту и заботу, пока он жив; Малкольм не преминул сделать эту оговорку, так как он гораздо старше и она наверняка переживет его. Он не пытался убедить ее в своей любви, но каким-то образом она чувствовала, что он ее действительно любит, он же такой добрый, внимательный, настоящий джентльмен. Большого она и не желала. Она не хотела идти на риск и, быть может, опять испытать страшное горе — ведь никто не застрахован от несчастий. А воспоминания о прежней жизни все еще причиняли ей боль. Как-то раз, когда они с Малкольмом обедали в ресторане, она попыталась честно рассказать ему, что в ее прошлом есть много горя и боли, но он перебил ее.

— У всякого человека, дорогая, есть прошлое, — улыбнулся Малкольм. — И, как бы то ни было, тебе двадцать четыре года, поэтому у тебя не может быть такого уж страшного прошлого.

Он был терпелив, и Мариэлла поняла, что может прийти к нему со всеми своими незаживающими ранами и найти у него утешение и защиту. Вот чего она хотела — не дома его, не богатства, не роскоши. Раньше он уже был дважды женат, и нашлись доброхоты, от которых она узнала, что щедрость его буквально не имеет границ. Но она нуждалась прежде всего в его участии, как в тихой гавани во время бури, где можно укрыться на всю жизнь. Он обещал ей именно такое убежище. Ему нетрудно было понять, насколько она боится страданий, хотя он и не подозревал, сколько ей уже пришлось пережить. Малкольм выставил единственное требование: чтобы она родила ему детей. В обоих предыдущих браках детей у Малкольма не

было, теперь, когда ему сорок девять, Малкольм мечтал, чтобы у финансовой империи Паттерсонов появился наконец наследник. Основу его состояния составил стальной бизнес. Несколько поколений его предков, возможно, использовали не самые легальные методы обогащения, но к моменту рождения Малкольма фамилия Паттерсон пользовалась уже огромным уважением в деловых кругах. И еще большее уважение эта фамилия приобрела благодаря деятельности самого Малкольма.

Сначала предложение Малкольма удивило Мариэллу, и на какое-то мгновение ей показалось, что он смеется над ней. Да, разумеется, бывали вместе в обществе, Малкольм был щедр и добр к ней, он любовался ею, но ведь он ее даже ни разу не поцеловал.

— Я... не знаю, что вам сказать... Вы серьезно? Он спокойно улыбнулся и взял ее за руку. Ему понравилось, что она так ошарашена. Она все-таки казалась ему ребенком. Он осторожно поднес ее пальцы к губам и поцеловал.

— Конечно, серьезно, Мариэлла.

Глаза их встретились. Казалось, что он не жених, а скорее отец. Но именно это в нем и привлекало Мариэллу, более того, в этом-то она и нуждалась. Она прожила в Штатах немногим меньше года после возвращения, и у нее не было ни одного друга, кроме Малкольма.

— Будьте моей женой. Дорогая, я буду о вас заботиться. Обещаю вам. И если судьба пошлет нам детей, я буду благодарен вам до конца своих дней.

Она внимательно слушала его, и предложение казалось ей несколько странным. Больше похоже на деловое соглашение, чем на объяснение в любви. Ему нужны дети, ей — защита и покровительство. Он так и не сказал, что он ее любит, что он без ума от нее, и она не была в него по уши влюблена. С Чарльзом было совсем не так, но теперь ей нужно было именно это. И только одно пугало ее: мысль о детях. Она не знала, сможет ли решиться на это еще раз, но сказать ему о своих сомнениях она не осмелилась.

— А если детей не будет? — спросила она с беспокойством. Малкольм понял, что не знает чего-то очень важного о своей избраннице. А ведь ему казалось, что у этой юной женщины не может быть тайн в жизни.

— Тогда мы будем друзьями, — сказал он спокойно и дружелюбно взглянул на нее. Тогда она перестала колебаться, хотя и не понимала, зачем она ему в этом случае нужна, ведь на свете есть столько женщин, которые пошли бы на все, лишь бы заполучить его.

— Но почему именно я? Есть... много... других... — Не договорив,

она покраснела. У нее не было ни денег, ни самостоятельного положения в обществе. Конечно, родители ее были солидными людьми, но они потеряли практически все свое состояние, и они оставили ее без гроша. Но его и это в ней привлекало. У невесты нет знакомых, родных, обязательств. Она принадлежит ему одному или по крайней мере будет принадлежать после свадьбы. И это хорошо. Малкольм Паттерсон любил обладать собственностью — домами, машинами, картинами, антикварными вещами... И Мариэлла теперь перейдет в его собственность; а если она родит ему ребенка, она окажется важнейшей собственностью. К тому же она скромна, без особых запросов — прекрасно. Она будет достойной женой и, может быть, станет когда-нибудь хорошей матерью.

— Наверное, я должен сказать, что люблю вас... — Оба они понимали, что он этого-то и не должен говорить. — Но я уверен, что для нас обоих это не так важно. — Оказывается, он все-таки хорошо ее знает, лучше, чем она предполагала. — Возможно, это вообще не имеет значения. Я думаю, нам пока не надо произносить таких слов. Потом, позже, мы обязательно полюбим друг друга, ведь так?

Она кивнула. Ее страх, смешанный с изумлением, еще не прошел.

— Так что же вы мне ответите? — Судя по всему, Малкольм не сомневался в ее согласии.

Одно мгновение она колебалась. Но только одно мгновение.

— Я... — Она посмотрела на него с тревогой. — Но вы уверены?..

Она боялась за него даже больше, чем за себя. Что, если она принесет ему одно разочарование? Что, если... если она не сможет остаться и с ним? Прошедший год был тревожным. Через две недели после ее возвращения в Штаты все газеты сообщили, что похищен сын знаменитого летчика Линдберга, и это сообщение поначалу просто парализовало ее. А в мае, когда весь мир узнал, что ребенок погиб, Мариэлле стали неотступно преследовать кошмары, и мучительные воспоминания вернулись к ней ужасной явью. Тогда она несколько дней не вставала с постели, говоря, что у нее грипп. На самом деле она была просто не в состоянии что-либо делать. В конце концов она, охваченная паникой, позвонила в Швейцарию, и врач, который когда-то лечил ее, сумел ее успокоить. Но что, если... если Малкольм узнает?..

— Я не уверена, что вам... — Мариэлла опустила голову, потому что на глаза навернулись слезы. А ему вдруг захотелось обнять ее и немедленно овладеть ею. В этот момент она впервые внушила ему страсть, и он понял, что в самом деле сможет когда-нибудь полюбить эту женщину.

— Дорогая... прошу вас... станьте моей женой... Я все для вас

сделаю...

Он умел говорить только таким языком. Она посмотрела на него и грустно улыбнулась.

— Мне ничего не нужно. Прошу вас только, будьте ко мне добры так, как были всегда. Вы были очень добры. Я этого недостойна.

— Не правда. Вы заслуживаете гораздо больше, чем я могу вам дать. Вы заслуживаете молодого красивого мужа, который любил бы вас до безумия, с которым вы могли бы танцевать, путешествовать, смеяться. А вам достается старик, которого, может быть, вам придется возить в инвалидной коляске, когда вам будет всего сорок.

То, что он сказал, было нелепо, и она рассмеялась. Трудно было себе представить Малкольма расслабленным, дряхлым. Он был сильным, энергичным мужчиной и, несмотря на раннюю седину, выглядел лет на десять моложе своего истинного возраста. Седые волосы только придавали значительности его облику.

— Итак, я сказал вам, какое вас ожидает будущее. Примете ли вы теперь мое предложение?

Снова их глаза встретились, и она кивнула, едва заметно. Она почувствовала, что не может смотреть на него, потому что у нее перехватывает дыхание. Тогда он взял обе ее руки в свои и притянул к себе. Она смотрела на него, и слезы опять подступали к глазам. Она очень хотела сделать ему столько же добра, сколько он ей сделал, хотела обещать ему все-все, но это было, конечно, невозможно. Тогда она дала себе клятву, что никогда не причинит ему горя.

На церемонии присутствовало немного людей. Они зарегистрировали брак в первый день нового года. После церемонии судья, старый друг Малкольма, приехал к нему домой. На торжество были приглашены еще пятеро друзей Малкольма. У Мариэллы не осталось друзей в Нью-Йорке. Единственными ее знакомыми были женщины, с которыми она вместе работала. Но теперь они уже никак не могли быть ее подругами. Счастливый конец сказки о Золушке не растрогал их. Каждая из них мечтала, чтобы ей улыбнулась судьба, а Мариэлле повезло больше. Впрочем, им-то Малкольм был нужен совсем по другим причинам. Они хотели денег, Мариэлла искала защиты.

К свадьбе был заказан атласный бежевый костюм и такого же цвета шляпа. Никогда Мариэлла не была так красива, как в день свадьбы. Ее густые каштановые волосы были собраны в тяжелый узел, ее прекрасные голубые глаза светились радостью и волнением. Когда судья объявил их мужем и женой, Мариэлла заплакала, и весь день она не отходила от

Малкольма, как будто боялась, что стоит ей отойти, как злой дух разлучит их.

Они провели медовый месяц на небольшом острове в Карибском море неподалеку от Антигуа. Остров был частным владением одного друга Малкольма, там имелся роскошный дом, яхта и целая армия вышколенных слуг. Там молодоженам было хорошо, и Мариэлла почувствовала, что ее привязанность к Малкольму становится глубже и прочнее. Его постоянное внимание трогало ее настолько, что она не могла выразить этого словами. А он обращался с ней мудро и бережно. Он страстно мечтал о ребенке, но никогда не позволял себе открыто выражать нетерпение. В течение всего медового месяца он изучал ее, искал способы доставить ей удовольствие. Он был опытен, и ей нравилось ложиться с ним в постель, но для обоих не составляло секрета отсутствие чего-то существенного в их отношениях. Тем не менее им было хорошо вместе.

Прожив на острове три недели, они вернулись в Нью-Йорк, и Мариэлла уверенно переступила порог его дома, вошла в его дом той легкой походкой, которую, казалось, утратила навсегда. Но дома реальная жизнь вступала в свои права. И в этой жизни для Мариэллы было немало сложностей. Ей предстояло жить в его доме, постоянно общаться с его друзьями, его прислугой, исполнять его желания. Почти все слуги считали ее удачливой охотницей за богатством и обращались с ней как с нежеланной гостьей. Они знали, что совсем недавно она была всего-навсего помощницей его секретарши, и это подогревало их ненависть. На ее распоряжения не обращали внимания, над ее приказами смеялись за ее спиной, ее личные вещи исчезали или портились, разумеется «случайно», а когда она наконец решила обратиться на это внимание Малкольма, он отнесся к ее жалобам настолько благодушно, что она расстроилась еще больше. Он сказал, что надо дать «его людям» время, и они привыкнут к ней, а потом и полюбят ее не меньше, чем любит он сам.

Вернувшись в Нью-Йорк, Малкольм вплотную занялся делами. Большую часть времени он проводил на работе, следовательно, вел свою жизнь, и Мариэлла сразу оказалась страшно одинока. Малкольму по-прежнему нравилось появляться с ней в обществе, он был по-прежнему добр к ней, но ей стало вполне ясно, что она не станет его неразлучной спутницей. Даже спальня у нее была отдельная — Малкольм объяснил, что ему нередко случается засиживаться допоздна, читать бумаги, звонить по телефону в Европу, и в таких случаях ему необходимо уединение, и к тому же он не хотел бы мешать ей отдыхать. Она предложила ему перенести кабинет в соседнюю с общей спальней комнату, но он твердо стоял на том,

что перемен в доме не будет. Так и вышло. В жизненном укладе Малкольма после женитьбы не изменилось ничего, разве что они стали появляться в обществе вдвоем чуть чаще. И несмотря на его неизменную доброту, она то и дело ощущала, что она по-прежнему — не более чем часть персонала его фирмы.

Теперь у нее был постоянный доход, который в начале каждого месяца поступал на ее счет, и муж всегда убеждал ее, что она свободно может покупать в магазинах все, что ей нравится. Но слуги-то оставались его слугами, и дом выглядел в точности так же, как до ее прихода, окружали ее только его друзья, и в деловые поездки Малкольм по-прежнему брал с собой секретаршу. Пожалуй, Мариэлла раньше, будучи помощницей секретаря, даже чаще сопровождала его в подобных поездках. Мариэлла могла бы даже возненавидеть новую секретаршу, которая ездила теперь с Малкольмом, если бы ей не понравилась с первого взгляда эта девушка, хорошенькая немка. Ее звали Бригитта, ее родители жили в Берлине. Репутация ее была безупречна, и она относилась к Мариэлле с должным уважением. У Бригитты были пепельно-белые волосы. Ногти она красила ярко-красным лаком. У нее были отличные манеры, и она знала свое дело. Но мало того, она действительно хорошо относилась к Мариэлле, и две молодые женщины почти подружились. Другие сотрудницы офиса завидовали теперь Бригитте, как когда-то завидовали Мариэлле, и миссис Паттерсон не раз замечала на их лицах гримасы, несомненно относящиеся к Бригитте. Мариэлла даже жалела девушку. Бригитта всегда вела себя предупредительно, и, если Мариэлла звонила по какому-нибудь делу в офис, Бригитта каждый раз старалась ей помочь. Когда стало известно, что Мариэлла беременна, Бригитта стала посылать ей очень милые маленькие подарки для будущего младенца. Она даже связала ему одеяльце и пару кофточек, что очень тронуло Малкольма. Впрочем, сам он почти не замечал Бригитту. У него были свои заботы — бизнес, командировки, жена, а в скором времени должен был появиться долгожданный сын.

Мариэлла несколько не сомневалась, что забеременеет быстро. Она знала это из собственного опыта и была удивлена, когда через несколько месяцев брака ничего не произошло. Когда прошло полгода, Малкольм настойчиво порекомендовал ей обратиться к известному гинекологу. Он сам отвез ее в Бостон, поместил в клинику и оставил на несколько часов под наблюдением опытных специалистов. К концу дня врачи пришли к заключению, что у Мариэллы нет проблем гинекологического порядка, и мистеру и миссис Паттерсон не следует расставаться с надеждой. Врачи уверили Малкольма, что беременность его супруги — вопрос времени, и

дали несколько советов, которые вогнали Мариэлле в краску, но Малкольм твердо решил, что этим советам надо последовать.

Прошло еще шесть месяцев, советы врачей не принесли желаемого результата, и супруги по-настоящему забеспокоились. Каждый месяц, убедившись, что беременность так и не наступила, Мариэлла впадала в состояние, близкое к истерике. От нервного напряжения возобновились головные боли. Тогда-то она обратилась за консультацией к своему личному врачу. Ничего нового врач посоветовать не смог, и тогда он очень осторожно намекнул, что есть женщины, попросту не созданные для материнства. Он уже встречался с подобными случаями, когда молодые, здоровые женщины, не имеющие никаких женских заболеваний, выполняют все предписания врача, а зачатия не происходит. В этом никто не виноват, но...

— Бывает, — сказал он, понижая голос, — что богу зачатие не угодно.

— Это не мой случай, — робко произнесла она, опасаясь поднять глаза на доктора. Мариэлла ни о чем не рассказывала Малкольму, тем более не стала бы говорить теперь, когда она, по всей видимости, не могла зачать от него ребенка.

— У вас уже были беременности? — спросил врач. Опытный врач и сам знал ответ на свой вопрос — осмотр не оставил сомнений на этот счет. Но если женщина так старательно пытается сохранить свою тайну, он не вправе вынуждать ее к откровенности. Мариэлле необходимо было рассказать о своих проблемах, и ей показалось, что именно этому человеку можно доверить свой секрет. К нему она обратилась сама, старый врач был одним из немногих ее знакомых, кто никак не был связан с Малкольмом.

— Да, — кивнула она.

— Аборты?

Важный для диагностики вопрос. Бывает, что женщина вынуждена прибегать к подпольным абортам. И часто бывает, что в таких случаях она лишается возможности когда-либо иметь детей. Хорошо еще, если она останется в живых, побывав в руках этих «специалистов», которые занимаются нелегальными абортами.

— Нет.

— Понятно... — Врач сочувственно кивнул. — Вы потеряли ребенка.

— Нет, — начала она, и вдруг голос ее задрожал:

— То есть да... Ребенок был... потом умер...

— Мне очень жаль, поверьте.

Мариэлла наконец рассказала врачу все, расплакалась, потом долго успокаивалась и через два часа, выходя из его кабинета, она чувствовала

облегчение. Как будто сбросила тяжкий груз с плеч.

Он вдохнул в нее силы, сказав, что не сомневается — она обязательно будет иметь детей.

Он оказался прав. Прошло два месяца, и Мариэлла обнаружила с удивлением и радостью, что она ждет ребенка. А она-то уж думала, что это никогда не произойдет, и даже задавала себе вопрос, не предложить ли Малкольму развод, раз она не в состоянии исполнить его желание и подарить ему ребенка. И вдруг во мраке блеснул свет, и вот уже Малкольм, обрадованный, признательный, сидит около нее. Как только он узнал, что станет отцом, он засыпал Мариэлла драгоценностями и самыми разными подарками, стал приходить домой к ленчу, чтобы узнать, как она себя чувствует, обращаться с ней как с самым ценным и хрупким бриллиантом на свете и ежеминутно строить планы относительно будущего малыша. Несомненно, он ждал именно сына, но был готов радоваться и рождению дочери.

— Пускай родится девочка, потом обязательно будет сын, — возбужденно говорил он, а Мариэлла смеялась. К тому времени живот ее значительно округлился, она стала плохо и беспокойно спать, побаивалась того, что будет дальше. Но в то же время она словно помолодела, и боль прошлого отступила на второй план перед новой жизнью, зарождавшейся в ней. Она часами сидела в своей комнате, прислушиваясь к движениям ребенка в животе и ожидая того момента, когда она сможет взять его на руки. Мариэлла знала, что пустоту, мучившую ее все эти годы, может заполнить только новый ребенок. Она повторяла себе самой, что родится уже не Андре, что это будет совсем другой малыш. Андре не вернется... Все равно, сын будет или дочь, Мариэлла примет ребенка всем сердцем, и Малкольм тоже.

Малкольм велел всем в доме всячески заботиться о Мариэлле, исполнять любую ее прихоть, заставлять ее правильно и регулярно питаться, оберегать ее, чтобы она не споткнулась, не упала, не переутомилась. Правда, слуги не так радостно восприняли ее беременность, как сам Малкольм. Они увидели возможность причинять ей новые мелкие неприятности. Особенно домоправительница, которая прожила в доме уже двадцать лет, пережила недолгое владычество обеих предыдущих жен Малкольма и относилась к Мариэлле как к нахальной особе, которая вторглась в чужой дом и которую рано или поздно можно будет спровадить. Перспектива рождения ребенка как бы укрепляла позиции Мариэллы, так что ее «домашние» недоброжелатели не радовались, а, наоборот, досадовали больше прежнего.

Домоправительницу, горничных, шофера Патрика, ирландца, которого Мариэлла невзлюбила с первой встречи, даже повариху раздражала необходимость выполнять капризы Мариэллы, например, специально заваривать для нее чай, когда у нее болела голова. Головные боли Мариэллы рассматривались как проявления слабости, и слуги часто позволяли себе высказывания на этот счет. Даже нянька, которую Малкольм нанял для будущего ребенка, казалось, относилась к Мариэлле как к низшему существу. Это была англичанка с каменным лицом и с сердцем, по-видимому, из того же материала. Малькольм привез ее из одной из своих многочисленных заграничных командировок. Трудно было себе представить, что эта женщина способна нежно относиться к новорожденному. Когда она приехала (это случилось за месяц до предполагаемого рождения ребенка), Мариэлла пришла от нее в ужас.

— Малкольм, ей бы быть надзирательницей в тюрьме. Как можно ей доверить ребенка? — спрашивала Мариэлла, хотя на языке у нее вертелось другое: а зачем она вообще нам нужна? Об Андре Мариэлла заботилась сама, но воспоминания о том времени были слишком мучительны, так что она не спорила с Малкольмом всерьез. — Я могу и сама ухаживать за ребенком.

Но он только рассмеялся в ответ. Ему словно нравилось, что она не умеет защитить себя ни перед кем.

— Когда родится ребенок, ты будешь истощена. Тебе понадобится отдых. Мисс Гриффин сделает все, что нужно. У нее прекрасные рекомендации, есть опыт работы в детской больнице. Нам нужна именно такая няня. Ты, надо полагать, сама еще не знаешь, что тебе понадобится. Вот увидишь, с детьми совсем не так просто нянчиться, как тебе кажется.

Она-то знала наверняка, что с детьми проще, чем кажется ему, но сказать не могла. В восемнадцать лет у нее родился ребенок, с которым она управлялась без всяких помощников.

Мисс Гриффин начала с того, что заявила, будто головные боли Мариэллы являются признаком того, что организм матери серьезно ослаблен. Похоже было, что она хочет пристыдить самую боль, но голова болела слишком сильно, Мариэлле в такие минуты могли вылечить только темная комната и тишина. Для возникновения ее головных болей могли найтись тысячи причин. Напряжение, беспокойство, спор с Малкольмом, грубость горничной, простуда, инфекция, просто вечерняя усталость, жирная пища, даже стакан вина. Головные боли были настоящей пыткой для Мариэллы, ей постоянно приходилось извиняться, как будто бы они в самом деле были лишь ее капризом, как намекнула мисс Гриффин.

Только один человек из прислуги был добр к Мариэлле — Хейверфорд, старый дворецкий, англичанин. Он никогда не был назойлив, но держался неизменно любезно. Мариэлла любила его общество. В отличие от него мисс Гриффин с первых же дней постаралась завоевать особое доверие Малкольма, который нанял ее сам. И вскоре для нее, как и для прочих, Мариэлла стала нежеланной гостьей в собственном доме. Англичанка стала относиться к Мариэлле как к необходимому, но малоприятному устройству для производства детей. В конце концов Мариэлла начала не на шутку бояться мисс Гриффин. Ей хотелось, чтобы сейчас с ней были люди, которые любят ее, и она невольно вспоминала недели перед рождением Андре, когда рядом с ней был Чарльз. Часто она ложилась спать в слезах. Малкольм замечал это и каждый раз бывал удивлен и огорчен.

— Ты сейчас слишком чувствительна. Постарайся не принимать все так близко к сердцу, — попытался успокоить ее Малкольм. Но, поговорив с мисс Гриффин, он решил, что Мариэлла просто не в себе. Похоже было, ей постоянно хотелось плакать. Особенно сильно Мариэлла расстроилась в тот день, когда пришла в офис и встретила Бригитту. Она показалась себе такой толстой и уродливой по сравнению с секретаршей, что три дня подряд наотрез отказывалась сопровождать Малкольма на прием. Однако он был всегда терпелив и честно старался ее понять. Он видел, что к концу беременности Мариэлла была далеко не в лучшей форме. Она боялась, едва держала себя в руках. Малкольм старался помочь ей, как мог. Мисс Гриффин объяснила ему, что некоторые женщины настолько боятся болевого шока при родах, что теряют голову при одной мысли о том, что им придется испытать. Эти слова подтверждали первоначальную теорию няньки, что молодой матери не хватает силы воли, более того, ей не хватает мужества.

Мариэлла хотела, чтобы ребенок с самых первых часов своей жизни находился дома, но Малкольм твердо стоял на том, что он должен появиться на свет в больнице, где на случай непредвиденных осложнений есть самое современное оборудование. Мариэлла чувствовала, что ей будет спокойнее, если ребенок родится дома, она боялась, что ребенка могут украсть или подменить, и даже призналась в этом Малкольму. В сентябре арестовали Бруно Ричарда Хауптмана за похищение сына Линдбергов, и сейчас похищение ребенка вновь сделалось навязчивой идеей Мариэллы. Но Малкольм решил, что у нее просто расходились нервы, так как она была на седьмом месяце беременности. Для нее настали трудные времена, а истинной причины ее страхов не знал никто. Только ее лечащий врач

догадывался, и при каждой встрече он пытался ее успокоить и убедить, что на этот раз все будет хорошо.

Накануне родов супруги Паттерсон были дома.

Малкольм сидел в своей спальне и разбирал какие-то бумаги. Когда начались схватки, Мариэлла потерпела какое-то время, потом пошла к Малкольму. Едва увидев ее, он сразу же бросился вниз. Патрик отвез их обоих в больницу, и Малкольм оставался около жены до тех пор, пока врач не распорядился уложить ее на каталку и увезти куда-то, откуда она должна была вернуться уже матерью. Сознание ее было затуманено обезболивающими препаратами, и она бормотала что-то о том, как все было не так в Париже, обращаясь при этом к Малкольму. Врач улыбался ему, они обменивались понимающими мужскими взглядами — она перенеслась в воображаемый мир.

— У нее все должно пройти легко, — сказал врач, когда ее увезли. — Я скоро вернусь к вам.

Малкольм ободряюще улыбнулся и опустил в кресло. Он заранее заказал для жены две отдельные палаты. Часы пробили полночь. В четыре часа двадцать три минуты утра на свет появился Теодор Уитмен Паттерсон.

Мариэлла впервые увидела его как в дымке, когда доктор протянул его, завернутого в одеяло, к ней. У него было круглое розовое лицо, редкие светлые волосики, он удивленно смотрел на нее с таким выражением, как будто ожидал увидеть на ее месте кого-то другого, а потом издал громкий и долгий вопль. Все присутствующие заулыбались, а по щекам Мариэллы потекли слезы. Она-то думала, что его уже нет... Она так хорошо помнит его... Такая же круглая мордочка... удивленные глаза... только волосы были черные, как у Чарльза... черные, отливали сероватым блеском, как перья ворона... Это не он, но так похож на него! Она прижалась к нему щекой и ощутила какую-то древнюю, первобытную боль, и одновременно на нее накатила волна счастья, нежности, удовлетворения. Ребенка унесли, чтобы помыть и показать отцу. Мариэлла задремала, а врачи завершили последние процедуры.

Утром ее снова привезли в палату, где мирно похрапывал Малкольм, не дождавшийся ее возвращения. Около кровати на столике стояло серебряное ведерко со льдом, а в нем бутылка шампанского. Он проснулся сразу же, как ее привезли в палату. Мариэлла была уже в сознании, по крайней мере по сравнению с тем моментом, когда ее отсюда увозили. Она проснулась. Она была измучена, но счастливее, чем когда-либо за все последние годы. И она была горда: наконец-то ей удалось реализовать мечту Малкольма и исполнить свою обязанность, предусмотренную

соглашением.

Малкольм наклонился к ней, чтобы поцеловать в щеку. Глаза его слегка покраснели от усталости, но он светился от счастья. Мариэлла спросила:

— Ты видел его?

— Видел. — Теперь Малкольм тоже плакал. Об этом он мечтал так долго. — Он прекрасный, он так похож на тебя.

— Нет, не похож. — Она помотала головой, пытаясь удержать невозможные слова, уже готовые сорваться у нее с языка: он похож на Андре. — Он такой родной... Где он?

Внезапно испугавшись, она посмотрела на санитарку. А вдруг он уже умер... С ним что-то случилось... Если его украли...

— Скоро его принесут. Он сейчас спит.

— Хочу, чтобы он был здесь. Со мной.

Мариэлла беспокойно смотрела на мужа. Малкольм взял ее за руку.

— С ним все хорошо.

— Я знаю... просто я хочу его видеть...

Теперь она не будет сводить с него глаз, не отпустит его от себя... никогда... Никогда не позволит, чтобы это опять случилось... Она огляделась по сторонам в поисках ребенка и не увидела его. Ее стал охватывать страх, и она испугалась, что сейчас разболится голова. Но вот все прошло, и Малкольм уже подносит к ее губам бокал с шампанским. Она только притворилась, что делает глоток. Наконец-то все закончилось, и даже действие лекарств, которые ей дали, уже проходит.

Потом ей принесли сына. Он спал, и она взяла его на руки и прижала к себе. Когда он проснулся, она расстегнула рубашку и дала ему грудь. Все так легко вернулось, как будто ничего и не было — ни горя, ни утраты, ни трагедии... ничего... С ней было вечное счастье материнства, и безмерная любовь к этому крохотному существу всецело поглотила ее.

Как зачарованный, Малкольм смотрел на Мариэлла и младенца и молчал, переполняемый восторгом и обожанием. Затем он уехал домой и мирно заснул в своей спальне с сознанием того, что отныне жизнь его полна, в ней нет недостатков. Какие бы сомнения ни одолевали его за последние два года, теперь он был рад, что женился на Мариэлле. Раз есть ребенок, значит, все было не зря.

...Мариэлла с усилием открыла тяжелую дубовую дверь и тихо вошла в дом. Она была очень серьезна. Сегодня она видела Чарльза. После долгих лет разлуки. Она была потрясена этой встречей и взволнована.

— Добрый вечер, мадам. — Дворецкий уже снимал с нее шубу. Рядом стояла горничная, на случай, если понадобится помощь. Увидев их, Мариэлла вздохнула. У нее был тяжелый день. Стянув перчатки, она положила их рядом с черной кожаной сумочкой. Она все еще чувствовала пронизывающий холод, царивший в соборе Святого Патрика.

— Добрый вечер, Хейверфорд, — сказала она старику дворецкому. — Мистер Паттерсон дома?

— Думаю, что нет, мадам.

Кивком она поблагодарила его и пошла к лестнице, не зная еще, поднимется ли она на третий этаж, в детскую, или пройдет к себе в спальню. Нередко случалось, что ей хотелось зайти к Тедди, а потом она решала, что не стоит. Поначалу она сама удивлялась своим противоречивым чувствам к сыну. Она сама не ожидала, что будет так безумно любить его, так обожать... гораздо больше, чем в первый раз... В восемнадцать лет она и не была способна на такую страстную любовь к ребенку. А потом не могла себе представить, что сможет так сильно полюбить кого-то другого. И в то же время она пряталась от него, держала свою огромную любовь глубоко в секрете. Слишком опасно позволить себе неограниченно полюбить его. Ведь если что-нибудь случится и на этот раз, она этого не переживет. Поэтому она заставляла себя быть с ним сдержанной, едва ли не равнодушной. Но порой ей не удавалось притворяться, и тогда она отчаянно нуждалась в нем, посреди ночи бежала босиком наверх, к нему, а потом стояла и смотрела, как он спит. Он был самым красивым ребенком на свете, она никого не видела красивее, он самый теплый, самый сладкий, родной, он лучше всех на свете. Он стал наградой за ее боль. Это бог вознаградил ее за все ее потери. Только ради него она и будет жить.

Конечно, ее муж тоже очень любил сына, особенно ему импонировали смьшленость ребенка и его легкий характер. И Малкольм, в отличие от Мариэллы, никогда не беспокоился понапрасну за безопасность сына. Он знал одно: Тедди — прекрасный, веселый ребенок, он приносит радость всем, кто его знает.

А еще у Малкольма появилось желание удвоить это счастье, и в течение года после рождения Тедди Малкольм надеялся, что Мариэлла снова забеременеет. Но все усилия опять были напрасны, а Тедди уже был, и Малкольм был теперь не столь настойчив. Не добившись успеха, он оставил усилия, и теперь они с Мариэлкой спали в разных комнатах. Она как будто не возражала, и оба были вполне довольны жизнью. Мариэлле тридцать лет, у нее есть любимый сын, заботливый муж, далеко не у

каждой женщины в этом возрасте все это есть, а у Малкольма появился наследник, о котором он так давно мечтал. Обоим достаточно того, что они имеют.

Теперь Мариэлла была спокойнее, чем прежде, и только вопрос о безопасности Тедди по-прежнему мучил ее. Она была готова защищать сына до последнего вздоха. Больше двух лет прошло с тех пор, как вымогатели убили сына Линдбергов, а Мариэлла все еще вела себя так, как если бы за каждым углом прятался похититель детей.

Малкольм был неизменно благодарен ей. Она прекрасно заботится о ребенке, она великолепная мать, хорошая жена, она родила ему такого ребенка, о каком он мечтал, — замечательного, умного, прелестного, светловолосого. Чего еще он мог хотеть в жизни?

Медленно поднимаясь по лестнице, Мариэлла все еще колебалась, идти ли наверх. Она чувствовала, что сейчас не в том настроении, чтобы выносить присутствие няньки, и ей не хотелось тревожить Тедди, который был сейчас с мисс Гриффин. Но внезапно она услышала его голос. Его смех донесся из верхнего холла, и она невольно улыбнулась. Сегодня утром она уже видела его, так что следует приказать себе успокоиться. Надо быть спокойнее, иначе он станет ее всепоглощающей страстью. Каждый раз она начинала снова эту бесконечную игру с собой, против себя, когда она не разрешала себе чего-то, запрещала себе проводить с ним целые дни, приходила к нему каждый раз, как ей этого хотелось. Она знала, что надо сдерживать свою любовь к нему, иначе она сойдет с ума, если с ним что-то случится. Конечно, на самом деле сын уже прочно занял свое место в ее душе, его нельзя было оттуда вырвать. Но, ограничивая свое общение с ним, она полагала, что сохраняет свободу и независимость от него. К сожалению, в результате все остальное время ребенок бывал отдан во власть неукротимо заботливой мисс Гриффин. Малкольм настоял-таки, чтобы мисс Гриффин осталась с мальчиком, а Мариэлла и за четыре года не привыкла к ней. И мисс Гриффин по-прежнему относилась к Мариэлле как к ущербной женщине. Головные боли, нервы, вечная боязнь каких-то похитителей, зачем-то сдерживаемая и явно нездоровая страсть к ребенку, периодически скрываемаемая под напускным равнодушием... Мисс Гриффин считала все это признаками неполноценной личности. Своими взглядами мисс Гриффин делилась с кем угодно каждый раз, как приходила на кухню. Лишь бы нашлись охотники послушать. Зато Малкольмом гувернантка восхищалась, Малкольма она уважала и о Малкольме втайне грезилась. Она была старше миссис Паттерсон всего на четыре года и, будь судьба к ней немножечко благосклоннее, могла бы занять то место, которое занимала

сейчас восторженная, нервная миссис Паттерсон, которая все еще толковала о похищении у Линдбергов, как, мол, это было ужасно, да где она сама была, когда услышала о том преступлении. Конечно, дело неприятное, но ведь шесть лет прошло, да у Линдбергов с тех пор двое сыновей появилось.

Довольно долго Мариэлла стояла в холле, прислушиваясь к смеху ребенка, улыбаясь, а потом, как будто какие-то невидимые духи увлекли ее, и она медленно прокралась по мраморным ступеням на третий этаж. Каблуки ее элегантных замшевых туфель громко застучали, когда она направилась к сыну. Подойдя к закрытой двери детской, она услышала, как он хохочет. Надо бы постучаться, она знала, что мисс Гриффин будет недовольна, если войти неожиданно, но ей нравились сюрпризы, поэтому она осторожно нажала на латунную ручку, и дверь медленно открылась. Малыш тут же обернулся, она увидела его золотые кудри и громадные голубые глаза. Узнав ее, мальчик расплылся в улыбке.

— Мамочка! — Он прямо полетел к ней в объятия, а она уже отвечала на его улыбку такой же счастливой улыбкой. Она подняла его и прижала к себе, а он уткнулся в ее шею и засопел. — От тебя хорошо пахнет!

Он всегда замечал ее духи. К тому же он всегда обращал внимание на то, как она выглядит, и она любила быть красивой в его глазах. Все остальные женщины, которых он знал, были так некрасивы, за исключением Бригитты, папиной секретарши, которая однажды пришла к ним в гости и подарила ему немецкие книжки и немецкие конфеты. Эта Бригитта говорила, что в Германии все самое лучшее, но мисс Гриффин потом сказала, что это не правда. Мисс Гриффин говорит, что на самом деле все самое лучшее в Англии.

— Как поживаете, мой прекрасный принц? — спросила Мариэлла, поцеловала его и опустила на пол. Гувернантка глядела на нее с неодобрением.

— Очень удачно, что вы зашли, миссис Паттерсон. Мы как раз собирались пить чай.

По правде говоря, Мариэлла считала, что Тедди не стоит пить чай, но для мисс Гриффин чай был священным ритуалом, и после некоторых колебаний Малкольм дал традиционному чаепитию свое верховное одобрение. Мариэлла же осталась при своем мнении, что молоко с печеньем полезнее, да и Тедди больше любил молоко.

— Добрый вечер, няня, — неуверенно улыбнулась Мариэлла. Она никогда не знала, как эта женщина примет ее, поэтому всегда испытывала неловкость в ее присутствии. Столько лет спустя невозможно было что-

либо доказать Малкольму, и временами Мариэлле казалось, что мисс Гриффин останется в доме навсегда. К тому же Тедди всего четыре года, и невозможно сказать, что он не нуждается в няне.

Горничная, заносчивая ирландка по имени Эдит, подала чай на три персоны. Мариэлла никогда не любила ее, но ее наняла домоправительница, и ее обожала мисс Гриффин. С шофером Эдит тоже была в дружбе. У нее крашенные рыжие волосы, развязные манеры, но белье Тедди и мисс Гриффин в образцовом порядке. Она всегда с интересом следила за гардеробом Мариэллы.

— Ну, и что ты сегодня делал? — спросила Мариэлла у Тедди с заговорщицким видом. Он очень серьезно посмотрел на нее и ответил:

— Играл. С Александром Уилсоном. У него есть поезд, — сообщил он самую главную новость, после чего стал подробно рассказывать, как устроена железная дорога, как нужно устанавливать мосты, деревни, вокзалы, почему поезд ездит и как бы ему хотелось получить такой поезд на день рождения. Странный месяц декабрь, столько счастья он принес Мариэлле и столько горя...

— Может быть, Санта-Клаус и принесет тебе поезд.

Сама-то она знала, что одну из комнат нижнего этажа уже отвели под железную дорогу, для которой Малкольм купил все необходимые атрибуты, а рабочие уже собрали ее там и установили декорации деревень и вокзалов, все в точности, как Тедди видел в этот день в доме Уилсонов.

— Я буду ждать. — Он посмотрел на нее задумчиво, а потом опять заулыбался и придвинулся чуть-чуть ближе. Он любил сидеть вот так, совсем рядом с ней, вдыхать запах ее духов, чувствовать у себя на щеке ее шелковые волосы, и тогда она принималась целовать его, совсем как тогда, когда увидела его в первый раз. Из всех людей, кого он знает, мама — самая замечательная, он любит ее больше всех на свете...даже больше, чем железную дорогу...

— А ты сделала что-нибудь хорошее? — Он всегда так серьезно спрашивал, как будто ему действительно было до этого дело. Малкольма и Бригитту он с таким же видом спрашивал, как дела на работе, и Малкольм всегда улыбался. А еще он всегда говорил, что Бригитта очень красивая, почти такая же красивая, как его мамочка, и девушке из Берлина это было приятно. Она вообще считала Тедди очаровательным малышом, и Мариэлла иногда разрешала ей сходить с ним в зоопарк, а один раз Бригитта показывала ему Эмпайр-стейт-билдинг^[3]. Эта экскурсия привела Тедди в полный восторг. Вернувшись в тот день домой, он сказал даже, что любит Бригитту.

— Я сегодня ходила в церковь, — тихо ответила Мариэлла. Мисс Гриффин неотступно смотрела на нее. Тедди удивился, потому что обычно его тоже брали в церковь, а сегодня не взяли.

— А сегодня что, воскресенье?

— Нет, — улыбнулась она и подумала, будет ли она когда-нибудь в состоянии рассказать ему правду. Ей казалось, что пройдут годы, и она сможет наконец поговорить с ним откровенно. Может быть, потому что он — мужчина. Но она только добавила:

— Но я все равно решила зайти в собор.

— Там хорошо?

Она кивнула. Там и вправду было хорошо... и грустно... Она увидела Чарльза, которого не видела много долгих лет. У нее не хватило духа сказать Чарльзу про Тедди. Это было бы несправедливо. Чарльз воевал с фашистами в Испании, рисковал жизнью, возможно даже, искал смерти, как искала когда-то она. Но теперь у нее был прелестный ребенок, луч надежды и света в ее пустой жизни. И сегодня, в этот особенный день, она не решилась рассказать Чарльзу, что у нее теперь есть ребенок. Она смогла сказать ему только про Малкольма. И она знала, что не будет ему звонить. Это невозможно... это безумие... Он остался в другой жизни...

— Я сходила в собор Святого Патрика. Знаешь, такая большая церковь, очень большая. Мы там уже были на Пасху.

Он серьезно кивнул.

— Я помню. А еще пойдём?

Она еще долго просидела с ним, болтая, обнимая его, потом почтала ему книжку. Наконец мисс Гриффин сказала, что пора купаться. Тедди умоляюще взглянул на мать:

— А ты останься. Пожалуйста!

Ей и самой этого хотелось больше всего на свете, но непреклонная мисс Гриффин не простит ей такого нарушения.

— Я могла бы сама его искупать, — робко предложила Мариэлла, хорошо зная, какая последует реакция. Мисс Гриффин не терпела вмешательства в ее дела.

— Спасибо, не нужно, миссис Паттерсон, — сказала мисс Гриффин, решительно поднимаясь из-за стола. — Теодор, поцелуй маму на ночь и скажи:

«Спокойной ночи. Утром увидимся».

Мариэлла поняла намек.

— Но я хочу не утром. Я хочу сейчас. «Я тоже хочу остаться сейчас, — хотела сказать Мариэлла. — Хочу сама выкупать тебя, приготовить тебе

ужин, лечь с тобой в кроватку, баюкать тебя, пока не заснешь, а потом целовать твои глазки, носик, щечки. Но никто ей этого не позволит. В детскую можно прийти в гости, попить чаю и попрощаться».

— Родной мой, завтра пойдем гулять в парк. Может быть, сходим к пруду, где лодки.

— Завтра Олденфилды приглашали на день рождения, миссис Паттерсон.

В самом деле, у них свои светские обязанности, а тут Мариэлла вмешивается...

— Значит, погуляем с утра.

Она решительно взглянула на мисс Гриффин, но бесполезно, эта всегда сделает по-своему, потому что Малкольм за нее и она это знает. Здесь, в детской, Мариэлла всякий раз ощущала такое бессилие, словно она вообще не существует и не существовала никогда. — Погуляем с утра! — Она ободряюще улыбнулась Тедди, но по его пухлым щекам уже потекли слезы. Утро — это не скоро, до утра еще слишком долго, долго для них обоих.

— Останься, пожалуйста!

Но в ответ она грустно покачала головой и на мгновение прижала ребенка к себе. Потом встала, стараясь казаться веселой, а его, плачущего, увели в ванную. Выходя, Мариэлла тихо закрыла за собой дверь. Ей всегда казалось, что уходить от него жестоко, им занимаются только чужие, даже не друзья, им и сама Мариэлла не осмеливается возражать. Ее привели в этот дом, чтобы она родила ребенка. Она выполнила свою миссию и теперь была не нужна. С этим трудно жить. Тяжело ощущать себя бесполезной и нежеланной. Нет, она все равно благодарна Малкольму и за эту жизнь, и еще за Тедди... Вот и все. Потому-то он так бесконечно ей дорог.

Думая о нем, она прошла к себе в комнату, переоделась в длинное розовое атласное платье, подошла к зеркалу и долго и печально смотрела на свое отражение. Годы, несомненно, ее пощадили. Она дважды рожала, но фигура ее осталась стройной, как прежде, правда, лицо немного осунулось, черты стали резче, определеннее. По-настоящему выдавали ее боль только глаза, они говорили ясно, что Мариэлла прожила несколько жизней. Тут-то она обнаружила, что снова думает о Чарльзе, о том, что он всего в нескольких кварталах от их дома. В какую-то безумную секунду ей захотелось позвонить ему, но тут же Мариэлла поняла, что этого делать нельзя. Им нечего сказать друг другу, только взаимные обвинения, оправдания, сожаления. Ответов на их вопросы нет и не будет.

Вскоре домой пришел Малкольм и сообщил ей, что вечером он приглашен на ужин к деловому партнеру. Это получилось неожиданно,

поэтому он долго извинялся перед Мариэллой, целовал ее в макушку, а потом поспешил к себе в комнату переодеваться. Она попросила принести ей ужин в комнату. Некоторое время она механически перечитывала одну и ту же страницу книги, не понимая смысла, хотя честно старалась. Мысли ее были далеко от книги.

Воспоминания о Чарльзе завладели ею на весь вечер. Чарльз в Париже, храбрый, бешеный, молодой... В Венеции... Медовый месяц в Риме... Чарльз смеется... Ласкает ее... Они плавают в озере... Бегут куда-то... Потом — последние их недели... Швейцария... И вот — сегодня... Она уронила голову на руки и расплакалась. Воспоминания невыносимы.

Поздняя ночь, все в доме стихло. Мариэлла на цыпочках пробралась наверх, посмотреть на спящего ребенка. Опустилась на колени возле его кровати, поцеловала его бархатный лоб, потом так же тихо вернулась в свою одинокую спальню. Нестерпимо хотелось позвонить Чарльзу, но слишком многим она была обязана Малкольму и не могла его предать. Малкольм так много сделал для нее. Нельзя звонить Чарльзу, что бы она ни чувствовала... как бы ни любила его... Неважно, чего хочет сейчас Чарльз... Она знала, что ее жизнь с Чарльзом Делони закончилась, и закончилась навсегда.

Глава 3

На следующее утро Мариэлла вышла к завтраку в столовую. В последнее время это случалось довольно редко. Как правило, Мариэлла предпочитала завтракать у себя в комнате, но на этот раз она очень рано проснулась. Малкольм был уже в столовой, он пил кофе и читал утреннюю газету. Муссолини потребовал от Франции передачи Италии суверенитета над Корсикой и Тунисом.

— Доброе утро, дорогая, — сказал он, как всегда, любезно. Он всегда старался быть добрым, любил ей угождать. Каждый раз казалось, что он приятно удивлен, как будто в дом пришел гость, которому всегда рады, но не ожидали именно сегодня. — Как тебе спалось?

— Неважно, — откровенно ответила она. Она редко так отвечала. Обычно бывало проще дать такой ответ, на который он рассчитывал. Хорошо... спасибо... великолепно... Но сегодня она провела ночь в кошмарных снах.

— Наверное, опять голова разболелась? Он отложил газету, чтобы посмотреть на нее. Выглядит хорошо. Даже лучше, чем вчера.

— Нет, просто долго не могла заснуть. Наверное, не надо пить столько кофе после ужина.

— Ужин надо запивать вином. Например, шампанским, — улыбнулся Малкольм. — Тогда будешь хорошо спать.

Она улыбнулась в ответ.

— Вечером будешь дома?

— Думаю, да. Посидим с тобой вдвоем у камина. Слава богу, ведь начинается сплошное безумие, как всегда бывает накануне Рождества. На прошлой неделе пять званных ужинов подряд. Хоть бы эта неделя оказалась поспокойнее.

— А ты что сегодня будешь делать?

— Я думала с утра сходить с Тедди в парк. Он понимал, у нее такая небогатая жизнь. Она редко куда-нибудь ходит, никогда не обедает с приятельницами. И хотя он знакомил ее со всеми своими друзьями, она до сих пор живет замкнуто. Слишком спокойная, размеренная жизнь для молодой женщины. Иногда он пытался повлиять на нее в этом отношении, она отговаривалась тем, что не хватает времени, а на самом деле ей не хватало храбрости. Что ж, ей лучше знать, почему она прячется от мира, будто какая-нибудь преступница.

— Я хотела сводить его на «Белоснежку». Как ты думаешь, ему не рано еще? — спросила Мариэлла. Малкольм зашелестел газетой.

— Нет, почему же? По-моему, ему должно понравиться. Кстати, мне надо бы взглянуть, как там у них дела с железной дорогой. Они там внизу колдуют, как эльфы.

До Рождества оставалось двенадцать дней.

— А будет готово вовремя?

Мариэлла отлично знала, что будет, потому что Малкольм сам присматривал за работами, а он не терпит, когда работа не готова в срок.

— Очень надеюсь. Да, вот еще что. На следующей неделе я еду в Вашингтон. Хочешь, поедem вместе?

— Это опять к тем друзьям? У Малкольма были очень важные друзья в Пентагоне, и он часто ездил к ним в Вашингтон.

— Да, — кивнул он. — Есть важное дело. А потом надо еще поговорить с немецким послом насчет нашего берлинского проекта.

— Так, значит, ты будешь очень занят.

— Да, но ты мне не мешаешь, скорее наоборот.

Но она-то знала, что у него не будет времени для нее. Хоть он искренне зовет ее, она будет ему обузой. А ей еще много нужно успеть до Рождества.

— Знаешь, я бы лучше осталась. Всякие приготовления к Рождеству... Ты не обидишься, если я не поеду?

— Нет, нет, что ты, дорогая. Как хочешь. Я скоро вернусь.

— Может, после Нового года?.. — сказала она, наполовину извиняясь, наполовину стараясь его смягчить, если он вдруг сердится. Она всегда боялась сделать что-нибудь не так, не угодить, расстроить его, не пойти с ним куда-нибудь, не сделать чего-нибудь, что обязательно нужно сделать. Где ей следует быть? В Вашингтоне с Малкольмом или дома с Тедди? За последние девять лет она привыкла, что это трудный вопрос, потому что, если сделаешь неверный выбор, это может стоить тебе всего, что у тебя есть в жизни. Этот урок она усвоила хорошо, потому что дорого за него заплатила. — Ничего?

— Прекрасно.

Малкольм умел успокоить ее.

Вскоре он поцеловал ее на прощание, а она пошла наверх переодеваться. Потом, как и обещала, она отправилась на прогулку с Тедди. Мисс Гриффин сделала попытку пойти с ними, но на сей раз Мариэлла проявила твердость и заявила, что Тедди хотел сегодня утром побыть только с ней. Выговорив это, она ощутила настоящую радость, а мисс

Гриффин была настолько недовольна, что, спускаясь по лестнице, Тедди и Мариэлла услышали, как дверь детской выразительно хлопнула. Тедди засмеялся, Мариэлла, надевая на него пальто, тоже улыбнулась. В это время к Малкольму пришла Бригитта и остановилась на минутку поболтать с ними.

— Теодор, вы, надо полагать, в замечательное место направляетесь? — сказала она с легким немецким акцентом и обменялась с Мариэлкой смеющимся взглядом. Мариэлла не зря всегда чувствовала, что они с Бригиттой могли бы стать близкими подругами, если бы обстоятельства сложились по-иному. А так Малкольму вряд ли понравится, если Мариэлла станет заводить дружбу с его сотрудницами.

— Мы с мамой идем в парк, — гордо сообщил Тедди, глядя на Мариэллу. В его взгляде отражалась вся любовь, на которую он только был способен. Затем он заметил голубое платье Бригитты и внезапно заявил:

— Бригги, у вас красивое платье. Вы очень-очень красивая.

Бригитта засмеялась и покраснела.

— Надеюсь, через двадцать лет вы сможете сказать мне то же самое, молодой человек.

Такое предположение заметно смутило Тедди, и обе женщины опять рассмеялись.

— Не обращайтесь внимания, ладно? Большое вам спасибо. Вы, должна вам сказать, тоже очень красивы. У вас новое пальто?

Он терпеть не мог это синее матросское пальто и шапку, которые купила мисс Гриффин.

— Нет, — Тедди решительно завертел головой, — оно старое. — Он опять посмотрел на маму, готова ли она. Она уже в шубе. Все, можно идти. Мариэлла улыбнулась ему, а он уже встал на цыпочки, пытаясь поцеловать Бригитту в щеку. Ему понравился легкий запах ее духов.

— До свидания, Теодор, — Бригитта помахала рукой, и Мариэлла вышла из дома, держа за руку Тедди, который обернулся и помахал Бригитте на прощание.

На улице было холодно, как и вчера, и Мариэлла решила, что надо попросить Патрика довести их до Пятой авеню, откуда рукой подать до пруда. По дороге от Пятой авеню до Центрального парка Мариэлла рассказывала Тедди о городе, в котором жила когда-то, — о Париже. Малкольм любил рассказывать сыну о своих поездках в Берлин, а мисс Гриффин, как было известно Мариэлле, вечно пела ему в уши об Англии.

— Когда-нибудь мы с тобой поедem в Европу. Сядем на большой корабль, например, на «Нормандию»^[4]... — говорила она, а он слушал,

широко раскрыв глаза.

— А папа тоже поедет? — Мысль о морском путешествии завладела его воображением.

— Конечно. Мы все поедем.

Мариэлла любила путешествовать, но обязательно с сыном, ей было не по себе, если она оставляла его дома, отчасти поэтому она так редко сопровождала Малкольма в его деловых поездках. К счастью, он обычно не настаивал.

Они шли вперед, мать крепко держала сына за руку. Холодный ветер дул им в лицо. На лице Тедди отражалось напряженное раздумье. Нос у него покраснел, глаза Мариэллы слезились, но шубы, шапки, шарфы и варежки надежно защищали их от мороза.

— А вдруг папа будет занят? — с сомнением произнес Тедди. Мариэлле захотелось успокоить его:

— Нет, я уверена, что мы поедем вместе. Ей хотелось, чтобы ее слова прозвучали убедительно, но Тедди был прав, Малкольм занят постоянно, особенно в последнее время.

— А если он не сможет поплыть с нами на корабле, мы с ним обязательно встретимся в Берлине! — убежденно сказал Тедди. Он был умен и все понимал правильно. Он даже сообразил, что у папы очень даже могут быть дела в Германии. Наверное, поэтому Малкольму так необходима Бригитта, поэтому она и работает у него уже шесть лет. Со времени своей женитьбы Малкольм, казалось, утроил размах сотрудничества с немцами.

— А может, мы и в Лондон съездим, — добавил Тедди, вспомнив про мисс Гриффин. — Увидим Биг-Бен, Тауэр... и Букингемский дворец... Короля!

По всей видимости, рассказы мисс Гриффин произвели на него глубокое впечатление. Мариэлла улыбалась.

Наконец они подошли к пруду, но лодок в этот день не было, потому что пруд был затянута тонкой коркой льда. Мариэлла почувствовала, как ее, непонятно почему, начинает бить дрожь. Она притянула сына к себе, словно желая защитить его от всяческого зла, и захотела сразу увести его от пруда.

— Сегодня тут никого нет. Пойдем посмотрим карусель.

Ее щеки побелели от холодного ветра.

— А я хотел лодки посмотреть, — разочарованно протянул Тедди.

— Видишь, сегодня лодок нет. — Мариэлла испугалась, но Тедди был пока слишком мал, чтобы заметить это. — Пойдем... пойдем отсюда.

— А по льду ходить можно? — спросил он. Его завораживала тонкая корочка льда на поверхности воды, но Мариэлла только сильнее потянула его прочь.

— Никогда, ни в коем случае ты не должен ходить по льду, Тедди, слышишь? — испуганно воскликнула она.

Он кивнул, удивленно глядя на встревоженную мать. И именно в этот момент Мариэлла посмотрела на противоположный берег пруда и тут же увидела его. Невозможно. Наверное, это воображение шутки шутит. Может быть, она все-таки сходит с ума. Может, увидеть лед на поверхности пруда — это слишком тяжелое испытание для ее рассудка. Она закрыла глаза, стараясь избавиться от видения, и снова открыла их.

— Тедди, пойдём домой. — Теперь в ее голосе звучал настоящий страх, а глаза перебежали с Тедди на человека, стоящего по другую сторону пруда. Она все еще не верила, что на самом деле видит его.

— Уже? — Мариэлла испугалась, что Тедди сейчас разревется. — Мы же только пришли! Не хочу домой! Пойдем на карусель!

— Прости... Мы поедем куда-нибудь... в зоопарк... Чаю поьем... Может, на каток...

Да куда угодно, лишь бы прочь отсюда. Она дрожала всем телом. Она старалась увести мальчика и видела, как тот мужчина побежал к ним вокруг пруда. Вот он уже совсем близко. Его черные волосы растрепались, глаза горят бешеным огнем, и Мариэлла с ужасом поняла, что ошибиться было невозможно. Тедди, увидев выражение ее лица, тоже перепугался. Мать всегда внушала ему некий смутный страх перед незнакомыми людьми, а этот человек был самым жутким из всех, кого ему доводилось видеть. Высокий, лохматый, он напал на них без предупреждения, схватил Мариэллу за плечи, посмотрел ей в глаза, а потом уставился на Тедди. Что ж, по крайней мере она не сошла с ума. Он не галлюцинация. Это действительно Чарльз. Она вдруг вспомнила, что дом Делони совсем рядом с прудом. Он тоже провел бессонную ночь, причем изрядно выпил и теперь вышел проветриться перед встречей с юристами.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он и перевел взгляд на мальчика. — Кто с тобой?

Лицо Тедди напоминало лицо Андре, и в то же время он был совершенно другой, в нем было что-то от ангела, такого сразу хотелось целовать, а если взглянуть на его лицо, нельзя сдержать улыбку.

— Это Тедди, — тихо произнесла она. Ее голос все еще дрожал.

— Какой Тедди? — допытывался он, и голос его звучал обвиняюще. Мариэлле показалось, что он не совсем еще протрезвел.

— Это Тедди Паттерсон. — Она наконец выпрямилась и посмотрела ему прямо в глаза. Нет, он ничего ей не сделает, не заставит ее опять почувствовать себя виноватой, не разрушит ее жизнь... Или разрушит? — Мой сын.

Тедди вцепился ей в руку. Он не понимал, кто этот человек. И на лице у него какие-то рубцы.

— Вчера ты мне этого не сказала. Ты рассказала только про Малкольма.

Он буравил ее глазами, на него было жутко смотреть, но она выдержала его взгляд. Она смелая, хотя Малкольм этого и не знает. Чарльз же всегда знал.

— Я подумала, что там об этом не стоило говорить.

— Почему? — Он опять обвинял ее. Он сердился. — Почему ты мне не сказала?

Она знала, каков он в гневе. Девять лет назад вот такой же его гнев едва не погубил ее.

— Я решила, что тебе будет больно узнать об этом.

— А сейчас?

Глаза его горели яростью. Их лица почти касались друг друга. Перепуганный Тедди готов был вот-вот закричать. Если бы он только мог защитить маму!

— А теперь уже мне не больно? — продолжал он, повышая голос. В самом деле, он был сильно пьян. Но она спокойна, она полностью владеет собой. С ней Тедди, и она не позволит Чарльзу причинить им с Тедди вред. Не имеет значения, что случилось тогда. Теперь она не боится его. Она ему не позволит.

— Я думаю, не стоит сейчас это обсуждать. Выговорив эти слова, она прижала Тедди к себе и погладила его по лицу, чтобы он не боялся. Но Чарльза рассердил и этот жест. Он все еще смотрел так, как будто ему хотелось немедленно броситься в атаку. Она смотрела на него, и у нее дрожали колени. Чарльз явно терял самообладание.

— Почему у тебя ребенок? — почти заорал он, а она постаралась не вздрогнуть, чтобы Тедди не испугался снова. — А что есть у меня?

— Не знаю... Испанская война... Твои убеждения... Друзья... Ты писатель... Даже если у тебя нет ничего другого... Ты сделал свой выбор...

Ей очень не хотелось говорить при Тедди, но в то же время страшно было повернуться и уйти, оставив Чарльза в такой ярости. Она сжала руку сына, желая вселить в него мужество.

— Выбор сделала ты семь лет назад, когда ушла от меня, — выпалил

Чарльз. — Выбор за меня сделала ты. У нас могли быть еще дети.

— Нам надо идти... — Она уже почти плакала, а Тедди недоуменно смотрел на них обоих. Вдруг она снова заговорила, теперь уже гораздо мягче:

— Ну как бы мы жили с тобой? Ты ненавидел меня, и ты был прав, я себя сама ненавидела... Наверное, я никогда не смогу себе простить... Чарльз, я не могла этого вынести. Я не могла бы смотреть тебе в глаза, зная, что ты думаешь обо мне.

Семь лет назад, еще в Европе, она говорила ему то же самое.

— Я говорил тебе, что хочу, чтобы ты вернулась, — упрямо пробормотал он.

— Тогда было уже поздно. — Она перевела дыхание и смахнула слезы с глаз, на секунду выпустив руку Тедди. — По-моему, ты обвинял бы меня всю жизнь, как я сама себя обвиняю.

Она все еще любила его, но после всего случившегося была не в состоянии с ним оставаться.

Чарльз опять посмотрел вниз, на Тедди, как будто никак не мог поверить в его существование. Очень красивый ребенок, может быть, даже красивей, чем Андре. Потом Чарльз перевел взгляд на Мариэллу. Ему хотелось сделать ей больно.

— Ты этого не заслужила, — громко выговорил он, борясь с постыдным желанием ударить ее. Почему она снова вышла замуж? Почему родила этого ребенка? Боже, да почему она ушла от него? Оба они знали ответы на эти вопросы. — Ты не заслужила его, — кивнул он на Тедди. Мариэлла помнила эту жестокость, сейчас снова зазвучавшую в его голосе. Он умел быть жестоким. Увы, это оборотная сторона его страстной любви. Его жестокость много лет назад едва не уничтожила ее.

— Наверное, ты прав.

— Тебе не надо было уходить.

— У меня не было выбора. Если бы я осталась с тобой, ты бы убил меня.

Он знал, что это тоже правда. Оба они понимали, что на какое-то время потеряли рассудок. Она — когда пыталась покончить с собой, он — в тот вечер, когда узнал, что случилось непоправимое. Но правда и то, что оба глубоко страдали.

— Может быть, нам всем лучше было умереть тогда.

В его глазах стояли слезы. Тедди прижимался к матери.

— Ты говоришь страшные вещи.

— Для тебя, наверное. У тебя теперь есть жизнь... Муж... Ребенок...И

за что тебе все это? Почему, черт тебя побери, когда я каждое утро просыпаюсь, думая о нем... и о тебе... Я все время жалею, что не умер тогда, с ним вместе. А ты о нем вспоминаешь? Ты его хоть помнишь? Или для тебя уже все забыто? — Он говорил, а в ее глазах загоралась обида. Чарльз ничего не знал о боли и страданиях, о том, что она сама перенесла за эти годы.

— Да как ты смеешь? Я помню об этом каждый день. Часа не проходит, чтобы я не вспоминала о нем... Когда я закрываю глаза, передо мной стоит его лицо... И твое... — Вот и прошлой ночью, когда она лежала без сна, вспоминала и боролась с собой, заставляя себя не вспоминать, перед ней стояли их лица. — Но его ничто не вернет, как бы мы ни мучили друг друга, его все равно уже нет... Для него наступил покой... Нам тоже нужен теперь покой.

— Без тебя мне не видать покоя.

Он был зол на нее, но теперь он помолодел, и она смогла улыбнуться ему, покачав головой. Хотя он старше ее, она в чем-то намного взрослее. Он — все еще мальчишка, его жизнь застопорилась, он не вырос, не залечил свои раны, он остался таким же, каким был, такие же творит глупости, как и тогда, разыгрывает бездомного эмигранта, лезет в чужие войны. А может быть, он подсознательно не хотел взростеть.

— Глупо так говорить, Чарльз. Ты ведь даже не знаешь, какая я теперь. Может быть, ты и тогда меня не знал. Может быть, все наши беды могли бы умереть естественной смертью, — сказала она, поглядела на Тедди, улыбнулась ему, обняла. — Тедди, это мой старый друг. Его зовут Чарльз, иногда он странно себя ведет, но он хороший человек. Познакомься с ним.

Тедди отрицательно замотал головой и зарылся в складки ее шубы. Чарльз и Мариэлла говорили при нем чересчур свободно, но ведь ему всего четыре года, и многого он не запомнит. Их интонации, гнев, страсть обязательно западут ему в душу, но вся история для него пока слишком сложна.

— Прошу прощения, если напугал его. Казалось, он раскаивался, но все еще был похож на безумца. Он не брился со вчерашнего утра, и это придавало ему еще более дикий вид.

— Ладно. Да что с тобой?

Он посмотрел на Мариэлли, потом на мальчика, потом опять на Мариэлли, и лед в его глазах не растаял. Теперь он внушал даже еще больший страх, он казался настоящим алкоголиком. Впервые она поняла, что такое истинный ужас. Она вспомнила худшие времена, когда Чарльз сделался чужим для нее.

— Он должен быть моим. У меня есть все права... он должен...

Чарльз сверлил Тедди тяжелым взглядом, а мальчик прятал лицо в маминой шубе. Мариэлла твердо смотрела на Чарльза.

— Чарльз, но он не твой.

— Да какое ты имеешь право... как ты могла... рожать ребенка без меня? Злоба его все росла.

— Ты согласился на развод. Я была свободна решать, — сопротивлялась Мариэлла.

— Ты сказала, что, если я на развод не соглашусь, тебя это убьет.

— Почти что так и было.

Она была права, оба это знали.

— Тебе было бы лучше умереть, чем заводить ребенка не от меня.

Его глаза как кинжалы пронзили сердце Мариэллы. Она испуганно отшатнулась от него. Сейчас она не понимала, как она могла любить его, теперь она вспомнила, почему бежала от него. Он мог быть безумным.

— Чарльз, прекрати!

Чарльз схватил ее за руку. Тедди коротко вскрикнул и спрятался за спину Мариэллы.

— Чарльз, ребенок тебя боится. Так нельзя. Прекрати!

— А что я делаю? Он мой. Я имею на него право... Он должен был быть моим.

— Перестань! — выкрикнула она ему в лицо, теперь уже ни капли не боясь ни его, ни вообще кого-либо. Он сразу же отпустил ее руку. Мариэлла не хотела, чтобы прошлая жизнь затянула ее в омут. — Он не твой, и я не твоя... Андре тоже не был наш. Никто в этом мире никому не принадлежит. Мы все принадлежим господу богу, и он дает нас взаймы друг другу. А потом срок займа кончается... Это ужасно... Тогда страшно больно... И бывает, что срок выходит слишком скоро... Но он уже не наш... И ты не мой, и я не твоя... И Тедди немой...

— Ты любишь его?

— Да, конечно.

— И он тебя любит?

— Да.

— Почему у тебя все это есть, а у меня нет ничего?

— Может быть, мне повезло. Или Малкольм меня пожалел. Или это всего лишь естественно. А может быть, я заплачу за все это, а ты нет.

— Какую же цену за это можно заплатить? Что ты заплатила, чтобы выйти за него замуж?

Что? Она вышла замуж за человека, которого не любила и который не

любил ее, она это знала. Это не так легко, как можно подумать. Но с другой стороны, Чарльзу такая мысль не пришла бы в голову ни на мгновение.

— От чего конкретно ты отказалась, чтобы выйти за него?

Надежда... любовь... нежность... их с Чарльзом взаимная страсть... такая любовь, которую она знала когда-то... Но она не скажет Чарльзу всей правды, чтобы не нарушить своих обязательств по отношению к Малкольму.

— Выходя замуж, каждый раз от чего-то отказываешься. Возможно, я отказалась от своего прошлого.

— Я глубоко тронут твоей жертвой, — насмешливо проворчал он, глядя на нее стеклянными от алкоголя глазами.

— Чарльз, я такого от тебя не ждала. Как всегда, ты невыносим. — Правильно, он только разволновал и ее, и Тедди, и они ни до чего не договорились. Им не о чем договариваться теперь. Все закончилось. — Тебе не стоило мучить ни меня, ни себя. Ты что-то хотел сказать?

Он опять смотрел на Тедди, смотрел так, что ей стало не по себе. Он всегда был такой, когда пил. Такое случалось и в прежние времена, он мог выпить больше, чем нужно, и тогда оставался пьяным и наутро, и у него ум заходил за разум. Однажды он разорил гостиничный номер, бар, ресторан, чуть не убил двух человек... и ее... Это с ним случилось всего один раз, но она знала, на что он способен. Такое вряд ли можно забыть.

— Прости, — сказал он наконец, посмотрел с грустью, но было не похоже, чтобы он говорил искренне. Потом он посмотрел на Тедди, который цеплялся за мать все это время. — И вы простите меня, молодой человек. Я был непозволительно груб с вами и с вашей матерью. Это нехорошо, но мы с ней очень давно знакомы, почти с детства...

В самом деле, тогда они были почти детьми — восемнадцать лет и двадцать три года... Господи, два сущих младенца.

Чарльз взглянул на Тедди серьезнее:

— Я хотел бы когда-нибудь познакомиться с вами поближе. — Похоже, Тедди не испытывал подобного желания, однако он вежливо кивнул. — У меня тоже когда-то был маленький мальчик... Его звали Андре... — Чарльз поднял глаза на Мариэллу, и на глазах его опять выступили слезы. — Простите... Наверное, это потому, что вчера было так трудно... А сегодня я увидел вас... Черт... — Чарльз отвернулся и сделал глубокий вдох, чтобы мысли прояснились. — Почему вообще все так? Почему так все сложно? У тебя тоже так?

Он словно требовал ответа, но сам был уже спокойнее, и она утвердительно кивнула. Вчера в соборе она уже ответила ему на этот

вопрос, но он забыл. А расставшись с ней, сразу начал пить.

— Нам надо возвращаться домой, — сказала она. — Уже пора.

Тедди нужно поесть, а потом пойти к кому-то на день рождения в сопровождении мисс Гриффин. Уже довольно поздно. И страшно. Она так ценила время, проводимое с Тедди. Жаль, что так получилось.

— Мне очень жаль, что мы с тобой так встретились.

Накануне было легче, потому что он не знал про ее сына. Теперь же его переполняли злоба и досада. К тому же прошлую ночь он посвятил алкоголю и жалости к себе. Но теперь он весь горел от ревности и гнева.

— Я уеду на следующей неделе. Я так вчера решил. Мы с тобой еще увидимся?

Она покачала головой, сжимая руку Тедди в своей.

— Но почему?

— Ты знаешь почему. Ты все еще сердишься на меня. Если мы с тобой будем опять встречаться, нам обоим будет только хуже. Зачем нам мучить друг друга, если можно обойтись без этого?

— Кто тебе сказал, что можно обойтись? Ты же несчастлива, у тебя это на лице написано. Ты беспокойна, ты нервничаешь, ты вся на взводе, внутри у тебя как будто все перекручено. Если очень захотеть, то все возможно, надо только не останавливаться ни перед чем.

Неужели он умоляет ее вернуться? Нет, скорее требует.

— Милая философия, Чарльз.

— Черт побери, я готов сделать что угодно, с радостью.

— Рада за тебя.

— Я хочу тебя.

— Не надо так говорить. Что с того? Предположим, как ты любишь говорить, я соглашусь. Ты все равно уезжаешь в Испанию воевать. Что меняется для меня?

Она пыталась с ним спорить, но он был явно не в том состоянии.

— Возможно, ты останешься здесь чуть счастливее. А возможно, тебе захочется поехать со мной.

Она едва не рассмеялась. Как у него все просто. После шести лет замужества она должна бросить Малкольма, малыша и ехать с Чарльзом в Европу, как будто ничего не случилось. Нет, он совершенно ненормальный.

— Ты и мальчика сможешь взять.

— Как же ты великодушен! А как Малкольм? С ним что будет?

— Я выигрываю — он проигрывает.

— Ты предлагаешь не то, Чарльз, и ты сам это понимаешь. Ты достаточно хорошо меня знаешь, и мне не надо тебе объяснять, что я на это

не пойду.

— Возможно, — произнес он, сжимая ее запястье мертвой хваткой, — я сумею тебя заставить.

— Чарльз, здесь не Испания, и не надо сражаться за мою свободу. Это смешно.

Изо всех сил Мариэлла старалась скрыть, что взгляд Чарльза пугает ее.

— А еще смешнее будет, когда я возьму кое-что, что тебе дорого... что ты любишь... очень любишь... Возможно, это убедит тебя... скажем, присоединиться ко мне.

— Чарльз, что ты говоришь?!

Она боялась додумать мысль до конца.

— Мне кажется, ты меня поняла правильно.

— Ты этого не сделаешь!

Он хотел сказать, что он похитит Тедди, но пусть даже он окончательно рехнулся, он не сможет этого сделать. По его глазам понятно, что сможет. Все его прошлое за то, что не сможет. Или все-таки сможет?

— Все зависит от того, насколько ты ввергнешь меня в отчаяние, я понятно рассуждаю?

Неожиданно он отпустил ее запястье и засмеялся, а она взглянула на него с ужасом. Насколько же легче ей станет, когда он уедет. Теперь она уже жалела, что они встретились с Чарльзом в соборе. Наверняка он тоже до сих пор оплакивает смерть Андре, но горе за это время изменило его, превратило в кого-то другого. А этого другого она не знала. И не хотела знать.

— Даже если ты когда-нибудь сделаешь что-то подобное, знай, что это добром для тебя не кончится. Ты не только не заставишь меня идти за тобой... Я убью тебя. И мой муж тоже.

— Ты меня пугаешь. Снова пьяный смех.

— Мне плохо, Чарльз. Между нами было нечто прекрасное... Двенадцать лет я свято хранила память об этом... о чистом и нежном... А ты обращаешься с прошлым так, что травмишь и себя, и других. Андре был не такой, и ты был не такой.

— Может статься, я переменялся.

Его улыбка показалась ей зловещей. Настоящая трагедия состоит именно в том, что он не переменялся. Он любит ее, по-прежнему тоскует по ребенку, хочет, чтобы она вернулась, хочет снова поймать то прошлое, которое уже никогда не вернется, но и не забудется.

— До свидания, Чарльз. — Долго Мариэлла смотрела на него с грустью, потом виновато улыбнулась Тедди. — Мы идем домой.

Больше ей нечего сказать Чарльзу. Он стоял и смотрел, как они удалялись. Он даже не стал просить, чтобы она ему позвонила. Он был зол на нее, никогда в жизни он не был так зол на нее.

Когда Мариэлла подходила к машине, ей показалось, что стало еще холоднее. Тедди не сказал ни слова, пока они не сели в машину. А когда водитель захлопнул дверцу, мальчик тихо сказал:

— Он мне не нравится.

Патрик тоже ходил в парк и следил за ними издали, так как Малкольм дал ему такое распоряжение наблюдать за женой и ребенком, чтобы они всегда были в безопасности. Он видел Чарльза, узнал его. Тайные встречи Мариэллы сильно заинтриговали его. Странно, что она взяла с собой ребенка. Впрочем, возможно, она хотела, чтобы этот мужчина познакомился с Тедди.

— Он неплохой человек, — ответила Мариэлла сыну. — Просто он очень несчастен. Мы с ним раньше очень дружили.

Тедди кивнул, стараясь понять. Потом опять посмотрел на нее и задал вопрос:

— А кто такой Андре?

Она никак не предполагала услышать такой вопрос. У нее даже перехватило дыхание. Она помедлила, прежде чем ответить:

— Андре — это маленький мальчик. Он умер... очень давно. Чарльз тогда очень расстроился и с тех пор не может успокоиться. Поэтому иногда он так глупо себя ведет.

Тедди кивнул — все, мол, ясно. И опять спросил:

— А ты тоже знала Андре?

Согласно кивнув, она усилием воли сдержала слезы и не спрятала лицо. Она собиралась сказать ему когда-нибудь, но ведь не таким же образом, не прибегая к уверткам. Сейчас Тедди слишком рано знать обо всем этом. Тем не менее она постаралась ответить на его вопрос, стирая слезу со щеки:

— Да, я тоже знала его.

— Он был красивый?

Для Тедди этот вопрос всегда имел первостепенное значение. Мариэлла почувствовала комок в горле, который рвался наружу. Нужно сдержаться.

— Он был очень хороший... И очень рано умер. Слезы все-таки медленно текли по ее щекам. Она не знала, что сказать Тедди. И в самом деле ей нечего было сказать. Вместо объяснений она просто прижала его к себе и снова почувствовала огромную благодарность, что он у нее есть.

Слишком она испугалась того, что говорил Чарльз. Так ли она поняла его? Неужели, чтобы заставить ее вернуться, он украдет ее мальчика? Это немыслимо. Она знала, что все это пустые угрозы. Никогда он не причинит вреда Тедди.

— Плохо, что мы встретили его сегодня. Жалко, что у тебя не получилось посмотреть на лодки.

— Да ладно. — Тедди мужественно улыбнулся. — Я все равно люблю быть с тобой.

Он умел всегда найти такие слова, от которых ей делалось легче и хотелось еще больше любить его.

— А хочешь завтра сходить на «Белоснежку»? Завтра воскресенье, а по воскресеньям Малкольм, как правило, сидит дома и занимается своими бумагами, поэтому она бывает свободна. А лучше всего то, что у мисс Гриффин завтра свободный день, и никто не будет им мешать. Тедди может быть целый день с Мариэллой, а если понадобится помощь, она позовет Бетти, а вечером с ним посидит Эдит.

— Ура! Правда? Мы правда пойдем на «Белоснежку»?

— Конечно. Значит, договорились?

Когда они подъехали к дому, Тедди пулей выскочил из машины. Хейверфорд открыл им дверь и позволил себе тень улыбки, потому что ему очень понравился молодой мистер Теодор, который пулей влетел в дом и немедленно помчался наверх.

На лестнице он едва не столкнулся с отцом. Мариэлла сначала испугалась, не расскажет ли он Малкольму про Чарльза, но Тедди слишком спешил, он должен был готовиться идти на день рождения, к тому же был слишком взволнован перспективой пойти завтра на «Белоснежку», поэтому он и не вспомнил про странного человека возле пруда в Центральном парке. Когда Мариэлла сняла шубу, Тедди был уже на третьем этаже.

— Где это вы были? — непринужденно спросил Малкольм. Он собирался ненадолго заехать к себе в офис. Он всегда заезжал туда по субботам, а потом ему предстояло ехать в клуб на ленч, на который он пригласил одного знакомого, приехавшего из Калифорнии.

— Мы ходили на пруд, хотели посмотреть на лодки, но пруд замерз.

— Наверное, очень холодно, — предположил Малкольм, и Мариэлла кивнула.

— Ты уходишь?

— Да, дорогая. — С серьезным видом он поцеловал ее в щеку. — А ты не забудь, что вечером ужин у Уитов.

Предрождественская вечеринка с танцами. Она собиралась надеть

умопомрачительное платье, которое Малкольм привез ей из Парижа. Это было изумительное платье из белого атласа со множеством тончайших рюшей на груди и на рукавах. К нему подойдут бриллиантовые серьги и колье. А еще она наденет серебряные туфли, а сверху — длинную, до пят горностаевую шубу, которую муж подарил ей на день рождения.

— А на завтрашний вечер есть какие-нибудь планы? — спросила Мариэлла, потому что вдруг забыла, что он ей говорил. А он вспомнил, что утром положил ей на стол записку.

— Я завтра рано еду в Вашингтон. Хочу добраться туда еще засветло, потому что на вечер назначен ужин у министра торговли, а в понедельник я хочу провести весь день с послем. — Да, серьезная поездка, и обе секретарши наверняка поедут с ним. — Ты не возражаешь?

Обоим было ясно, что возражать она не станет, но он всегда был настолько внимателен, что спрашивал ее согласия, и она послушно принимала правила игры и отпускала его с улыбкой.

— Нет. Мы с твоим сыном решили совершить вылазку на «Белоснежку», а вечер проведем дома. — Мариэлла улыбнулась мужу. Как хорошо, что он так мягок с ней, особенно после сумасшедшего поведения Чарльза.

— Ты определенно не поедешь со мной?

— Нам будет тут хорошо. — Она снова улыбнулась, и Малкольм поцеловал ее в лоб.

Затем он дал Патрику знак, что он готов, и шофер пошел к машине, а Хейверфорд подал хозяину шляпу.

— Мы с тобой еще увидимся, дорогая. Надеюсь, все будет хорошо. Отдохни, а то вечером придется потрудиться. Не хотелось бы, чтобы у тебя опять заболела голова.

Иногда ей казалось, что с ней все обращаются как с тяжелобольной. Конечно, после такой встречи с Чарльзом голова имеет право заболеть. Но день прошел все же не так уж и плохо. Она простилась с Тедди и поздоровалась с ним, когда он вернулся со дня рождения, а вечером поднялась в детскую, чтобы еще раз поцеловать его перед сном. Правда, мисс Гриффин заворчала, ей казалось, что мать с сыном достаточно общались за этот день, но очень уж он любил смотреть, во что мама одевается, когда идет в гости. Он очень забавно охал и ахал, рассматривая ее туалет.

Платье выглядело на ней изумительно. Божественное платье, Малкольм так и сказал, что в этом платье она — богиня. Она обратила на себя внимание всех гостей на вечере у Уитов. Каждый сказал ей

комплимент по поводу ее наряда, и мужчины не преминули заметить Малкольму, что ему невероятно повезло, что у него такая молодая жена, да к тому же такая красавица.

По дороге домой Малкольм опять говорил ей, как она хороша, а она все больше молчала. Она улыбалась его словам, но сама думала про Чарльза и его угрозы насчет Тедди. В конце концов она решила, что Чарльз просто потерял голову от горя и одиночества, а на самом деле он никогда не причинит вреда ни одному ребенку в мире, тем более ее ребенку. Он вспылил, потому что она отказала ему в свидании, вот и не знал, что ему делать, стал выдумывать какие-то угрозы. Она была рада, что отказалась с ним встречаться. Эти встречи могли бы только раздуть старое пламя, и они оба сделали бы еще несчастнее. При иных обстоятельствах она обязательно рассказала бы о нависшей опасности Малкольму, но сейчас она чувствовала, что это невозможно. Малкольм не имел понятия, какое место Чарльз занимал в ее жизни, он вообще не знал о существовании Чарльза, не говоря уже про брак и про ребенка, который умер. Малкольм не понял бы, зачем Чарльзу может понадобиться Тедди.

— По-моему, тебя что-то беспокоит. Он заметил. Впрочем, задумчивость шла Мариэлле, и впервые за долгое время Малкольм ощутил, что его влечет к ней. Он даже сам удивился.

— Просто я задумалась.

— О чем?

— Да ничего особенного.

— Ладно, но для меня ты всегда особенная. Она рассеянно улыбнулась, и Малкольм решил не развивать тему; наверное, у него имелись свои соображения.

Одна из горничных должна была специально дожидаться их возвращения, чтобы помочь госпоже раздеться. Мариэлла сняла драгоценности и легла. Но и в постели она думала о Чарльзе... о том, что он говорил ей в парке... В эту ночь ей приснился не Андре. Ей приснился Тедди.

Глава 4

На следующий день после обеда Мариэлла ходила с Тедди на «Белоснежку». Детский праздник проходил в нью-йоркском радиоцентре, а потом Мариэлла повела сына в кафе Шрафта выпить горячего шоколаду. День прошел прекрасно для обоих. Тедди сказал, что любит, когда у мисс Гриффин свободный день, и Мариэлле еще больше захотелось, чтобы мисс Гриффин в доме больше не было. Надо бы не забыть еще раз поднять этот вопрос в разговоре с Малкольмом. Он-то все думает, что мисс Гриффин приносит мальчику пользу, учит его хорошим манерам. Малкольм считает, что лучшие гувернантки — англичанки. Но по пути домой ни Тедди, ни Мариэлла о мисс Гриффин уже не думали. К тому же вечером Мариэлла сама искупала Тедди в своей огромной мраморной ванне. Тедди был в восторге. Они напустили полную ванну пены, так что когда Эдит, рыжая горничная, увидела, что делается на полу, она пришла в ярость. Предполагалось, что она посмотрит за Тедди вечером, но у нее имелись свои планы, в которых фигурировал Патрик. Они собирались пойти на танцы в Ирландский танцевальный клуб, поэтому Эдит упростила Бетти, молоденькую девушку, которая работала при кухне, посидеть с ребенком вечером. Эдит обещала по возвращении заплатить Бетти пять долларов. После этого Эдит сможет незаметно проскользнуть в комнату для игр, и комар носа не подточит. Естественно, что ей не понравились лужи мыльной пены на полу в ванной, так как она не могла уйти с Патриком, не убрав все это безобразие. Найти кого-то, кто согласился бы сделать эту неприятную работу за нее, было уже совсем нереально.

Мариэлла перекусила вместе с Тедди в детской, потом почитала ему перед сном. Когда он разделся и лег, она спела ему рождественскую песню, погладила его по голове, и он заснул, удобно пристроившись с ней рядом. Тогда Мариэлла тихо выбралась из его кровати, чтобы не разбудить его.

Спускаясь к себе, Мариэлла думала: а может быть, она и впрямь портит ребенка, как полагает мисс Гриффин? Может быть, она балует его? И что с того? В последнее время Мариэлла все больше времени проводила с сыном, и ей становилось все труднее держать дистанцию. Ее прежние страхи относительно чересчур тесного сближения, кажется, испарились без следа, и она самозабвенно наслаждалась его обществом. А если она и слишком сильно любит его, какой от этого вред? Что в этом плохого? Ей так повезло, что у нее есть Тедди. Поэтому она отказывалась допустить,

что может произойти какое-нибудь несчастье. Малкольм прав, она слишком много нервничает, пора успокоиться.

Она легла, намереваясь почитать. В одиннадцатом часу позвонил Малкольм из Вашингтона. Он сказал, что очень удачно провел вечер. Поужинал с Харри Хопкинсом, который, по некоторым конфиденциальным данным, в ближайшие два месяца будет исполнять обязанности Даниэля Роупера в министерстве торговли. На ужине присутствовал Луис Хоу, правая рука Рузвельта. Они подробно обсудили позицию администрации Рузвельта в свете ситуации в Европе. Малкольм чувствовал, что война вероятна, но продолжал надеяться, что ее удастся избежать, если приложить к этому все усилия.

Немецкий посол рассказал Малкольму о ситуации в Берлине. Не оставалось сомнений, что Германия наращивает военную мощь, но высокопоставленный дипломат поручился, что капиталовложения Малкольма по-прежнему в безопасности. На прямой вопрос Малкольма посол признал, что «хрустальная ночь» — дело действительно небезупречное с моральной точки зрения, но, с другой стороны, Гитлер делает великое дело для германской промышленности, и благодаря ему Германия сможет по-настоящему перевернуть мир. Малкольму очень нравилось принимать участие в обсуждении столь важных вопросов. Он сказал Мариэлле, что было очень интересно побеседовать с Хоу, Роупером и их ближайшими сотрудниками, тоже присутствовавшими на ужине. Малкольм высказал мнение, что у Германии и ее союзников большое будущее. Мариэлла была тронута, что он позвонил, чтобы поделиться с ней своими соображениями.

Он сказал, что вскоре опять уедет в Германию, а она, как всегда, хотела остаться с Тедди.

— Кстати, как вам «Белоснежка»? — спросил Малкольм. Он принимал дела Тедди близко к сердцу. После Германии сын интересовал его больше всего на свете.

— Тедди очень понравилось.

— Я так и знал. Мне говорили, что фильм отличный. Может, мы потом еще раз вместе сходим.

Хотя Малкольм все чаще и чаще отсутствовал дома, он по-прежнему любил всяческие совместные вылазки. А Мариэлла очень ласкова с мальчиком, и, несмотря на всю ее излишнюю нервозность, она — прекрасная мать. Слышно было, что Малкольм зевнул, и Мариэлла невольно улыбнулась. Он с раннего утра на ногах, и у него сегодня был трудный день, не то что у нее. Она-то только ходила на детский фильм, а

потом купала ребенка.

Они уже все обсудили, когда из холла донеслись непонятные звуки, как будто кто-то двигался там ощупью, натываясь на мебель. Потом этот кто-то вроде бы прошел вверх по лестнице. Мариэлла извинилась перед Малкольмом и прислушалась, но больше ничего не было слышно, и она решила, что ей показалось.

— Малкольм, ложись отдыхай, — сказала Мариэлла. — Завтра у тебя нелегкий день. Завтра к вечеру вернешься? — Она в разговоре забыла спросить его, когда он возвращается.

— Скорее всего, буду дома во вторник. Завтра вечером я приглашен на ужин к послу. Во второй половине дня мы с ним встречаемся, а дальше будет видно. Но в любом случае мне имеет смысл приехать во вторник. Завтра вечером я тебе позвоню.

— Ладно, до завтра. Малкольм, успехов тебе в делах. — Внезапно на нее опять напал приступ признательности к нему. Он так много ей дал и так мало требовал...

— Береги себя, Мариэлла. Когда приеду, мы с тобой позволим себе провести вечер так, как ты захочешь.

А скоро уже Рождество. Наступает волшебное время, волшебное потому, что с ней Тедди. У Малкольма раньше никогда не было детей, поэтому с рождением Тедди для него пошла совершенно новая жизнь, ему не терпелось подарить мальчику игрушечный поезд и ввести его в комнату, специально отведенную под железную дорогу.

Положив трубку, она погасила свет и долго лежала без сна, думая о Малкольме, о его бесчисленных достоинствах. Два часа спустя она все еще не спала, но думала уже про Чарльза, не могла не думать о том, что он говорил вчера у пруда. Она молила бога, чтобы от этих мыслей не разболелась голова. Две встречи с Чарльзом усугубили ее тревоги и волнение, и бессонница теперь означала, что завтра она наверняка проваляется целый день с головной болью. Мариэлла решила встать, босиком вышла на лестницу и начала подниматься на третий этаж. Ей хотелось еще раз поцеловать его, коснуться его волос, просто минуточку посмотреть на спящего и потом вернуться к себе. Она заметила, что возле лестницы почему-то валяется полотенце. Значит, одна из горничных допустила небрежность, наткнулась на стиральную машину, зацепила полотенце; вот что означал шум, который она слышала. Подняв полотенце, Мариэлла прошла по коридору, подошла к двери, ведущей в детские комнаты. Помимо комнаты для игр и столовой, на верхнем этаже имелись три спальни: одна для мисс Гриффин, одна пустая, на случай, если

появится второй ребенок, а в самой большой спал Тедди. Пробираясь на цыпочках через комнату для игр, Мариэлла услышала какой-то шорох. Наверное, Эдит что-то делает в спальне. Мариэлла знала, что в это время мисс Гриффин всегда уже дома, но официально считается, что в воскресенье она свободна до полуночи, поэтому за ребенком должна присматривать Эдит. Мариэлла сделала еще шаг к двери спальни Тедди, но натолкнулась в темноте на неожиданное препятствие и потеряла равновесие. У нее при этом хватило самообладания, чтобы не вскрикнуть и не разбудить Тедди. Упала она на что-то большое и мягкое, а потом что-то непонятное притронулось к ее ноге, и тогда она от ужаса испустила крик и попыталась вскочить. Но в комнате было темно, хоть глаз выколи. Вдруг совсем рядом с ней взвыло какое-то животное. Мариэлла еще больше перепугалась. Встав на ноги, она сделала несколько шагов вдоль стены, подошла к столу. Теперь она могла определить свое местонахождение, а следовательно, найти выключатель. Прежде чем включить свет, она отогнала от себя мысль, что вот через долю секунды она окажется лицом к лицу с неизвестным злоумышленником. Тем не менее она не могла убежать и оставить без защиты своего ребенка. Однако, включив свет, она увидела вовсе не то, что ожидала увидеть. Она увидела Бетти, кухонную прислугу, с крепко связанными руками и ногами. Во рту у нее было полотенце, обвязанное для надежности веревкой. Лицо ее покраснелось, по щекам текли слезы, но она не могла говорить, а только глухо выла.

— О боже! Что случилось? — Увидев связанную девушку на полу, Мариэлла забыла, что надо говорить шепотом, так как нельзя будить малыша. Неужели ограбление? Следы борьбы! В дом проник взломщик! Что произошло? И что эта девушка делала в детской? Она работает на кухне. Все эти вопросы Мариэлла задавала несчастной девушке, вынимая кляп у нее изо рта и пытаясь хотя бы ослабить путы. Но веревка была крепкая, узлы завязаны прочно. Мариэлла решила, что придется резать веревки, но тут девушка истерически завопила и освободилась сама.

— Что случилось? — повторила Мариэлла, тряся Бетти за плечи. — Где Эдит? Где мисс Гриффин?

Девушка не могла успокоиться, она только рыдала, заламывала руки и силилась что-то сказать, но не могла произнести ни одного членораздельного звука. Тогда Мариэлла, затаив дыхание от страха, прошла все-таки к спальне Тедди и рывком распахнула дверь. Реальностью стал самый страшный из ее кошмаров. Сына не было. Кровать пуста. Нигде ни следа. Подушка на месте, а его нет. Мариэлла потрогала кровать. Все еще теплая. Осознав, что произошло, она задрожала всем телом.

Она бросилась назад, к Бетти. Девушка все еще всхлипывала, растирала затекшие ноги и руки и ловила ртом воздух. Мариэлла с силой трянула ее.

— Что произошло? Расскажите мне!

— Не знаю... Тут было темно... Я уснула на диване... Меня схватили... Я только помню, что слышала мужской голос.

А Тедди, замирая от страха, подумала Мариэлла. Бога ради, где же Тедди?

— Что вы здесь делали? — закричала Мариэлла, и бедная девушка расплакалась так, что некоторое время не могла говорить. Теперь ей было ясно, что придется сказать правду.

— Эдит ушла... на танцы... Рождественский вечер... Попросила меня посидеть... Она обещала прийти... Я не знаю, что это было. Мне показалось, их было несколько. Они закрыли мне лицо подушкой, там еще был какой-то жуткий запах, по-моему, я упала в обморок. Когда очнулась, я была уже связана, а их не было. А потом вы меня нашли.

— Где мисс Гриффин?

Может, это она унесла ребенка? Разве она на это не способна? Сама не понимая, что делает, Мариэлла бросилась в комнату гувернантки. Ее мальчика нет... Его украли... Она не знает, кто его украл, не знает, где он... Но подсознание уже нашептывало ей ответ... Он? И он пошел на такое? Неужели месть?

Она рванула дверь комнаты мисс Гриффин, и у нее подкосились ноги. Англичанка лежала на кровати, связанная и с наволочкой на голове. Мариэлла развязала веревки, стянула наволочку и почувствовала резкий запах хлороформа. Ей показалось даже, что гувернантка мертва, но мисс Гриффин тут же шевельнулась, и тогда Мариэлла оставила ее, кинулась к телефону, вызвала дежурную телефонистку и попросила срочно связать ее с полицией. Ее голос ей самой казался чужим. Про себя она молилась, чтобы сына нашли как можно скорее.

— Что-нибудь случилось? — спросила телефонистка.

На секунду она заколебалась, вспомнив про журналистов, которых всегда боялась как огня, а потом решилась. Она уже потеряла когда-то ребенка и знала, что еще раз такое испытание ей не вынести.

— Пожалуйста... Пожалуйста, срочно вызовите полицию.

Она почти не могла говорить, но, когда все же сумела облечь в слова вечный кошмар всех матерей, самообладание вернулось к ней.

— Меня зовут миссис Паттерсон. Моего ребенка похитили.

На том конце помолчали, потом телефонистка ожила, быстро записала

адрес, и Мариэлла положила трубку. Руки ходят ходуном. Невидящими глазами Мариэлла уставилась на Бетти, сидящую на полу и полумертвую от страха. Бетти понимала, что этот ужас отчасти на ее совести.

Мариэлла стояла долго... и представляла себе его, его маленькую мордашку, мягкие кудри, которые она так долго гладила несколько часов назад, гладила и пела ему колыбельную песню. И вот настала полночь, и его нет.

Она опомнилась, когда из комнаты мисс Гриффин донесся стон, и немедленно кинулась на помощь. Она вытащила наконец кляп изо рта гувернантки и позвала Бетти, чтобы та помогла ей освободить англичанку. Мисс Гриффин в первые минуты была почти парализована парами хлороформа, к тому же ее тошнило, но наконец она обрела дар речи. О преступниках она могла сказать не больше, чем Бетти. Они вошли в комнату, когда она уже спала. Ей показалось, что она слышала два мужских голоса, а может быть, и больше, но говорили они мало, а потом подействовал хлороформ.

Слушая мисс Гриффин, Мариэлла не могла стряхнуть с себя оцепенения. Она слушала англичанку так, как будто эта история совсем не касалась ее. То, что случилось, было трудно переварить. Потом она услышала, как позвонили в дверь, и бросилась вниз, все еще босая и в ночной рубашке. Хейверфорд вышел открывать в халате и с удивлением увидел госпожу, спускающуюся по лестнице, как привидение. Он тоже уже спал, звонок в дверь разбудил его. Открыв дверь, он принялся убеждать полицейских, что у них в доме все в порядке, что их никто не вызывал, что тут какая-то ошибка...

— Должно быть, кто-нибудь пошутил... — говорил дворецкий, очень расстроенный, как будто извиняясь за дурацкую шутку. Но когда спустилась сама миссис Паттерсон, стало ясно, что никакой ошибки нет. Дворецкий и трое полицейских застыли в холле, ожидая хоть каких-нибудь объяснений.

— Это не ошибка, — произнесла она, приблизившись, и вдруг опять задрожала. Хейверфорд заметил это и поспешил накинуть ей на плечи шубу. — Моего сына похитили.

Полицейские быстро направились наверх, в детскую, Хейверфорд потащился за ними. У спальни Мариэллы он задержался, чтобы принести ей домашние туфли и халат. Потом он тоже поднялся в детскую, как раз вовремя, чтобы услышать рассказ Бетти и мисс Гриффин. Он был потрясен. Ошибки не было. Ребенок похищен. Один из полицейских не отрываясь что-то строчил в блокноте, двое других совещались вполголоса. Затем один

из них прошел к телефону. С тех пор, как произошло сенсационное похищение сына Линдбергов, дела о похищении детей расследовались не полицией штата, а федеральными властями. И в нынешнем расследовании должно принять участие ФБР.

Один из полицейских, по-видимому главный, попросил всех присутствующих по возможности не прикасаться ни к чему, чтобы случайно не стереть отпечатки пальцев похитителей. Затем он изъявил желание поговорить с Мариэллой. Бетти все еще всхлипывала. Гувернантка выглядела так ужасно, что Хейверфорд пошел к телефону вызывать врача.

— Они не оставили записку насчет выкупа?

Здесь, в комнате, не было никакой бумажки? — спрашивал офицер, судя по внешности, ирландец. Ему было слегка за пятьдесят, у него самого было пятеро детей, и его охватывал ужас при мысли, что его собственного ребенка могут похитить. Глядя на Мариэllu, он думал, может ли тот, у кого все благополучно, понять, какие чувства ей сейчас владеют. Она выглядела очень серьезной, спокойной, хладнокровной до такой степени, что наводила на мысль о замороженном трупe. И хотя Хейверфорд принес ей теплый халат, она не могла унять дрожь. Она так и не обулась, не причесалась. По глазам казалось, что она не до конца осознает, что случилось. Ему много раз приходилось видеть такое выражение глаз во время пожаров, один раз — после землетрясения. Такие глаза бывали у людей в войну... или когда убивали их близких... Шок вызывал своего рода ступор разума и души. Но рано или поздно она полностью очнется, и тогда утрата поразит ее с новой силой. Ее сына похитили.

Она ответила, что никакой записки не было, только пустая кровать и две связанные женщины, и у обеих во рту кляп. Офицер кивнул, что-то записал. Его подчиненные вызвали тем временем подкрепление. Через полчаса по всему дому и вокруг уже рыскали человек двадцать пять полицейских, стараясь отыскать хоть какие-то улики. Пока ничего не нашли.

Всех слуг разбудили, и сержант О'Коннор, начальник оперативной полицейской группы, допрашивал их по очереди, но, по всей вероятности, ни один из них ничего не видел и не знал. Внезапно Мариэлла сообразила, что ни горничной Эдит, ни шофера Патрика нет дома. Она им никогда не доверяла, подозревала, что и они по каким-то причинам терпеть ее не могут. Теперь ей пришло в голову, что они могли ненавидеть ее до такой степени, что решились украсть ее ребенка. В это трудно поверить, но это не исключено, такую возможность стоит рассмотреть. Она сразу же рассказала сержанту о своем открытии. Приметы обоих, а также приметы Тедди были

переданы по радио на все полицейские посты города.

— Чем скорее мы его найдем, тем лучше, — заявил О'Коннор. Но он не стал объяснять, что похитителям может потребоваться гораздо меньше времени, чтобы искалечить ребенка, увезти его бог знает куда или, что хуже всего, убить. Но Мариэлла сама вспомнила, что сына Линдберга убили, по всей вероятности, в первую же ночь.

Сержант предупредил Мариэлле, что если по полицейским рациям передадут сообщение о случившемся, в дом максимум через полчаса явятся репортеры. Она согласилась, что если такое сообщение по радио поможет отыскать ребенка быстрее, его надо передавать невзирая ни на какие неудобства. Она прекрасно понимала, что обязана сообщить Малкольму прежде, чем он услышит обо всем по радио или прочитает в газете. Но она еще не успела позвонить, а дом уже был наводнен полицейскими. Не заставили себя ждать и агенты ФБР. Все это было похоже на кошмарный сон или на плохой детективный фильм: полиция в доме, все носятся туда-сюда, высовываются в окна, раздергивают занавески, двигают мебель, зачем-то роются в саду, шныряют с фонарями по кустам, допрашивают слуг. Все это было настолько не правдоподобно и страшно, что Мариэлле не покидало чувство, что на самом деле ничего не было и нет. Дурной сон, после которого обязательно должно наступить пробуждение. Утром окажется, что ей все это приснилось. — Миссис Паттерсон!

Сержант О'Коннор стоит рядом с ней, а с ним еще несколько мужчин в темных костюмах. Кажется, все в шляпах, кроме одного. Этот, похоже, старший. Ему лет сорок или чуть за сорок, он высокий, худой, хмурый, у него каштановые волосы и пронизательные голубые глаза. Он как будто сделан из стали и смотрит так, как будто уже знает все, что ему нужно.

— Миссис Паттерсон, — слегка смущенно повторил сержант О'Коннор, — позвольте вам представить специального агента Джона Тейлора. Он будет расследовать ваше дело по линии ФБР.

Ваше дело? Какое еще «ваше дело»? Что такое? Где она? Где Малкольм? И где, наконец, их сын?

— Здравствуйте, миссис Паттерсон. Она протянула руку, он пожал ее, одновременно изучая ее лицо. Глаза у него холодные, как у всех этих. Она опять рассказала ему о том, что видела. Он не проронил ни слова. Он в свое время занимался поисками сына Линдберга, но подключился только на последнем этапе, когда было уже поздно. Полиция успела много чего натворить, прежде чем дело оказалось в руках ФБР. В итоге все усилия оказались бесполезны. Тейлор был специалистом по похищению детей, а на этот раз в кои-то веки спецслужба была вызвана вовремя. Правда,

работать пока не с чем, улики нет. Пропали шофер и горничная, их уже разыскивают, а что еще можно сделать? Ни записки, ни следов, ни отпечатков пальцев, ни примет преступников. Только тот факт, что двое или больше мужчин, имея в своем распоряжении хлороформ, унесли ребенка. Это Тейлор знал и без нее, но сама женщина его заинтриговала. В ее глазах читался какой-то беспросветный ужас, как будто в любой момент она могла потерять контроль над собой, руки у нее дрожали, а в остальном она держалась даже спокойно и собранно, но видно было, что она на грани срыва. И можно не сомневаться, она действительно напугана. И при всем том вот она стоит перед ним в халате, наброшенном на ночную рубашку, удивительно спокойная, царственная и не правдоподобно красивая.

— Найдется у вас какое-нибудь такое место, где бы мы могли поговорить? — спросил он.

Во всех комнатах шурували полицейские, толпились в ожидании допроса слуги.

— Конечно, — отозвалась она.

Она провела его в кабинет Малкольма. Кабинет был обставлен со вкусом: кожаный диван, кожаные кресла с высокими спинками, на стенах книжные полки, большой письменный стол, за которым Малкольм сидел еще сегодня утром. Войдя в комнату, Тейлор вспомнил, что еще не видел мужа этой женщины, и сразу спросил про него. Миссис Паттерсон жестом пригласила его сесть и сама присела на диван, вся дрожа.

— Он уехал в Вашингтон. Я поговорила с ним по телефону, а часа через два пошла наверх... и обнаружила... — Она не смогла заставить себя выговорить страшные слова: Тедди исчез.

— Вы ему уже позвонили?

Она покачала головой, и на ее лице отразилось глубокое страдание. Да как же ему сказать?

— Я еще не успела позвонить, — сказала она мягко, вдруг почувствовав, что давно надо было позвонить.

Тейлор кивнул, продолжая глядеть на нее. Эта женщина интересовала его все больше. Она принадлежит совершенно другому миру, он таких женщин никогда не встречал. Она такая изысканная, любезная и в то же время такая ранимая...

Сам он родился в захолустье в почти что нищей семье. Во время мировой войны служил во флоте, а сразу после окончания боевых действий вышел в отставку и поступил на работу в ФБР. Это было ровно двадцать лет назад, и недавно он отметил свой сорок второй день рождения. Он женат, у него двое детей, к которым он очень привязан, но сейчас, сидя

напротив Мариэллы, он вынужден был признать, что такой женщины ему до сих пор не доводилось близко видеть. Даже в домашней одежде она выглядела как настоящая аристократка. У нее такое невинное лицо, исполненные такого страдания глаза, что ему захотелось ласково обнять ее.

— Прошу прощения, миссис Паттерсон. — Ради нее самой он заставил себя вернуться мыслями к событиям нынешней ночи. — Расскажите мне обо всем, что случилось, и как можно подробнее.

Он прикрыл глаза и приготовился слушать. Затем время от времени он смотрел на нее из-под опущенных век, чтобы убедиться, что выражение ее лица соответствует ее словам. Он слушал ее и думал, все ли чисто в этом деле, нет ли здесь лжи. У него есть нюх на ложь. Но в этой женщине он чувствовал нечто иное, не ложь, а непонятный, непостижимый страх. Он дождался окончания рассказа, а затем спросил:

— Вы можете еще что-нибудь добавить? Может быть, вы заметили что-нибудь сегодня вечером или в последние дни? Может быть, что-то вас испугало или произошло что-то непонятное, а сейчас вы догадались, что это означало?

В ответ она только отрицательно качнула головой.

— Может быть, вы хотите мне что-нибудь сказать, поделиться со мной какой-нибудь конфиденциальной информацией, пока за вас не принялись официальные следователи и журналисты? Нет ли чего-то такого, что вы хотели бы утаить от них... или, скажем, от мужа?

В других случаях он просил женщин откровенно рассказывать о своих любовниках, поклонниках, но инстинкт подсказывал ему, что сейчас дело не в том. Ему она казалась не такой, как все... За такую женщину он мог бы отдать жизнь.

— Есть ли в вашей жизни человек, который, по-вашему, мог бы иметь отношение к этому преступлению? Может быть, такой человек был в вашем прошлом? О ком бы вы подумали в первую очередь?

Наступила долгая пауза, очень долгая, а потом она покачала головой с заметным усилием.

— По-моему, такого человека я не знаю.

— Миссис Паттерсон, подумайте еще раз... От того, насколько вы будете откровенны, может зависеть жизнь вашего сына.

А Мариэлла думала о нем. Неужели ей сейчас придется оправдывать его? Да неужели это вообще он? Имеет ли она право ничего не сказать Тейлору?

Она еще не произнесла ни слова, а в дверь резко постучали, и в кабинет вошел сержант О'Коннор. Он объявил, что шофер и горничная уже

в доме, но мальчика с ними нет.

— Где эти двое? — раздраженно спросил Тейлор. Он знал, что Мариэлла пережила борьбу с собой и была уже почти готова сказать что-то важное, и тут-то их перебили.

— Они в комнате, Джон... — О'Коннор посмотрел на Тейлора и бросил извиняющийся взгляд на Мариэллу. — Оба пьяные в стельку. Хороша парочка. А она, черт побери, в бальном платье, — добавил сержант, обращаясь к Мариэлле. — Готов спорить на что угодно, что это платье ваше, и взяла она его без спросу.

Ох, сейчас все это неважно. Где сейчас мальчик, вот вопрос, у кого он?

— Отведите их на кухню и накачивайте крепким кофе, только смотрите, чтоб не лопнули. Потом позовете меня.

Сержант кивнул и вышел, а Джон Тейлор опять обратился к несчастной матери. Но тут же опять вошел О'Коннор.

— Миссис Паттерсон, мы только что позвонили вашему супругу.

Она не знала, стоит ли их благодарить за это. Она чувствовала, что виновата, раз не позвонила ему сама, но одновременно испытала облегчение, что теперь звонить уже не придется. К лучшему, что эту новость сообщил ему чужой. Такое известие нельзя смягчить. Она думала сейчас о том, как сильно Малкольм любил сына.

— И что он сказал?

Инспектор проследил за ее лицом и отметил новый прилив испуга.

— Он был очень огорчен.

Сержант посмотрел на Джона и решил не говорить Мариэлле, что ее муж по-настоящему заплакал, но не попросил ее к телефону. Такая реакция показалась ему странной. Впрочем, у людей их круга, наверное, свои привычки. За годы работы он видел всякие реакции.

— Он говорит, что приедет утром.

— Благодарю вас, — сказала она и кивнула сержанту, и тот немедленно вышел из комнаты. Мариэлла взглянула на агента ФБР. А Тейлор все это время не сводил с нее глаз. Ему нужно было срочно решить, как вести себя, если она солжет, упадет в обморок, притворно возмутится и выбежит из комнаты или выкинет еще что-нибудь в этом роде. Но она ничего подобного не сделала. Она просто сидела и смотрела на него. И слушала его. Он — видный собой, сильный мужчина, но на нее его внешность, казалось, не производила никакого впечатления. Ее внимание было приковано к его словам.

— Миссис Паттерсон, бывает, что людям трудно сообщить что-то посторонним, трудно в чем-то признаться даже самим себе. Трудно бывает

признаваться в том, что касается нас самих или тех, кого мы любим. Но в таком деле... все должно быть иначе. Мне не надо вам объяснять, что сейчас поставлено на карту. Вы это знаете... И мы знаем. Пожалуйста, подумайте, может быть, вам есть что сказать?

Не дожидаясь ответа, он добавил, что поговорит пока с Патриком и Эдит и сразу после этого вернется. Мариэлла осталась в кабинете Малкольма, со страхом думая о том, что утром предстоит объяснение с мужем. Она понимала, что должна быть предельно откровенна.

Когда Джон Тейлор вошел в кухню, Патрик и Эдит еще не протрезвели окончательно, но были уже в состоянии ответить, где они были, с кем и что делали. Тейлор допросил их, О'Коннор записал показания. Патрик разгневался из-за того, что его посмели допрашивать, — это, мол, испортит его репутацию. Однако его репутация нисколько не заботила ни О'Коннора, ни Тейлора. Более того, они подозревали, что Патрик — весьма сомнительный субъект. Эдит же решила, что у нее есть шанс оправдаться.

— Почему вы ушли из дома с этим человеком? Разве вы были свободны сегодня вечером? — спросил Тейлор, не обращая внимания на ее попытки прельстить его своей сексуальностью и шикарным платьем. Накануне Мариэлла была в этом платье у Уитов, потом попросила Эдит отдать платье в чистку. Эдит решила сначала покрасоваться в нем, как она делала уже не раз. Она хотела «взять напрокат» и горностаевую шубу, но не хватило смелости.

— Ну и что? — вскинулся Патрик. — А какая разница, кто посидит с ребенком? Была бы она здесь, ее бы траванули газом и скрутили как цыпленка. Какого хрена? За эти гроши, что нам тут платят?

Он был еще слишком пьян, чтобы понять, что его слова могут обернуться против них обоих. Зато Эдит быстро приходила в себя и, похоже, страшно нервничала.

— Я не знаю... Надо было... Я подумала... сегодня почти что Рождество...

— Откуда у вас это платье?

— Это мое платье. Его мне сестра сшила. Тейлор понимающе кивнул, уселся напротив нее с таким видом, как будто он видел ее насквозь и не собирался покушаться на то, что она плетет.

— Если я попрошу миссис Паттерсон прийти сюда, она сможет подтвердить, что это ваше платье?

Эдит опустила глаза и принялась всхлипывать, но Патрик опять яростно взвился:

— Слушай, дура, кончай хныкать. Ну ладно, ты взяла платье поносить.

Так ты их всегда возвращаешь. Мать твою, да они думают, наверное, что наша мадам — Дева Мария. Послушайте, — обратился он к Джону Тейлору, — не верьте вы этой святой мадонне. Я за эту неделю ее дважды видел с любовником. Она однажды даже брала с собой пацана, так что не надо на нас клепать. Ну-ка идите поговорите с ней и спросите про этого парня, с которым она в пятницу целовалась в церкви, а вчера она к нему в парк и Тедди таскала.

О'Коннор подробно записывал показания. На его лице не дрогнул ни единый мускул. А вот Джон Тейлор очень заинтересовался. Он знал по опыту, что если он будет достаточно терпелив, может последовать продолжение. И он оказался прав.

— По-моему, тот парень похож на лунатика, он орал на нее, похоже, угрожал ей, потом хотел чмокнуть. Тедди, бедняга, перепугался до смерти. Если хотите мое мнение, у того парня шариков не хватает.

— Почему вы решили, что это ее любовник? — ледяным тоном спросил Тейлор. — Вы видели их вместе раньше?

Патрик на секунду задумался.

— Нет... Только в пятницу в церкви, и вот вчера, в Центральном парке. Конечно, может, она и раньше с ним встречалась. Он ее явно знал. Она не всегда позволяет, чтобы я ее возил.

— Она сама водит машину?

— Иногда бывает, ездит гулять, — помолчав, ответил Патрик. — Не очень часто. По-моему, больно себя бережет. У нее голова болит чуть не каждый день.

Что ж, Патрик нарисовал любопытный портрет миссис Паттерсон. Почему-то Джону Тейлору пришло в голову, что у нее не такое уж слабое здоровье.

— Вы когда-нибудь видели ее в обществе других мужчин?

Скрепя сердце Патрик признал, что никогда не видел. Тогда Тейлор задал Патрику следующий, очень неприятный вопрос:

— А вам приходилось видеть мистера Паттерсона в обществе других женщин?

Наступила тишина, прерываемая только редкими всхлипываниями Эдит, которая решила, что теперь наверняка потеряет работу. Проблемы, которые неизбежно возникнут из-за платья, тревожили ее гораздо больше, чем судьба похищенного ребенка. Патрику же очень не хотелось отвечать на заданный вопрос.

Джон Тейлор повторил вопрос, напоминая Патрику, что он здесь является официальным лицом и уполномочен вести расследование.

— Вам приходилось видеть вашего патрона в обществе других женщин?

— Не могу припомнить такого... — Помолчав, Патрик добавил:

— Ну секретарши только...

Тейлор отметил, что этой проблемой следует заняться более детально, но позднее. Вопрос о любовнике миссис Паттерсон не мог оставить его безучастным. Ему казалось, что для адюльтера она слишком холодна, слишком умна, благопристойна. Но трудно судить наверняка. Ее обязательно придется расспросить. Он не любил такие ситуации, когда необходимо нажимать на людей, чтобы вытягивать из них ответы на неудобные вопросы. Но в этот дом его привело происшествие, само по себе неприятное, и если в его силах спасти мальчика, то игра стоит свеч.

Он поднялся на ноги и окинул взглядом водителя, к которому с первой же минуты испытывал острую неприязнь. Скользкая парочка. Но интуиция подсказывала ему, что едва ли они участвовали в похищении. Возможно, конечно, что их подкупили, сунули им сотню баксов, чтобы они, скажем, не заперли какую-нибудь дверь. Но даже и это вряд ли. Просто они ушли потанцевать без разрешения хозяев, воспользовались платьем хозяйки, машиной хозяина. Девушка не выполнила своих обязанностей по отношению к ребенку. Но не более того. Их счастье, иначе он с большим удовольствием засадил бы их в тюрьму.

Тейлор велел О'Коннору пока отпустить этих двоих и пошел в кабинет. Утром он еще допросит Эдит и Патрика. Сейчас оба сказали, что ни сегодня, ни в последние дни не заметили ничего необычного. Единственная странность последних дней, если верить Патрику, состояла в том, что Мариэлла дважды встречалась с «любовником».

— И что вы об этом думаете? — вполголоса спросил О'Коннор, задержав Тейлора в дверях.

— Возможно, сплошная ложь, но я вынужден задать ей вопросы в связи с этим сообщением.

— Судя по виду, она не из таких, — энергично затряс головой О'Коннор.

Очень может быть, что этот любовник и осуществил похищение. Нельзя исключать, что у нее есть внебрачная связь. Люди иногда совсем не таковы, какими кажутся.

— Да, по виду не из таких, — без энтузиазма согласился Тейлор.

Если это правда, тем более необходимо как следует поговорить с ней, пока не вернулся муж.

Войдя в кабинет, он нашел Мариэллу на том же диване. Возможно, она

не трогалась с места все это время. Только дрожит она еще более крупной дрожью. В доме было тепло, но она в шоке. Невольно Тейлору стало жаль ее.

— Не хотите чаю или кофе?

— Нет, спасибо, — отозвалась Мариэлла. — Они что-нибудь знают? — спросила она с надеждой, но Тейлор отрицательно покачал головой. — Как вы думаете, может так быть, что они увезли его куда-то и вернулись?

Она сама думала об этом, пока сидела одна, и очень хотела, чтобы это оказалось правдой.

— Возможно, но маловероятно. Утром я еще поговорю с ними. Но вот лично мое мнение: они действительно пили и развлекались.

Он понимал ее, он сам был разочарован. Если преступники — Эдит с Патриком, все было бы крайне просто.

— Они оба меня не любят.

Ей неловко было говорить, что в доме Малкольма, как выяснилось, ее почти никто не любит. Для слуг единственный полноправный хозяин — Малкольм. А миссис Паттерсон может быть к ним добра, снисходительна, они все равно будут позволять себе любые грубости, любое хамство. Им и невдомек, насколько ей это тяжело.

Существование жены Малкольма было не таким безмятежным, как могло показаться. Много, много одиноких и безрадостных ночей. Целые годы. Но она по-прежнему предана Малкольму, она достойная жена и хорошая мать. Впрочем, этого никто не ценил. Иногда, казалось ей, не ценил и Малкольм.

Тейлор наблюдал за выражением ее лица и пытался разгадать ее мысли.

— Почему вы считаете, что они вас не любят? Нет, он не спорил с ней, он был с ней согласен, потому что видел ненависть в глазах Патрика, видел лицо Эдит, когда зашла речь о платьях Мариэллы.

— Думаю, что они мне завидуют. Большинство слуг в доме появились еще до моего замужества. У них сложились свои отношения с хозяином, и вдруг явилась я, а им не хочется, чтобы в их отношения вмешивались. У каждого из них в доме есть какой-то свой угол, все они делают что-нибудь тайком от хозяина, и им не понравится, если их маленькие хитрости будут раскрыты. Я им как кость в горле.

Тейлор вспомнил про ее регулярные головные боли. Даже странно, почему эти головные боли так не дают ему покоя. А еще после рассказов Патрика возникает вопрос, насколько Мариэлла и Малкольм счастливы в браке.

— Наверное, вы правы. Теперь давайте о другом. Уходя, я попросил вас кое о чем подумать.

— Только об этом я и думала.

Она все еще продолжала бороться с доводами рассудка, со своими страхами. Ей все еще не хотелось верить, что Чарльз решился украсть ребенка. Что бы он ни говорил, сделать этого он не мог.

— Значит, вы уверены?

Тейлор подошел к двери кабинета, открыл ее, подозвал полицейского в форме и сказал, что очень хочет чашечку кофе, а миссис Паттерсон необходим чай. Ему стало вдруг мучительно холодно. Должно быть, потому, что Мариэлле бил озноб.

— Есть какие-нибудь новости? — спросила Мариэлла, глотая слезы. Тейлор отрицательно покачал головой.

Если она сейчас поднимется вверх, неужели же она не найдет там Тедди? Да он же там... Нет, в глубине души она знала, что там его нет.

Полицейский принес чай и кофе и вышел из кабинета, оставив дверь распахнутой настежь. Тейлор поднялся и закрыл дверь. Только после этого заговорил:

— Миссис Паттерсон, должен вам сказать, что водитель кое-что мне рассказал. Мне хотелось бы обсудить его сообщение с вами наедине. Если до этого докопается пресса, может получиться скандал. — Он помедлил, но Мариэлла уже знала, о чем пойдет речь. Возможно, ей будет даже легче, если она расскажет. — Мистер Рейли утверждает, что у вас есть любовник.

Он произнес последнее слово без всякого выражения, и Мариэлла улыбнулась. Улыбка могла показаться абсурдной, но она-то знала, что сам Патрик порочен до мозга костей, и могла себе представить, как подобное обвинение прозвучало в его устах.

— Интересно.

— Это правда?

Она чувствовала, как он буквально давит на нее. Ему нужно знать о ней все. Ради спасения ее сына. Поэтому, хоть она ему и симпатична, он обязан быть безжалостным. Она вздохнула и подняла на него глаза.

— Нет, это не правда. — Как нелепо предполагать", что Чарльз ее «любовник». — Это мой бывший муж, я не видела его семь лет и неожиданно встретила два дня назад. Мы встретились случайно в соборе Святого Патрика.

— Вы предварительно не договаривались о встрече?

Она серьезно покачала головой, и Тейлор ей поверил. В глазах ее застыло горе, и он видел, что это — наследие давней драмы.

— Мы встретились совершенно случайно.

В последние годы он был в Испании. Воевал против Франко.

— Боже, так он из тех, кто...

Тейлор отхлебнул кофе. Уже очень поздно, а на ногах наверняка придется оставаться еще долго. К тому же ему очень хотелось услышать от нее все, пока не приехал муж.

— Он коммунист?

Она опять улыбнулась. Еще одно смешное слово, неприложимое к Чарльзу. Хотя теперь не может быть ничего смешного... Теперь с ней нет Тедди... Смеяться теперь нельзя... Не быть ей больше никогда счастливой... красивой... И жить теперь незачем... Но он вернется. В этот раз все будет иначе. Непременно. Все кончится хорошо на этот раз.

— Нет, что вы, политика его вообще не интересует. Просто в этом вся его жизнь — сражаться с ветряными мельницами. Он — идеалист, мечтатель, писатель. Он сначала поехал в Памплону, чтобы попробовать принять участие в бое быков. Он как Хемингуэй. Я думаю, он услышал, что в Испании воюют, и решил повоевать сам. Не знаю. Я его много лет не видела. По-настоящему мы не были вместе с двадцать девятого года. А с тридцать второго я его вообще не встречала. В тот год я уехала в Штаты и вышла замуж за Малкольма.

— Почему же вы встретились теперь? Зачем он так внезапно приехал? Чтобы увидеть вас?

— Нет. По семейным делам. У него очень старый отец, он умирает или почти умирает.

— Когда он приехал, он позвонил вам? Или, может быть, написал? Она покачала головой.

— Вы не думаете, что он искал встречи с вами? Как он отнесся к вашему новому браку?

Она вздохнула и долго сидела молча, глядя на агента ФБР.

— Искал ли он встречи — не знаю. Не думаю. Он не звонил. Конечно... он расстроен из-за моего брака. Он рассердился... И из-за Тедди... Он не знал. В пятницу я сказала ему, что снова замужем, а про Тедди... не сказала... А вчера он его увидел...

— Вчера? — Ее рассказ заинтересовал Тейлора.

— Мы гуляли с Тедди в Центральном парке. Подошли к пруду посмотреть на лодки, а пруд замерз. Инспектор кивнул и спросил:

— А о новой встрече вы договаривались?

— Нет, это опять совпадение. Дом его отца сразу за парком, совсем недалеко от пруда.

— Но вам хотелось там его встретить?

— Я об этом даже не думала. — Она посмотрела ему прямо в глаза. Но ее дрожь не унялась.

— Вы думали о нем?

Она кивнула. После встречи в соборе она думала только о нем.

— Вам не кажется, трудно поверить, что вы дважды встретились случайно после семилетней разлуки? Семь лет не виделись вообще и вдруг встречаетесь два дня подряд, не договариваясь заранее! Вы не считаете, что ему зачем-то нужно было вас увидеть?

— Может быть.

Это действительно могло быть так. Она сама задавала себе тот же вопрос.

— Может быть, он хотел чего-то? Мариэлла снова подумала, потом наконец кивнула.

— Да... Он хотел видеть меня.

— Зачем же?

— Не знаю... Поговорить... Да, поговорить...

У нас когда-то были недоразумения... Теперь все это позади... Давно прошло. Я замужем за Малкольмом... Он мой муж... Уже шесть лет...

Она с трудом выговаривала слова и жалобно глядела на Джона Тейлора. Этот человек вошел в ее жизнь в тяжелейший момент, и сейчас она почти не замечала его. Она видела черты его лица, слышала его голос, но совершенно ничего о нем не знала. Ею владело только одно чувство — отчаянный страх за Тедди.

— Когда вы вышли замуж за этого человека? — Монотонный голос Тейлора звучал вежливо, но достаточно настойчиво.

— В двадцать шестом году. Мне было восемнадцать лет... — Мариэлла неожиданно твердо посмотрела в глаза Тейлору, бесповоротно решив, что все ему расскажет. — Инспектор, мой муж не знает об этом. Он считает, что, когда мне было восемнадцать лет, я как-то «легкомысленно себя вела» во время поездки в Европу. Мне представляется, что мой отец распустил среди своих знакомых слух, что у меня был флирт с неким неподходящим типом. Не более. Мой отец любил выдавать желаемое за действительное. Но отец, конечно, прекрасно знал, что пять лет я была замужем, и мы с мужем жили в Европе. Когда Малкольм сделал мне предложение, я попыталась ему рассказать, но он не стал меня слушать. Он сказал, что у каждого человека есть какое-то прошлое, и лучше не трогать его и не ворошить лишний раз. Поэтому он слышал только версию, изобретенную моим отцом ради спасения своего реноме. Отец, по-моему,

так никому и не говорил, что Чарльз был моим мужем. Мы с ним жили во Франции... — Казалось, сейчас Мариэлла перенеслась в мыслях куда-то далеко. — И мы были счастливы. — Теперь она была еще красивее.

— А потом ваша жизнь переменилась? Из-за чего?

Тейлор был настойчив, и он очень старался не отвлекаться, не любоваться Мариэлкой.

— Были причины.

Он немедленно почувствовал, что она избегает ответа. Должно быть, одна-единственная причина разрушила их идиллию. Только одна причина.

Один-единственный день, который ни для Чарльза, ни для Мариэллы не закончился до сих пор.

— Миссис Паттерсон... Мне нужно знать, что произошло. Ради вас. И ради Тедди.

Эти слова тронули ее. Она снова взглянула на него, и в глазах ее опять стояли слезы.

— Я сейчас не могу об этом. Я никому... — Только врачу в клинике.

— Нужно, — решительно сказал он, но она еще продолжала сопротивляться:

— Я не могу.

Она встала, прошла по комнате, остановилась у окна и принялась всматриваться куда-то. За окном темно, и где-то там, в темноте, — Тедди. Когда она повернулась к инспектору, в глазах ее было столько страдания, сколько Джону Тейлору еще не приходилось видеть. Ему вдруг захотелось приблизиться к ней и взять ее за руку.

— Простите меня. Мне тяжело причинять вам боль, — сказал Тейлор. Таких слов он тоже никогда раньше не произносил при допросах. Но и ни одна женщина еще не производила на него такого впечатления. В ней была чистота, она казалась такой хрупкой, что он боялся за нее. Даже не спросив разрешения, он назвал ее по имени, чувствуя, что необходимо сделать все возможное, чтобы облегчить ей признание. — Мариэлла, вам надо все рассказать.

— Я никогда не говорила мужу... А если бы он знал... Может быть, если бы он знал...

Вероятно, в этом случае Тедди не появился бы на свет, а возможно, и самого их брака не было бы.

— Мне вы можете рассказать, — настаивал он. Он хотел, чтобы она доверилась ему.

— А потом? Вы не расскажете журналистам? Она сверлила его взглядом. Он медленно покачал головой.

— Ничего не могу обещать. Но даю вам слово, что сделаю все, что только будет в моих силах, чтобы сохранить вашу тайну. Выдам ее только в том случае, если это поможет найти Тедди. Вы согласны?

Она кивнула в ответ и опять стала смотреть из окна в сад.

— У нас с Чарльзом был сын... Наш маленький Андре. — Когда она выговорила его имя, ее горло болезненно сжалось. — Он родился через одиннадцать месяцев после того, как мы поженились. У него были черные волосики, они блестели... Большие голубые глаза... Он был похож на маленького ангела. Пухленький такой херувимчик, мы обожали его. Мы всюду возили его с собой. — Теперь, когда она решилась рассказать ему, она не отводила взгляда. — Он был прекрасен и все время смеялся. Мы ходили с ним к друзьям... Он всем нравился.

Джон наблюдал за ней, и его вдруг насторожил тон ее рассказа. И глаза Мариэллы подозрительно заблестели.

— Чарльз буквально надыхаться на него не мог... И я тоже. Однажды мы поехали на Рождество в Швейцарию. Андре было два с половиной года. Нам было там очень хорошо. Мы играли в снежки... Даже лепили снеговика... — По ее щекам текли слезы, слезы горя и боли. Джон не прерывал ее. — И вот однажды Чарльз отправился в горы покататься на лыжах, а я осталась в Женеве. Мы с Андре пошли гулять на озеро. Мы болтали с ним, играли. А озеро замерзло, и у самого берега стояли какие-то женщины с детьми. Мы подошли к ним. Я разговорилась с одной женщиной, у нее мальчик был такого же возраста... — Каждое слово давалось ей с трудом, как будто бы ей не хватало воздуха. — Вы же понимаете, как женщины любят поболтать о детях, так что мы заговорились... заговорились...

Она поднесла дрожащую руку к глазам, и в этот момент Джон Тейлор подбежал к ней, словно предлагая помощь, и она судорожно вцепилась в его руку.

— Мы разговаривали, а он выбежал на лед вместе с другими детьми, потом вдруг... Это было ужасно...

Она почти не могла продолжать, в этой комнате слишком душно, но Джон так сжал ей руку, что это дало ей силы. Теперь она забыла о нем, теперь она вернулась в то время, которое почти убило ее.

— Что-то ужасно захрустело... Похоже на гром... Лед треснул, трое детей провалились... Один из них — Андре... Я выбежала на лед, другие женщины тоже... Все закричали... Я первой добежала до воды... Вытащила двух девочек... Да, обеих... — Она всхлипнула. — А его никак не могла вытащить. Я старалась... Я очень старалась... Я сделала все, что

можно, даже сама оказалась в воде... Но он был подо льдом... Потом я нашла его... — Голос ее прервался от боли. Джону Тейлору хотелось плакать вместе с ней. — Он весь посинел и покорно лежал у меня на руках, такой холодный... Чего я только не делала... Искусственное дыхание... Я согревала его... Потом приехала «Скорая помощь», его отвезли в больницу, но там...

Она опять посмотрела на Джона. Они оба сокрушались о судьбе маленького мальчика, провалившегося под лед на Женевском озере.

— Его не смогли спасти. Сказали, что он умер у меня на руках, когда я только вытащила его... Он уже не дышал... А откуда они знали, что он уже тогда был мертвый... — А не все ли теперь равно? — Это все моя вина... Надо было смотреть за ним... Я стала болтать с этими женщинами... Я как раз о нем рассказывала... А он умер. И я его убила.

— А ваш бывший муж?

Едва оправившись от всего услышанного, Тейлор тут же задал ключевой вопрос, потому что по ее опустошенному горем лицу он видел, что было что-то еще.

— Конечно, он обвинял меня. Меня оставили в больнице... Я хотела там остаться, рядом с Андре. И меня с ним надолго оставили. Я все держала его на руках и думала, что он ко мне вернется, что я смогу его отогреть... Но конечно... — Рассказывая, она, казалось, снова переживала то давнее безумие.

— Ваш муж, наверное, приехал в больницу. Как он повел себя? — мягко спросил Джон Тейлор. Очередной важнейший вопрос. И снова на агента ФБР смотрели невидящие глаза.

— Он стал бить меня... Он сильно бил... Долго... Потом мне сказали... Нет, неважно... Я подумала... Сказали, что, когда я прыгнула на лед...

— Миссис Паттерсон, что он делал?

— Он чуть не убил меня. Говорил, что из-за меня погиб Андре, что я во всем виновата... Правильно, я заслужила... — Она захлебнулась слезами и издала какой-то странный звук, напоминающий собачий вой. — Я потеряла ребенка.

Она опять посмотрела на него, а он положил руку ей на плечо и притянул к себе, чтобы она могла поплакать ему в плечо. Она прижалась к его груди, а он принялся безотчетно гладить ее по голове.

— Боже мой!.. — Только тут смысл ее последних слов дошел до него. — Вы были беременны...

— На шестом месяце... Девочка... Умерла в тот же день, что и Андре.

Мариэлла долго молча плакала, а Джон Тейлор поддерживал ее.

— Я так вам сочувствую... С вами столько случилось... Вам пришлось много перестрадать. И я опять заставил вас все это пережить...

Что ж, у него не было выбора. Ему обязательно нужно было знать то, что она скрывала. Он видел по ее глазам, что она пережила трагедию, но он предположить не мог, что все было так ужасно.

— Со мной все в порядке, — тихо произнесла она. В каком-то смысле так оно и было. А в чем-то совсем даже не в порядке. Она вдруг вспомнила, что с ней не было Тедди. Это уже слишком много для нее. И поэтому Джон Тейлор теперь просто обязан найти его.

— Мне было потом очень плохо. И очень долго.

Наверное, это можно назвать нервным срывом или еще как-нибудь. Мне кажется, Чарльз тоже был не в себе. В тот вечер его пришлось оттащить от меня. Потом мне сказали, что во время похорон он совершенно сорвался. Не знаю, мне не разрешили пойти. Меня положили в частную клинику в Вилларе, и я пролежала там двадцать шесть месяцев. Лечение оплатил Чарльз, но я его не видела. Наконец, перед тем как выписывать меня, его пустили ко мне. Он просил меня вернуться, но я уже не могла. Мы оба с ним думали, что это я убила нашего сына. Даже, может быть, обоих наших детей. Я ведь не только не усмотрела за Андре, но еще и прыгнула в воду, и от этого погиб второй ребенок.

— Да что же вы могли сделать? Неужели позволить Андре утонуть?

— Нет, я все правильно сделала, но прошло два года, прежде чем я пришла к такому выводу. А потом еще шесть лет надо было жить с этим. Я думаю, — она опять расплакалась, — я решила, что Тедди потому родился, что бог решил простить меня. Когда я никак не могла забеременеть от Малкольма, я все время думала, что он наказывает меня.

— Ерунда. Вы и так уже наказаны. Вы ничего не сделали плохого, чтобы заслужить такое наказание.

Она печально улыбнулась человеку, с которым только что поделила тайну своей жизни.

— Все эти годы я тоже старалась себя в этом убедить.

Он еще раз дотронулся до ее ладони, потом подлил ей чуть-чуть бренди в чай. Ему было трудно поверить, что она ничего не рассказала Малкольму. Как же тяжело было ей нести это невыносимое бремя! Неудивительно, что она страдала от головных болей.

— Теперь расскажите про вашу встречу в церкви, — попросил он, но смысл этой встречи он уже понял.

— В тот день была годовщина... смерти детей. В этот день я всегда

хожу в церковь и ставлю свечи за упокой их душ. И еще за родителей. И вдруг появился Чарльз, как призрак.

Радостной ли была та встреча, подумал про себя Тейлор. Теперь он был полностью на стороне этой женщины, и потому, что она пережила так много горя, и потому, что она нашла в себе силы жить дальше. Она была сильнее и глубже, чем могло показаться с первого взгляда. Теперь ему захотелось получить ответ еще на один вопрос:

— Вы его все еще любите?

— Да. Думаю, что какая-то часть моего сердца, души моей навсегда принадлежит ему. — Она говорила теперь так открыто и искренне, что невозможно было не поверить ей. Тейлор вспомнил шофера, который орал, будто миссис Паттерсон ходит на свидания с «любовником», и его передернуло. А Мариэлла добавила с полной убежденностью:

— Но он принадлежит прошлому. Эта часть моей жизни окончена.

— А он что хотел? Чтобы вы вернулись к нему?

— Не знаю. В соборе Святого Патрика мы говорили недолго, нам обоим было трудно говорить. Он сказал, что я ни в чем не виновата, но я знаю, что он всегда будет обвинять меня. Он обвинял меня в том, что я убила нашего сына. Преступная небрежность. — Мариэлла отвернулась от Тейлора, и он почти заставил ее глотнуть чаю с бренди. — И ведь правда. Я была совсем девчонкой, мне был двадцать один год, и я допустила непростительную ошибку. Я говорила с той женщиной совсем недолго, а Андре тем временем отошел от меня. Я была удивлена, что Чарльз намерен простить меня, я же знаю, что он чувствовал тогда.

— А он действительно намеревался вас простить? Вы абсолютно уверены?

Она посмотрела инспектору прямо в глаза. Вот большой вопрос.

— Не знаю. В пятницу, в соборе, я думала, что да. Я сказала ему, что опять замужем, и он, по-моему, удивился, наверняка ему это не понравилось, но мне показалось, что он принял эту новость. Но на следующий день мы встретили его в парке... Он пришел в бешенство, когда увидел Тедди. Оттого пришел в бешенство, что у меня опять есть ребенок, а у него нет. Он сказал, что я этого недостойна, и я почувствовала, что он мне угрожает, хотя, по-моему, это были пустые угрозы. Он сказал, что способен отобрать у меня ребенка, чтобы заставить меня вернуться.

Наконец-то Джон Тейлор услышал то, что хотел услышать. Теперь он не сомневался, что преступник рано или поздно будет у них в руках. Остается только найти его. Слава богу, Мариэлла почувствовала доверие к нему, Тейлору. Что бы теперь ни случилось, они смогут упрятать бывшего

мужа Мариэллы в тюрьму и забыть о нем. Сочувствуя Мариэлле, ее горю и страданиям, он куда меньше сочувствовал Чарльзу, который избил беременную жену в больнице, и вместо того, чтобы ее утешать, обвинил в детоубийстве. Потом он покинул ее на два года в больнице и так или иначе заставил ее нести тяжкий крест всю жизнь, заставил ее жить с сознанием, что по ее вине погибли оба ребенка. Джон Тейлор рассудил, что этот субъект заслуживает наказания.

— Как вы думаете, он серьезно говорил?

— Не уверена. Просто не знаю. Не могу себе представить, что он может причинить кому-то вред, тем более ребенку. Но с другой стороны, я не знаю, насколько он еще сердится на меня. Поэтому я не могу утаить все это от вас.

Что ж, в конце концов к лучшему, что шофер обвинил свою хозяйку в тайных отношениях с «любовником».

Было уже шесть утра, а расследование не продвинулось дальше. Вот только информация, которую сообщила Мариэлла, обещает многое. Джон Тейлор аккуратно записал фамилию и адрес Чарльза и пообещал, что через пару часов осторожно с ним побеседует. Если Чарльз представит удовлетворительное алиби и Тейлор сможет ему поверить, тогда вопрос о Чарльзе Делони можно будет считать закрытым. А вот в противном случае он должен будет дать этой информации ход. Втайне Тейлор рассчитывал, что ему удастся узнать больше. Скорее всего этот парень — круглый дурак, раз он так открыто угрожал похитить ребенка. Не исключено, что он и украл его. Может быть, чтобы отомстить за смерть собственных детей той, кого он считал виновной, либо просто в безумной надежде вернуть ее. Но ведь он уже пообещал Мариэлле ничего не рассказывать ни представителям прессы, ни ФБР, ни Малкольму. Сначала нужно поговорить с Чарльзом Делони. Так будет лучше для всех. Она это и сама понимает.

Они вышли из кабинета почти в семь часов утра и еще долго простояли в холле, беседуя. На улице еще не рассвело. Он смотрел на нее и думал: как было бы хорошо, если бы он мог пообещать обязательно найти Тедди. Ей это нужно. У него создалось впечатление, что брак Мариэллы с Малкольмом Паттерсоном был всего-навсего сделкой. Вся ее жизнь сосредоточилась в Тедди, а Тедди у нее отняли. Тейлор видел, что мать обожает сына. Насколько Тейлор может судить, она никогда не вернется к Чарльзу, но у нее нет человека, который помог бы ей в этой жизни. Невозможно понять другое: как удалось похитить ребенка в полночь совершенно бесшумно и не оставив никаких следов. Его, одетого в красную пижаму, вынули из постели... А потом он исчез.

Глава 5

Мариэлла бродила по дому как привидение и вспоминала свой долгий разговор с Джоном Тейлором. Сначала она пошла к себе в комнату, но оказалось, что она не может там находиться. Стены давили на нее так, что она не могла дышать. Сама не понимая как, она вышла на лестницу и в прострации прошла в комнату Тедди. Только там ей хотелось находиться, только там ей казалось, что он где-то рядом. Невероятно... Немыслимо... Кто мог это сделать, зачем? Да нет же, ясно, это сделано ради денег. В дом уже провели специальную телефонную линию, повсюду были полицейские. Ждали телефонного звонка или письма насчет выкупа. Вдоль и поперек были изучены все утренние газеты — объявлений, которые могли бы поместить похитители, там не оказалось. Уже применили все обычные в таких случаях методы. Агенты ФБР с минуты на минуту ожидали приезда Малкольма. А Мариэлла чувствовала себя бесполезной. Она могла разве что молиться, чтобы сын ее остался в живых. Она опустила на колени около его кровати, уронила голову и сразу вспомнила, как всего лишь часов десять назад она уложила его здесь, одетого в красную пижаму с расшитым голубым воротником. Эту пижаму сшила для него мисс Гриффин, и Мариэлла боялась теперь, что Тедди замерзнет. А может быть, ему страшно... А вдруг с ним плохо обращаются, а вдруг не покормят вовремя... Невыносимо не знать, где он. Мариэлла стояла на коленях и ловила ртом воздух. Услышав какой-то звук, она быстро обернулась и увидела, что мисс Гриффин безмолвно стоит за ее спиной, бледная, но одетая в аккуратное форменное платье. Впервые за несколько лет она сочувственно посмотрела на Мариэллу. Она понимала, что надо что-то сказать, но, как и Мариэлле, ей было трудно найти точные слова.

— Я... — Губы ее задрожали, она не смогла посмотреть на Мариэллу прямо. На такое горе невозможно смотреть. Слишком страшное горе охватило обеих женщин. — Извините... Я должна была... Должна была услышать... — Слова причиняли ей подлинные мучения, и, не договорив, она разрыдалась. — Я должна была остановить их.

— Но вы же не знали... И их, наверное, было много. — Что и говорить, они, конечно, хорошо подготовились, раз у них был хлороформ, веревки, а возможно, и оружие. — Не вините себя.

Мариэлла поднялась и, не прибавив ни слова, ласково обняла гувернантку. Из ее глаз тоже текли слезы, но она утешала женщину, как

ребенка, хотя мисс Гриффин была старше ее, она пыталась поддержать гувернантку. Но от этого англичанка только острее чувствовала свою вину. Но ведь раньше Мариэлла всегда казалась ей слабой, глупой, снисходительной только к себе. А теперь ей открылось в Мариэлле что-то новое, до сих пор незнакомое, — уверенность, самообладание и даже способность успокоить других.

Долго стояли в детской две женщины, не произнося ни слова, черпали друг у друга силы. Потом Мариэлла спустилась вниз и услышала какую-то возню и крики. Не сразу она осознала, что это репортеры пытаются прорваться в дом сквозь полицейский кордон. И вдруг дверь открылась.

— Он здесь! — закричал кто-то из полицейских. Мариэлла опять сначала не поняла, о ком речь, только взмолилась про себя, чтобы этот человек помог. И тут же увидела Малкольма. Он вернулся, бледный, но держится с достоинством. На нем черное пальто, темный костюм, фетровая шляпа. У него похоронный вид. На середине лестницы они встретились. А она — все еще в халате, все еще босиком. Он сразу обнял ее, задержал в своих объятиях, а потом они вместе поднялись к ней в спальню.

— Мариэлла, да как же это могло случиться? Как им удалось незаметно войти, а потом выбраться? Где был Хейверфорд? А горничные? А мисс Гриффин?

Он говорил таким тоном, как будто бы ей он доверил дом и ребенка, а она не справилась со своими обязанностями. Теперь в его глазах читался упрек, и его взгляд выжигал ей сердце. Она не могла представить ему ни объяснений, ни оправданий. Она и себе не могла объяснить. Самой себе она не позволяла понять, что же все-таки произошло.

— Не знаю... Я тоже ничего не понимаю. Когда мы с тобой говорили, я слышала какой-то звук, но я не думала... Мне же в голову не могло прийти, что в доме есть кто-то чужой. Я думала, прислуга...

Я даже не знала, что Эдит ушла...

Кстати, платье ей вернули, грязное, в пятнах, измазанное губной помадой, пропитавшееся запахом табачного дыма и дешевого виски. Но ей, конечно, было не до платья. Ее интересует только ее ребенок.

— Мне надо было нанять охрану, — сказал Малкольм, с отчаянием глядя на Мариэлла. — Я и не думал... Я-то всегда считал, что очень глупо было так переживать по поводу дела Линдбергов. Ну кто же знал, что ты окажешься права?

Он смотрит на жену, разбитый горем. Его единственная надежда, единственный сын исчез, а с ним исчезло благополучие и счастье. Малкольм внезапно постарел. Казалось, он может не пережить эту беду.

Мариэлла подумала, что она, должно быть, погубила этого человека своей беззаботностью. И тем не менее она ни в чем не виновата... Или... Или все-таки да? Все теперь непонятно, так же, как и много лет назад. Непонятно, кто виноват, почему... Он утонул оттого, что выбежал на лед? А почему она сумела спасти тех двух девочек, а его не спасла? А дочка? Она погибла потому, что Мариэлла пыталась спасти Андре, или же потому, что потом Чарльз разбушевался в больнице? И теперь... Она ли виновата... Или он... Может, кто-то третий? Волосы ее растрепаны, и она выглядит уже совершенно безумной. Она рассеянно провела ладонью по спутавшимся волосам и внезапно осознала, какой видит ее сейчас Малкольм.

— Тебе надо одеться, — устало произнес он, опускаясь в кресло, — там везде полиция, а на улице ждут не дождутся репортеры. Теперь еще несколько дней, если нам понадобится куда-нибудь пойти, придется выбираться через сад. — Теперь он уже более мрачно смотрит на нее. — Если верить полиции, пока выкуп не потребовали. Я позвонил в банк, и там уже подготовили меченые купюры, которые надо будет передать этим негодьям.

Действительно, больше ничего нельзя сделать, но Мариэлле вдруг стало легче оттого, что Малкольм дома. Теперь он главный, он сделает все, что нужно. Он заставит их вернуть Тедди. Она сейчас остро ощущала, что подвела его, поступила так, как он никогда бы не поступил с ней. Он ее никогда не подводил. Ни разу за все годы их брака.

— Прости меня, Малкольм. Я виновата. Не знаю, что сказать...

Малкольм кивнул, не стал говорить, что не винит ее. И Мариэлла поняла по его глазам, что он считает ее виноватой. Он медленно поднялся, подошел к окну и стал смотреть на сад, в котором так часто играл Тедди. Мариэлла вдруг увидела, что он плачет, и ей стало страшно говорить что-либо, дотрагиваться до его боли. Если он упрекнет ее, что она недостаточно внимательно оберегала Тедди, что она ему скажет на это? Она стояла и беспомощно смотрела на него, чувствуя, как знакомые клещи начинают сжимать ей голову с такой силой, что в какой-то момент она чуть не потеряла сознание. Он повернулся, взглянул на нее и понял, что с ней происходит. Она ужасно выглядела, но он не удивился. Ему самому было не лучше.

— Мариэлла, ты побледнела. Голова болит?

— Нет, — солгала она. Ей не хотелось, чтобы другие видели в эти минуты ее слабость, отчаяние, страх. Ей необходимо сейчас быть сильной — ради мужа, ради сына. На нее волной накатила тошнота, и она изо

всех сил постаралась удержаться. — Все нормально. Пойду оденусь.

Давно надо было пойти спать, но Мариэлла знала, что не уснет. И кошмарных снов ей сейчас не перенести.

— Я поговорю с агентами из ФБР, — сказал Малкольм.

Еще в Вашингтоне он связался кое с кем из знакомых, и они пообещали позвонить Эдгару Гуверу. Именно благодаря содействию директора ФБР Малкольму удалось доехать до дома без осложнений и с максимальной скоростью, на какую был способен его «Франклин». Немецкий посол тоже позвонил выразить свое сочувствие и негодование по поводу случившегося.

— Они были ко мне очень добры, — еле слышно прошептала Мариэлла. Она не знала, расскажет ли Тейлор Малкольму про Чарльза. Она была готова перенести даже это, лишь бы только нашли Тедди. Она была согласна на все. Тейлор ведь обещал сохранить все ее признания в тайне только в том случае, если это не коснется интересов мальчика. Мариэлла теперь готова принести в жертву себя, свою жизнь, свой брак — ради Тедди.

Малкольм долго и пристально смотрел на нее и вдруг почувствовал, что он не прав.

— Я не хотел тебя упрекать, Мариэлла, — произнес он. — Я знаю, это не твоя вина. Просто я не понимаю, как такое могло случиться.

Казалось, он вот-вот умрет от горя. Он больше не любил жизнь, как, впрочем, и она. И она-то ничем не может ему помочь.

— Я тоже не понимаю, — тихо сказала она. В соседней комнате она надела серое кашемировое платье, серые чулки и черные туфли из крокодиловой кожи, причесалась, умылась. Единственным ее желанием было справиться с головной болью.

Одевшись, она прошла на кухню, чтобы отдать кухарке распоряжения насчет завтрака для полицейских и агентов ФБР, которые уже много часов работали в доме, но оказалось, что Хейверфорд уже обо всем позаботился. Всем уже отнесли подносы с сэндвичами, фруктами, печеньем и большими кружками дымящегося кофе. Поднявшись опять наверх, Мариэлла обнаружила, что в столовой уже сервирован стол, но никто ни к чему не притронулся, потому что у всех присутствующих было слишком много работы и поесть было просто некогда.

— Я могу что-нибудь сделать? — спросила она у дежурного сержанта, который сменил О'Коннора, уехавшего домой пару часов назад. Вообще ей показалось, что к работе приступила новая смена. Все полицейские еще и еще раз протряхивали весь дом в поисках отпечатков пальцев и были готовы

немедленно действовать, как только придет требование выкупа. Одна она оставалась на ногах с полуночи. Проходя мимо библиотеки, она увидела, что Малкольм оживленно беседует с двумя агентами ФБР. Он быстро поднял на нее глаза и сразу же опустил, и ей показалось, что они говорят о ней. Агенты тоже посмотрели в ее сторону, так что она поспешила отойти от двери. Что они могли о ней сказать? Она не виновата, что Тедди украли... Или все-таки?.. Или они обвиняют ее из-за Чарльза? Так ли это? Что же они говорят Малкольму?

Затем она прошла в холл, и тут до нее донеслись голоса. Кто-то шумно препирался. Вдруг приоткрылась дверь, и в холл ворвались люди, человек шесть. Все они что-то выкрикивали. Защелкали вспышки. Тут же невесть откуда возникли полицейские и решительно вытолкали репортеров обратно за дверь. Только одна маленькая рыжая женщина ускользнула от них и предстала перед Мариэллой. Она была довольно молода, на голове у нее была странного фасона черная шляпа. Вся она выглядела ужасающе нелепо. Она встала напротив Мариэллы, уверенно глядя на нее. Прежде чем Мариэлла успела сообразить, что тут произошло, рыжая журналистка принялась задавать ей вопросы:

— Как вы себя чувствуете, миссис Паттерсон?

С вами все в порядке? У вас есть новости насчет вашего малыша Тедди? Как он себя чувствует? Вы за него боитесь? Как вы считаете, он жив?

И так далее, и тому подобное. А ее все еще слепили отдаленные вспышки фотоаппаратов, и головная боль усиливалась, а с ней и душевная боль. Она попыталась уйти и вдруг услышала властный голос. Чьи-то сильные руки опустились ей на плечи и помогли ей отойти в сторону. Снова появился Джон Тейлор.

— Немедленно уберите эту женщину!

Как по волшебству, рыжая пропала, входная дверь закрылась и страшный шум превратился в отдаленное жужжание. Мариэлла увидела, что Джон Тейлор, поддерживая ее под руку, ведет к креслу. Оказалось, едва он вошел в дом, репортеры пробрались вслед за ним.

— Ух сволочи! Теперь придется входить через кухню.

Он сочувственно смотрел на нее. У него усталое лицо. Но сама Мариэлла выглядит еще хуже. Тейлор подал ей стакан воды и сделал какой-то знак одному из своих людей. Мариэлла сделала глоток, попыталась улыбнуться, но не смогла совладать со слезами. Слишком болит голова, Малкольм зол на нее, страшно за Тедди, и вымотана она до крайности. И еще эта рыжая со своими жуткими вопросами. Жив ли он? Что, если его

убили? Конечно, она боится. Она отчаянно боится. А Малкольм сегодня выглядит таким разбитым и злым. Она смущенно взглянула на Джона Тейлора — ей было неловко, что она потеряла самообладание.

— Извините.

— За что? За то, что вы человек? Меня самого тошнит от этих подонков. — Он значительно посмотрел на нее, и она поняла: он только что ездил к Чарльзу Делони. Понизив голос, он спросил:

— Где нам можно поговорить без помех? Может, в библиотеке?

— Нет, — возразила она, — там муж, он говорит с двумя вашими. — Подумав, она сказала:

— Я знаю, где поговорить.

Она провела Тейлора в маленькую «музыкальную комнату», которой никогда не пользовались.

Там хранились старые книги, музыкальные инструменты и кое-какие папки Малкольма. Случалось, в этой комнате работала Бригитта. Там имелся письменный стол, два стула, маленькая козетка. Тейлор усадил на нее Мариэллу, пододвинул поближе один из стульев и сел, молча глядя на нее. Они знакомы только со вчерашней ночи, но он очень хотел верить каждому ее слову. Он даже готов рискнуть своей профессиональной репутацией. Ему еще не доводилось встречать ни одного подобного человека. Она казалась ему героиней романа или персонажем из сна, так много в ней внутренней силы. Она настолько идеальна, что живые люди не могут быть такими. Во всяком случае, те, кого он знал до сих пор. И в то же время она остается дьявольски привлекательной женщиной. А достались ей в жизни только грубые сделки, Она достойна большего, чем двое мужчин, встретившихся ей. Делони показался ему избалованным богатым сыном, неумеренно пьющим, самовлюбленным, запутавшимся в своих политических теориях. И при этом он еще позволяет себе скулить по поводу несчастья, приключившегося с ним почти десять лет назад. Отказ Мариэллы вернуться к нему добил его. Тейлор почувствовал, что Делони может потерять голову, прийти в бешенство. Тогда он, возможно, станет опасен. Он был способен пойти на такое дело из мести. Малкольм тоже не понравился Тейлору. Джон знал его только по газетам, а сегодня он показался холодным и напыщенным.

— Что-нибудь не так? — спросила Мариэлла. Да что ж тут спрашивать, разве сегодня вообще что-нибудь может быть «так»?

— Вы ничего не слышали?

Она посмотрела на него большими, расширенными от испуга глазами, но он быстро покачал головой, и она немного успокоилась.

— Насчет Тедди — ничего.

Он знал, что ночью она доверила ему тайну всей своей жизни. Теперь необходимо хоть как-то защитить ее. Она много выстрадала, доверилась ему, и он не хотел отплатить ей предательством. Но он не мог подвергать опасности и жизнь ребенка, поэтому он не знал, как ему следует поступить.

— Я пробыл у Чарльза Делони три часа. Мариэлла смотрела на него, как бы не вполне понимая, что он имеет в виду.

— Вы ему говорили, что я все вам рассказала?

— Да. Он винит себя за то, что после того, что случилось, совершенно сошел с ума и вел себя неподобающим образом. Еще он говорит, что, когда он встретил вас и Тедди в парке, у него еще не выветрился хмель, так как накануне он как следует напился. Так что он точно не помнит, что именно он вам говорил, но готов признать, что кое-чего говорить не следовало. Но он настаивает на том, что не замышлял никакого преступления против вас и никогда бы не смог причинить вреда Тедди.

— Вы ему верите?

Мариэлла испытующе посмотрела Тейлору в глаза. Ей хотелось знать правду. Ей нужно знать, что этот человек говорит ей правду. Она доверяет ему. Она чувствует его честность, понимает, что он не предаст ее. Она помнит, как ночью он держал ее за руку, а потом обнимал, когда она плакала, рассказывая об Андре.

Он выдержал ее взгляд, тряхнул головой, откинулся на спинку стула и ответил:

— Не знаю наверняка. Скорее нет. Я полагаю, что он ребенку действительно ничего не сделал, он не такой, как те, кто похитил ребенка у Линдбергов. Но, по-моему, он испорченный человек, до мозга костей испорченный. Думаю, что он способен почти на все, лишь бы достичь желаемого — на угрозы, насилие, может быть, даже хуже. Может быть, он украл Тедди, чтобы стать вам ближе. Может быть, по его понятиям это нормальный способ. Не могу сказать. Не знаю даже, что я вообще думаю по этому поводу. Только могу вам сказать, что вряд ли я ему верю. Когда я слушал его, меня не примирили с ним его объяснения, что он был пьян и только потому угрожал вам.

Глаза у него бешено горели, черные волосы были всклокочены, он был небрит, и от него пахло перегаром. Он похож на развратника, у которого не задалась жизнь, и теперь, возможно, он на многое мог пойти во имя своеобразно понятой справедливости. После всех несчастий он отправился на войну, которая ему не нужна. Воевал Чарльз Делони просто ради интереса и потребности в острых ощущениях. По крайней мере так

объяснял себе его характер Джон Тейлор. А он не понимал таких людей, которые, не разбираясь по большому счету в политике, могли ввязаться в черт знает какую войну, могли находить удовольствие в корриде или были способны зверски избить беременную жену в день смерти сына. Сейчас он понимал, бог весть почему, только Мариэллу. Только о ней заботился, ей одной хотел помочь.

— Он беспокоит меня. Мне бы хотелось, чтобы вы знали. Это означает, что мы будем следить за ним. Кроме того, я еще побываю у него и обыщу дом. И еще должен вас предупредить, что я не смогу сохранить вашу тайну. Может быть, вы захотите поговорить с вашим супругом прежде, чем эта информация дойдет до него другим путем.

Она кивнула, как бы благодаря его за совет. Он действительно оказался достойным человеком, как она и думала. Мариэлла попыталась улыбнуться ему и не смогла — так нестерпимо болела голова. Он заметил, что лицо ее искривилось от боли, и спросил:

— С вами все в порядке?

— Все хорошо. — Она произнесла именно те слова, которые полагается произносить при подобных обстоятельствах, хотя эти слова сейчас не имели никакого смысла.

— На вашем месте я бы постарался уснуть хоть ненадолго. Иначе вы свалитесь как раз тогда, когда понадобится именно ваша помощь.

Она кивнула, хотя и не понимала, как она теперь будет спать. Не сможет, пока Тедди не вернется. Да как же ей жить без него? Теперь невозможно к нему прикоснуться. Неизвестно, где он, в безопасности ли, заботятся ли о нем... Теперь нельзя зарыться лицом в его волосы... Перед ее глазами стояли его пухленькие ручки, которые обвивали ее шею. Он обнимал ее и при этом всегда говорил, что ужасно любит ее. И как ей дожить до того дня, когда его найдут? Когда она задумалась обо всем этом, у нее потемнело в глазах, но тут она почувствовала, как сильная мужская рука сжала ее запястье.

— Держитесь, миссис Паттерсон. Мы его обязательно найдем.

Она согласно кивнула и поднялась. Ей-то еще предстояло трудное объяснение с Малкольмом.

— Вы скажете что-нибудь мужу про Чарльза? — Вопрос важный, но в ее голосе не прозвучало особого беспокойства. Если нужно рассказать Малкольму, она расскажет. Не так это трудно. Сейчас нельзя что-либо скрывать. Тедди в опасности.

— Я скажу ему, что вероятным подозреваемым является Чарльз Делони. На самом деле я не уверен, что это именно он. Но могу сказать вам

откровенно: мне он не понравился. Меня насторожили его угрозы. Мне не понравилась его реакция по поводу того, что у вас есть ребенок, а у него, видите ли, нет. Мне показалось, что по-своему он вас все еще любит. Он сказал, что хочет, чтобы вы вернулись. И он считает, что это достаточная причина, чтобы вы, сломя голову кинулись к нему.

Тейлор не стал передавать Мариэлле мнение Чарльза относительно ее брака с Малкольмом. Чарльз заявил, что этот брак — сплошной обман и притворство, весь Нью-Йорк знает, что у Малкольма есть другая женщина, в обществе говорят, что Мариэлла ведет в доме мужа монашеский образ жизни, а Малкольм плевать на нее хотел. Чарльз Делони явно считал, что всего этого достаточно, чтобы Мариэлла ушла от Малкольма. А еще он сказал, что, по его мнению, Мариэлла не любит Малкольма, замуж за него вышла по ошибке, только потому, что рядом с ней никого в ту пору не оказалось, а она только что вышла из клиники неврозов и была попросту ошарашена обступившей ее реальной жизнью. Чарльз полагал, что Мариэлле нужен был тогда отец, а не муж. Но, глядя на перекошенное лицо Делони, на его бешеные глаза, легко можно себе представить, почему Мариэлла стала искать защиты. Тейлор мог понять, что потянуло Мариэллу к Малкольму Паттерсону, но он понимал и то, что восемнадцатилетняя девочка могла без памяти влюбиться в Делони. Он красивый, сильный мужчина, отчасти дикарь, отчасти романтик, но мужчины этого типа опасны. Они способны бог знает на что... Например, избить жену... или обвинять ее невесту в чем, угрожать... Но способен ли такой человек похитить ребенка?! Ответа на этот вопрос у Тейлора нет. Ясно только одно: если это сделал Делони, то не из-за денег. Возможно, поэтому и требования о выкупе не было. Он нанял людей, чтобы они выкрали ребенка и спрятали. А если ребенок находится в его власти, как Делони с ним поступит?

— Скажите, вы в самом деле думаете, что он мог это сделать? Чарльз... — Мариэлла встревоженно и внимательно смотрела на Тейлора.

Поверить в это действительно трудно. Дикий, необузданный, но не настолько... Она не верит, что это он украл Тедди. Неужели Чарльз настолько ее ненавидит? Невозможно вообразить...

— Не знаю, — честно ответил Тейлор. — Ох, если б я знал...

Она кивнула ему, и они прошли в переднюю. Там стоял Малкольм, справа и слева от него — агенты ФБР. Она представила Малкольма Джону Тейлору.

— Я ждал вас, — пробормотал Малкольм. Тейлор, очевидно, не произвел на него впечатления.

— Я уезжал, необходимо было допросить некоторых людей, которые

могут иметь отношение к делу.

Тейлор больше не смотрел на Мариэллу. Он смотрел на Малкольма и думал, что в чем-то не может не согласиться с Чарльзом Делони. Малкольм смотрит на Мариэллу без всякого сострадания, холодно и осуждающе. В его глазах отражается лишь собственная напыщенность и, конечно, тревога за сына. Он не стал просить Тейлора о помощи, он потребовал, чтобы мальчика нашли.

— Мы готовы действовать, как только узнаем условия похитителей, — ответил Джон Тейлор, стремясь выразить уважение, которого на самом деле не чувствовал. В общем-то он уже решил для себя, что Малкольм ему несимпатичен.

— Я тоже начал действовать, — сообщил ему Малкольм. — В министерстве финансов уже подготовили для нас меченые банкноты в случае, если они потребуют выкуп.

— Передавать деньги надо будет с максимальной осторожностью, — заметил Тейлор. Он помнил, каким несчастьем обернулось дело Линдбергов, и не хотел, чтобы и сейчас что-нибудь сорвалось. — Если у вас найдется время, я хотел бы потом с вами побеседовать.

Джону хотелось выяснить, правда ли то, что он подозревал или, скорее, чего боялся. Он предпочел бы поговорить с Малкольмом с глазу на глаз, как с Мариэллой, и в то же время он должен был дать Мариэлле время рассказать мужу про Чарльза Делони.

— Давайте поговорим сейчас, — нахмурился Малкольм. Он сумел поспать в машине по дороге из Вашингтона и сейчас был в лучшей форме, чем Тейлор и Мариэлла.

— К сожалению, мне сейчас нужно еще кое-чем заняться.

Если даже не найдется более важного занятия, решил Тейлор, он может поехать к себе в рабочий кабинет, побриться, принять душ, выпить кофе и в спокойной обстановке еще раз обдумать план действий. Откровенно говоря, им пока совершенно не за что ухватиться. У них был только Чарльз да еще заявление водителя Малкольма о том, что несколько недель назад некто позвонил ему и предложил сто долларов, если он уйдет из дома именно в этот вечер и уведет с собой Эдит. Патрик решил, что это чья-то глупая шутка, так как он давным-давно собирался с Эдит на танцы в Ирландский клуб, но неделю назад он нашел у задней двери конверт с сотней долларов. Деньги он давно истратил, конверт выбросил и даже не вспоминал об этом происшествии. Шофер сказал, что голос по телефону был незнакомый, говорили с легким акцентом, то ли британским, то ли немецким, определить трудно. Но эта информация сама по себе тоже

ничего не дает. Если Делони и решился украсть ребенка, он не стал бы делать это сам. Неделю назад он еще не видел Мариэллу, не знал, что у нее есть сын... А может, знал? Может быть, все прошло по тщательно разработанному плану? Может быть, он недели, месяцы следил за ней? Может, он еще в Европе был в курсе всех событий ее жизни? И много лет вынашивал план мести? Едва ли. Да и проверять эту версию пока рано. Но почему же этот телефонный звонок не насторожил шофера? Он мог бы подумать, что готовится ограбление либо покушение на Мариэллу или Малкольма. Впрочем, Джон Тейлор не сомневался, что Патрику было наплевать надела хозяев.

Малкольму не понравилось, что Тейлор не изъявил желания поговорить немедленно, поэтому он еще раз упомянул про поездку в Вашингтон, чтобы агент ФБР наконец понял, с кем имеет дело. Малкольм явно хотел сказать: действуйте как следует, то бишь, как я вам велю, не медлите, иначе пожалеете. Вот только Тейлор был не тот человек, на кого подобный нажим мог подействовать. И он не собирался плясать под дудку Малкольма.

— Не смогли бы вы уделить мне время во второй половине дня, сэр. Скажем, часа в четыре вас устроит?

— Договорились. Я полагаю, ваши люди знают, как с вами связаться, если похититель объявится до четырех? — В его голосе звучал укор за то, что у Тейлора нашлись какие-то более срочные дела, чем беседа с ним.

— Естественно.

— Прекрасно. Кстати, вы не могли бы что-нибудь сделать с этим сбродом возле дверей?

— Увы, не могу. Они все считают, что Первая поправка^[5] дает им право находиться здесь. Мы сможем разве только удалить их от дома. Мои ребята этим займутся.

— Ну что ж, хотя бы это... — холодно произнес Малкольм, даже не поблагодарив Тейлора.

Тейлор вышел из комнаты, а Малкольм посмотрел на Мариэллу и проворчал:

— Не нравится он мне.

— Нет, он хороший человек. Он был очень добр с самого начала. — Мариэлла не стала вдаваться в детали.

— Надеюсь, Мариэлла, ты понимаешь, что мне от него нужно только одно — чтобы он нашел нашего сына.

Конечно же, она понимает. Она только не может понять, почему Малкольм с ней так суров. Конечно, он страшно расстроен, но он почему-

то полагает, что несчастье произошло по ее вине. Или ей так только кажется, и она сама берет всю вину на себя, как в случае с Андре и с девочкой? Может быть, всегда все неприятности происходят по ее вине? И во всем, может быть, виноваты ее непрекращающиеся головные боли и та беспомощность, которая каждый раз охватывает ее, когда случается что-то из ряда вон выходящее, оттого она и не в силах ничего изменить. Но сейчас она не может позволить себе опустить руки. Ей нужно быть сильной. И еще она помнит, что до приезда Джона Тейлора она должна рассказать Малкольму...

— Ты не мог бы подняться со мной наверх? — спросила она дрожащим голосом. Он посмотрел на нее как-то странно, словно она опередила его, и он был удивлен. — Мне надо с тобой поговорить.

— Сейчас не время, — отрезал он. Ему нужно было позвонить немецкому послу. Малкольм был очень польщен, что такая важная персона проявила внимание к его несчастью.

— Именно сейчас, Малкольм. Это очень важно.

— Неужели нельзя подождать?

По выражению ее лица он уже понял, что нельзя. Такой ее настойчивости он совершенно не ожидал. В нынешних тяжелейших обстоятельствах она держалась просто поразительно для женщины, которая всегда производила впечатление слабой, готовой спасовать перед малейшим житейским затруднением. Конечно, она устала, осунулась, но вела себя вполне спокойно, разумно и достаточно хорошо контролировала себя. Выдавали ее только дрожащие руки, что он сразу заметил. Он не видел, какая жуткая сцена произошла утром в детской, когда она сжимала в руках плюшевого медвежонка и горько плакала навзрыд, не в силах остановиться. При одной мысли о сыне спазмы сжимали ей горло. Но ей удалось справиться с собой, потому что она знала, если не возьмет себя в руки, ужас раздавит ее.

— Малкольм, давай поднимемся наверх, — настойчиво повторила Мариэлла.

— Хорошо, хорошо. Сейчас приду.

Она решила дожидаться его у себя в комнате. Ожидая его, Мариэлла расхаживала по комнате взад и вперед. Она не знала, с чего начать, страшно жалела, что не рассказала мужу всего еще до свадьбы, но тогда он слушать не захотел, потому придется рассказывать сейчас.

Он пришел через полчаса, когда она уже собиралась идти за ним вниз. И вот он здесь, сел на стул, сразу заполнив собой комнату, и сказал с видимым раздражением:

— Ладно, Мариэлла, не знаю, что ты хочешь мне сказать, надеюсь только, что это действительно важно и имеет отношение к Тедди.

— Может быть. Хотя я очень надеюсь, что не имеет, — тихо проговорила она, садясь на диванчик напротив него. Странно, до чего же далека она от него, какие чужие они друг другу, даже когда их обоих должно сближать горе. Выходит, ей будет сейчас еще тяжелее. — Это имеет отношение ко мне. По-моему, тебе нужно это знать. Несколько лет назад, когда ты захотел жениться на мне, я сказала тебе, что кое-что в моем прошлом может тебе не понравиться. А ты возразил тогда, что у каждого человека есть прошлое и это не имеет значения. Ты решил, что прошлое лучше не ворошить, а мне теперь кажется, что на мне лежит вина.

Мариэлла глубоко вздохнула. Ей опять не хватало воздуха. Не только говорить, даже дышать трудно. Но говорить надо. На этот раз он будет слушать.

— Ты помнишь? — спросила она, и его глаза потеплели на одно мгновение. Может быть, это от горя, подумала Мариэлла. Может быть, он настолько потрясен исчезновением Тедди, что просто не в состоянии успокаивать ее. Они с Чарльзом девять лет назад тоже не могли утешить друг друга. Бывают, наверное, моменты, когда боль слишком велика, и ее возможно перенести только в одиночку. Кто знает, может, сейчас именно такой момент, и дело совсем не в том, что он обвиняет ее. Но надо продолжать.

— Помню, — ответил он наконец. — Но при чем здесь это? При чем тут Тедди?

На его лице опять появилось гневное выражение, и Мариэлла заставила себя не заметить его.

— Не знаю. Ничего я не знаю наверняка. Но то, что знаю, я обязана тебе рассказать. — Она перевела дух и снова заговорила, не догадываясь, как она красива. — Мой отец говорил всем своим друзьям, что, когда мне было восемнадцать лет, мы ездили в Европу, и там у меня был бурный роман. Потом он сказал всем, что я решила поучиться в Париже и пожить там некоторое время. Это правда, но далеко не вся. У меня был не просто роман. Я сбежала из дому с Чарльзом Делони. Ты должен знать его отца.

Малкольм кивнул. Старика Делони он знал, может быть, лучше, чем ее, Мариэлле, собственную жену. Черствый старик, умный и очень богатый. Но Делони-сына он ни разу не видел. Говорили, что ничего путного из этого парня не вышло и в конце концов он сделался писателем. Еще когда ему было лет четырнадцать или пятнадцать, он удрал на войну, а потом так и остался в Европе. Старик Делони всегда говорил, что сын его конченный

человек, поэтому теперь Малкольм был чрезвычайно удивлен признаниями Мариэллы.

— Когда мне исполнилось восемнадцать лет, я вышла за него замуж. После медового месяца мы вернулись в Париж, и мои родители хотели аннулировать брак. Но я была уже беременна. Тогда они уехали в Штаты, а я осталась. Брак не расторгли. Родился мальчик...

Говоря это, она уже глотала слезы. После стольких лет рассказать эту историю дважды за одни сутки было выше ее сил. Но рассказать надо. Все теперь по-другому, потому что Тедди украли.

— Его звали Андре... — При этом имени Мариэлла всхлипнула. — Он в общем был похож на Тедди, только волосы у него черные, а у Тедди светлые, как у тебя.

Она попыталась улыбнуться, но лицо Малкольма осталось непроницаемым. Судя по всему, сравнение не умилило его. Если она хочет что-то объяснить Малкольму, нужно держаться фактов. Ему не надо знать, как она любила Андре, как отчаянно обожала Чарльза и что испытала, когда умер Андре. Ему надо просто рассказать, как случилось, что Андре погиб. Итак, они потеряли Андре, а после этого Чарльз увидел Тедди и сошел с ума. Она должна рассказать ему сама, чтобы он не подумал, что она будет выгораживать Чарльза. Сейчас она сделает все, лишь бы защитить Тедди. И ради того, чтобы его нашли, Малкольму придется выслушать все.

— Он умер в Швейцарии... Ему было два года. Я тогда была снова беременна, и тот ребенок тоже умер.

Малкольму все-таки сделалось не по себе.

— Так как же они умерли?

— Андре утонул. — Мариэлла прикрыла глаза, чтобы сохранить самообладание, но Малкольм Паттерсон, в отличие от Джона Тейлора, не проникся сочувствием к ее горю. — Выбежал на замерзшее озеро... Прямо на лед... И провалился... Он и еще две девочки... Но девочек я спасла.

Голос Мариэллы звучал ровно, почти бесстрастно. Она старалась не смотреть на мужа, ей не хотелось ощущать его, холодного, как лед, рядом. От него пахло так же, как от Тедди... А если Тедди тоже уже нет на свете? Как ей жить тогда? Но Малкольм смотрел на нее, вынуждая продолжать.

— А его я не смогла вытащить, он оказался подо льдом. — Эти слова она произнесла совсем беззвучным шепотом, но потом голос ее опять окреп. Ей показалось, что эта исповедь похожа на крутой подъем в гору: воздух все разреженнее, и подниматься все тяжелее. — Чарльз с самого начала решил, что я в ответе за смерть Андре. Он думал, что я виновата,

потому что не уследила за ребенком. Так оно и было, я сначала глаз не спускала с сына, а потом заговорила с матерью девочек. Потом она винила во всем себя, но я-то знаю, что она не виновата. И Чарльз так думал. Он в тот день ездил кататься на лыжах, а когда вернулся и узнал, что случилось, то готов был меня убить... А может, он просто потерял голову от горя и... В общем, я потеряла и второго ребенка. А может, это от ледяной воды. Я хотела вытащить Андре и прыгнула в воду.

— Малкольм, пораженный, замороженно смотрел на нее. — Чарльз всегда считал, что я убила обоих, что из-за меня погибли наши дети. У меня... — Голос Мариэллы вдруг задрожал, она запнулась, опустила голову, потом опять посмотрела на Малкольма. На ее лице снова появилось выражение ужаса, какое он никогда не видел раньше. — У меня было, наверное, нервное потрясение. Меня положили в больницу... в санаторий... больше чем на два года. Когда это случилось, мне шел двадцать второй год, и я несколько раз пыталась убить себя.

— Мариэлла решила рассказать все, без утайки. Теперь он имеет право знать. — Я не хотела жить без Чарльза и без детей. Я сделала все, что в моих силах, чтобы умереть, но врачи сделали все, чтобы меня спасти. Чарльза я за это время ни разу не видела... Точнее, в первый год он один раз приехал, чтобы сказать мне, что умер мой отец. Это было через несколько месяцев после гибели Андре. Говорили, что он совершенно разорился и умер от удара. Наверное, так оно и было. Мне не сказали, что через полгода моя мать покончила с собой. Она не могла жить без меня, без папы... — Мариэлла не договорила, но Малкольм понял. — Они не говорили мне целый год, пока мне не стало лучше. Потом они сказали, что выписывают меня и мне надо возвращаться в мир и жить. Смирившись с тем, что случилось. Моей вины в этом нет, а если Чарльз думает иначе, значит, он сам что-то для себя придумал и убедил себя. — Она опять перевела дух. Теперь она казалась спокойнее. Она выглянула в окно, но если бы ее спросили, что она там увидела, она не смогла бы ответить. — Незадолго до моего отъезда он пришел ко мне, долго просил прощения, говорил, что был тогда вне себя от горя и боли, что я не виновата, он совсем не хотел меня обвинять. Но по его глазам я видела, что он до сих пор думает, что это я убила его детей. И я все еще любила его. — Она посмотрела Малкольму в глаза. — Да, я его любила, но если бы я осталась с ним, я бы всю жизнь чувствовала себя виноватой. Случившееся навсегда осталось бы между нами. Я не могла остаться с ним. Я должна была побыть одна. Поэтому после больницы я уехала в Штаты и увиделась с ним в последний раз. А потом я встретила тебя, — вздохнула Мариэлла, — и ты

был очень добр ко мне. Ты дал мне работу, вообще очень много для меня сделал. Ты позаботился обо мне тогда и все время был ко мне так внимателен... Мы поженились. Честно говоря, я не хотела выходить замуж во второй раз. Я считала, что это было бы нечестно по отношению к моему будущему мужу. Слишком многое было на моей совести... Но ты был уверен и спокоен... и... — Она вдруг почувствовала, что очень виновата и перед Малкольмом. — У меня никого не было... И временами мне бывало очень страшно. А с тобой я почувствовала себя в безопасности. Я подумала, что тоже смогу сделать тебе что-нибудь хорошее... Может быть, сделаю тебя счастливым... — Она опустила глаза, и слезы потекли по щекам, потому что снова она вспомнила о рождении Тедди. — Я-то была счастлива, когда Тедди родился.

— Я тоже. — Его голос прозвучал глухо. — Только для него я и жил. Мариэлла, я всегда понимал, что в твоём прошлом есть какая-то тайна. Но я никогда не думал, что такая отвратительная.

Когда он произнес эти слова, Мариэлла сжалась, как от удара, но нашла в себе силы кивнуть.

— Я знаю, что это отвратительно. Я думала, что ты должен знать все, прежде чем жениться на мне, но ты тогда ничего не хотел слушать. — Он не стал спорить. — Вернувшись в Штаты, я ни разу не видела Чарльза. И в первый раз встретила его в прошлую пятницу в соборе Святого Патрика, совершенно случайно. Я пришла туда, чтобы поставить свечку за своих детей и за родителей. В прошлую пятницу была годовщина смерти наших детей (она с трудом заставила себя произнести эти слова), и Чарльз пришел туда же. Он сказал, что прилетел в Нью-Йорк навестить отца.

— Что он еще сказал? — Нельзя сказать, чтобы Малкольм остался полностью равнодушен к ее рассказу.

— Он хотел опять увидеться со мной, но я сказала, что не хочу этого.

— Почему?

Малкольм решил испытать ее, и Мариэлла поняла это.

— Потому что я люблю тебя, потому что мой муж — ты. И потому что у меня есть Тедди.

— Он был недоволен?

Казалось, в глазах Малкольма зажглась надежда.

— Нет, в тот раз все обошлось. Мы оба были слишком подавлены. Этот день наступает, и все возвращается снова.

— Он звонил тебе потом?

— Нет. На следующий день я пошла с Тедди в Центральный парк к пруду, и там мы опять встретили его. Думаю, что он пил всю ночь, и хмель

у него еще не выветрился. Глаза у него горели, он прямо вышел из себя, когда понял, что Тедди — наш с тобой ребенок. Мальчик... Вот тогда он рассвирепел.

Она признала это. Вот что было главным в ее рассказе.

— Что он сказал? Как реагировал Тедди? Малкольм пришел в ужас.

— Нет, Чарльз ничего плохого не сделал. Я думаю, что он на плохое не способен, да я бы ему и не позволила. — Мариэлла опять начала задыхаться. — Но он просто взбесился. По-моему, он угрожал мне. Говорил, что я недостойна такого счастья. И потом, — она набрала полную грудь воздуха и наконец решилась:

— Потом понес всякую чепуху насчет того, что украдет Тедди, чтобы заставить меня вернуться. Малкольм, честное слово, он не способен на это. Тем не менее я считаю, что ты должен знать все. Полицейские спрашивали, не угрожал ли мне кто-нибудь, и, чтобы помочь им разыскать Тедди, я все им рассказала.

Малкольм удивился, что она не стала защищать Чарльза Делони любой ценой, хотя по глазам жены он видел, что Чарльз все еще небезразличен ей.

— Так что ты рассказала полиции? Все?

— Да.

Мариэлла опустила голову. Во всяком случае, теперь ей нечего стыдиться.

— Ну, тогда забавная получилась история. Читателям газет не будет скучно.

— Мистер Тейлор мне обещал, что он приложит все усилия, чтобы все это не попало в газеты. И он уже разговаривал с Чарльзом.

— У меня такое впечатление, что он держит тебя в курсе расследования.

У Мариэллы не сразу нашелся ответ.

— Я хотела, чтобы ты все узнал от меня самой.

Теперь ты имеешь право знать.

Он кивнул, поднялся, озабоченно посмотрел на нее, и ей показалось, что он рассердился.

— Мариэлла, они наверняка решат, что твои контакты с Чарльзом поставили ребенка под удар.

Об этом ты не подумала?

Значит, опять она виновата? Почему ей приходится отвечать за все? Почему ее жизнь, ее беды и горести, ее ошибки каждый раз причиняют горе другим людям?

— Подумала. Но ведь мы с Чарльзом встретились случайно.

— А ты уверена, что случайно? Ты уверена, что Делони не следил за тобой какое-то время, что он не подждал тебя в соборе специально?

— Он был поражен не меньше, чем я. И около пруда тоже. Ведь дом его отца совсем рядом с парком.

— Значит, не надо было туда ходить, — строго сказал Малкольм, явно укоряя ее. — Нельзя было рисковать жизнью моего сына, — не «нашего», а «моего» сына. — Теперь, когда ты мне все рассказала, мне тем более непонятно, с какой стати ты пошла гулять на этот пруд, тем более в такую погоду.

Трудно было придумать более жестокие слова. Много лет она старалась успокоиться настолько, чтобы снова быть в состоянии подойти к воде. Но ведь мальчик стоял на берегу, она не дала ему приблизиться.

— Малкольм, как ты можешь...

Она была по-настоящему поражена, но его это уже не волновало. Он был слишком взволнован и принялся шагать по комнате.

— И что же, ты рассказала мне такое и думаешь, что я могу тебя извинить? Ты связалась с этим гнусным человеком, сама же призналась, что он пытался тебя убить, мог убить даже твоего неродившегося ребенка, и ему ты показала моего сына, опять-таки признаешь, что он грозился украсть его, неважно почему... Мариэлла, чего ты от меня ожидаешь? Кого мне жалеть — твоих детей, которые умерли, или моего сына, которого похитили? Из-за тебя моя жизнь теперь связана с этим человеком, ты буквально подвела его к дверям моего дома, ты пошла с моим сыном туда, где Делони мог его увидеть, ты дразнила этого ненормального, и в конце концов он действительно украл нашего ребенка, и я должен... простить тебя?

В глазах у него показались слезы, в голосе зазвучала ярость. Мариэлла стояла посреди комнаты и молча плакала.

— Мы же не знаем, что это он... — выговорила она, цепляясь за последнюю надежду. Она рассказала ему, и теперь он никогда ее не простит, это совершенно ясно. — Мы же ничего не знаем...

— Лично я знаю, что ты много лет якшалась с такими людьми, которым нельзя доверить моего ребенка... твоего последнего ребенка.

— Малкольм! — Мариэлла покачнулась — она едва держалась на ногах. — Как ты можешь такое говорить?

— Могу, потому что это правда, — заорал он, — потому что Тедди, может быть, уже убит, а если и нет, то убить его могут в любой момент. Может статься, что ты никогда не увидишь своего сына. — Грубый голос и жуткие обвинения, как в кошмарном сне. — И ты должна понять, должна

перед самой собой сознаться, что это ты толкнула Тедди к нему, что это ты вплела Чарльза Делони в нашу жизнь. Именно ты, Мариэлла.

Боль пронзила ее при этих словах, но в то же время Мариэлла не могла ему возразить. Получается так, что опять она одна во всем виновата. Острая боль пронзила ее мозг, и она опустила на стул только для того, чтобы не упасть. Ей послышались голоса из прошлого, всплеск воды под треснувшим льдом... Когда Малкольм вышел из комнаты, она почти потеряла сознание.

Казалось, прошло несколько часов, прежде чем она услышала какой-то звук, открыла глаза и увидела служанку, ту самую, которую ночью связали преступники. Бетти принесла чистое белье. Мистер Паттерсон всех заставил вновь приступить к их прямым обязанностям, стараясь таким образом хоть в какой-то степени вернуть дом к нормальной жизни. Исключение составили только Эдит и Патрик. Они получили расчет, и Тейлор взял с них обязательство не выезжать из города. ФБР весьма заинтересовалось их рассказом.

— Миссис Паттерсон, что с вами?

Бетти сразу бросилась на помощь, потому что, войдя, она обнаружила хозяйку в полуобморочном состоянии, чуть не падающую со стула. Голос Бетти привел Мариэлла в себя. Она огляделась, хотя от тупой боли пелена застилала глаза, и сразу вспомнила, что с ней произошло и что ей наговорил Малкольм. Она во всем виновата... Она привела в их жизнь Чарльза... Чарльз украл Тедди... Да разве он? И зачем? Неужели настолько Чарльз ее ненавидит? Или все ее ненавидят? Разве это справедливо? Вдруг она почувствовала, лучше ей было бы умереть девять лет назад, тогда, провалиться под лед...

— Миссис Паттерсон...

— Все в порядке, — пробормотала Мариэлла, поднимаясь, пытаюсь выпрямиться, поправить на себе платье, пригладить растрепавшиеся волосы. Девушка с испугом смотрела на нее. Мариэлла была бледна как смерть, ее тошнило, ей было трудно устоять на ногах. — Просто мне нехорошо. Голова болит... Не беспокойтесь...

Она медленно прошла в свою спальню, Бетти за ней. Бетти в эту ночь пережила немало, но полицейские успокоили ее, сказав, что ее вины ни в чем нет, она никак не могла помешать преступникам, а если бы она попыталась что-либо сделать, ее, вполне вероятно, могли бы убить. Так что теперь она не чувствовала за собой вины, ей оставалось только благодарить судьбу за то, что она осталась жива. В отличие от Мариэллы. Она-то была в ответе за все и перед всеми вот уже девять лет. Тяжелая ноша выпала на ее

долю.

— Вам что-нибудь принести?

— Нет-нет... Спасибо... Я просто прилягу на минутку.

Едва она прилегла, комната бешено закружилась и Мариэлла почувствовала, что ее вот-вот вырвет. Точно она пьяна, нет, хуже, уж очень больно. Приподняв голову, она спросила:

— Есть какие-нибудь новости?

Бетти только покачала головой и задернула жалюзи на окне. Мариэлла от боли прикрыла глаза, но не заснула. Бетти тихо вышла из комнаты.

По лестнице навстречу ей поднимался Джон Тейлор. Он спросил у Бетти о миссис Паттерсон. Бетти ответила, что у миссис Паттерсон болит голова и она легла отдохнуть.

— Пусть отдыхает, — сказал Тейлор. Ему нужно было узнать только одно: сказала ли Мариэлла Малкольму все, что собиралась, так как он сам намеревался поговорить с Малкольмом Паттерсоном. Но, войдя в библиотеку, он сразу понял: сказала. Еще до того, как Малкольм обратился к нему:

— Моя жена рассказала мне про Чарльза Делони.

Джон решил, что все остальное она тоже рассказала, но Малкольма это, по-видимому, не смягчило.

— Надо вам сказать, страшная история. Как вы считаете, похищение — его рук дело?

— Возможно. Однако нет ни улик, ни доказательств. У него алиби на минувшую ночь, не то чтобы железное, но он за него упорно держится. Мы проверили его показания. Все сходится. Пил в баре на Третьей авеню. До этого сидел с друзьями в ресторане «Двадцать одно». Хотя сам бы он все равно не стал действовать. Я полагаю, если это и он организовал, то нанял кого-то.

Малкольм многое успел обдумать.

— Если он это сделал из мести, тогда выкупа требовать никто не будет, — мрачно сказал он.

— Да, вы правы. Но с момента похищения еще и суток не прошло. До вечера еще многое может случиться.

— Я бы хотел, — повысил голос Малкольм, — чтобы Делони арестовали. Немедленно! Вы меня поняли?

— Да, сэр. Я так и сделаю, — ответил Тейлор. — Но для этого нужны доказательства, а у нас сейчас их нет. Абсолютно никаких доказательств. Мы знаем только то, что он в пьяном виде наговорил каких-то угроз, которые могут вообще ничего не означать.

Малкольм уставился на Тейлора, недовольный таким оборотом.

— В таком случае, мистер Тейлор, мне представляется, что вам следует поискать доказательства. Так?

— То есть вы полагаете, что я должен их сфабриковать? — Тейлор издевался в открытую. Он подозревал, что под маской сильного, влиятельного, умного, любезного человека скрывается совсем иной человек.

— Ничего подобного я не говорил. Я сказал, что вы должны искать доказательства.

— Найду, если они есть.

— Очень хорошо.

Малкольм поднялся, показывая, что разговор окончен. Тейлору было даже приятно убедиться, что он не нравится Малкольму. Он сам удивился этому чувству и даже спросил себя, уж не завидует ли он Малкольму. У этого человека есть все: деньги, власть, жена, за которую Тейлор дал бы отсечь себе правую руку. И что-то подсказывало ему, что менее всего Малкольм дорожил именно женой.

— Господин Паттерсон, я должен задать вам несколько вопросов.

— Да, разумеется.

Малкольм снова сел и принял деловой, отстраненный вид. Он готов на все, лишь бы ему вернули сына.

— Скажите, нет ли у вас врагов? Может быть, кто-нибудь вам угрожал? Я имею в виду, скажем, в нынешнем году? Помните, может быть, было что-то, что показалось вам тогда глупым, не стоящим внимания, но на что можно было взглянуть по-другому в свете этих печальных событий?

— Ничего такого не припоминаю. Я об этом всю ночь думал по пути из Вашингтона, но нет. Нет такого человека, который бы хотел причинить мне вред.

— Может быть, по политическим мотивам? Или кто-нибудь, кого вы уволили?

Малкольм отрицательно покачал головой.

— Знакомые женщины? Все, что вы мне расскажете, останется строго между нами, конечно, насколько это возможно. — То же самое он обещал и Мариэлле. — Возможно, у вас есть важная для нас информация.

— Спасибо, — холодно проговорил Малкольм, — но это бесполезно. У меня нет таких знакомых женщин. — Он уже почти не скрывал раздражения.

— Может быть, вашей бывшей жене не понравилось, что у вас

появился ребенок?

— Вряд ли. Моя первая жена сейчас замужем за пианистом с мировым именем, живет на Палм-Бич. Вторая замужем за президентом банка, они живут в Чикаго. — Помолчав, Малкольм позволил себе слегка выпустить пар. — В этом я не похож на свою супругу. Мои бывшие жены не представляют никакой опасности.

Джон внешне никак не отреагировал на этот выпад. Но в душе ему хотелось заступиться за Мариэллу.

— Возможно, Чарльз Делони тоже не опасен.

— Инспектор, мне все равно, кто похитил моего сына. Я хочу только, чтобы мальчик как можно скорее вернулся домой.

До Рождества оставалось одиннадцать дней.

— Понимаю вас, мистер Паттерсон. Мы тоже этого хотим. И мы сделаем все, что в наших силах, чтобы так оно и случилось.

— Поезжайте и допросите Делони.

Тейлор не терпел, когда гражданские лица отдают ему распоряжения. Но он спокойно поднялся, поклонился и поблагодарил Малкольма за проявленное терпение.

Джон видел, что Малкольм расстроен и измучен, но для своего возраста он производил впечатление здорового и уравновешенного человека.

Прежде чем покинуть дом, он спросил у прислуги про Мариэллу, и ему ответили, что у нее болит голова и она отдыхает.

Она услышала, как внизу, прямо под ее комнатой, захлопнулась входная дверь, и сразу же послышались беспорядочные выкрики журналистов. Чуть позже полиция начала операцию по оттеснению репортеров на более приличное расстояние от дома. Но все эти звуки для Мариэллы слились в однообразный шум. Она лежала в темноте, страдала от головной боли и беззвучно молилась за Тедди.

Глава 6

Вернулся Тейлор на следующий день. Вестей о Тедди не было никаких. Ни звонка, ни записки от похитителей, ни звука о выкупе. Зато дело о похищении оказалось в центре внимания прессы. На первых страницах газет появились старые фотографии Мариэллы и Малкольма. Шофер Патрик дал интервью, в котором прозрачно намекнул, что в деле замешан человек, связанный с Мариэллой. Фотографии Патрика также появились в газетах, и фотографии Эдит в шикарном платье Мариэллы. Их обоих репортеры сняли в ту ночь, когда был похищен Тедди. Оба гордо позировали. Вчерашние вечерние газеты опубликовали фотографии растерянной Мариэллы, напуганной наглым вторжением репортеров в дом. Кому-то удалось снять Мариэллу в ночной рубашке через окно библиотеки. И хотя шофер говорил о каком-то мужчине, прямых упоминаний о Чарльзе Делони в газетах не было.

— Весьма занятное чтение, — едко произнес Малкольм, просматривая газеты во время завтрака. — Правда, осмелюсь заметить, мне не доставляет удовольствия читать в газетах о связях моей жены с другими мужчинами.

Он не видел Мариэллу со вчерашнего дня, после памятного разговора. Сейчас он все еще выглядел подавленным. Мариэлла же сказала, что ей сегодня получше.

— Я тебе рассказала, в чем дело. Казалось, его слова причиняли ей физическую боль.

— Лучше бы ты все это Патрику рассказала. На этот раз Мариэлла была не на шутку оскорблена и едва не потеряла контроль над собой. И как будто новая иглолка вонзилась в мозг.

— Малкольм, лучше бы твои шпионы тебе поточнее доносили.

— Что это значит? — холодно осведомился он.

— То самое. Ты прекрасно знаешь, как относилась ко мне твоя прислуга с самого первого дня, как я появилась здесь.

— Значит, Мариэлла, ты не умеешь быть хозяйкой. Или, может быть, они знали что-нибудь, чего не знал я.

— Да как ты смеешь!..

Она была привязана к нему, верна, преданна. А теперь из-за Чарльза он готов возвести на нее любые обвинения. За эту ночь он сильно переменялся. Это несправедливо. Со слезами на глазах Мариэлла вышла из столовой и на пороге столкнулась с Джоном Тейлором.

— Доброе утро, миссис Паттерсон. По лицу Мариэллы он видел, как ей тяжело. Сам он за это время еще раз встретился с Чарльзом Делони, взял с него обязательство не покидать город, но доказательств по-прежнему не было, и алиби Чарльза выглядело достаточно надежным. Пока же ФБР не удалось выйти на след людей, которых Чарльз мог бы нанять для совершения преступления. Было высказано предположение, что Тедди, возможно, увезли в Нью-Джерси. Чарльз Делони остается главным подозреваемым. Какие-то люди, о которых не было никаких сведений, заплатили в свое время Патрику сто долларов. Вот и вся информация, имеющаяся в распоряжении ФБР. Ни Бетти, ни мисс Гриффин ничего существенного не сообщили. Тейлор заботливо спросил:

— Надеюсь, вам сегодня лучше?

Она кивнула. Да только как ей может быть лучше, если Тедди еще не вернулся домой?

— У вас есть какие-нибудь новости?

— Пока нет. Ищем, ждем. Требование о выкупе обязательно поступит, и тогда мы сможем начать действовать. Сегодня я хочу еще раз поговорить с вашей прислугой. Вдруг кто-нибудь что-то вспомнит.

Она согласно кивнула. Кроме того, Тейлор должен был еще раз поговорить с Малкольмом.

Через некоторое время Мариэлла поднялась в детскую и очень удивилась, увидя там мужа. Малкольм трогательно перебирал игрушки сына, гладил его подушку. Сердце Мариэллы сжалось. Она почувствовала раскаяние за недавнюю ссору. Оба они сейчас в ужасном состоянии. Эта комната разрывает ее сердце на части. Вот здесь Тедди недавно лежал в красной пижаме с расшитым воротником, а она гладила его по щеке. Мисс Гриффин так старалась, вышивая узор на воротнике...

— Господи, невозможно же поверить, что малыш растворился в воздухе, правда? — с отчаянием произнес Малкольм. Мариэлла кивнула. Теперь Малкольм смотрел на нее спокойно и печально и уже не был так язвителен, как за завтраком. В этой комнате можно грустить, но не злиться друг на друга. Малкольм сел на кресло-качалку у кровати и молча, не мигая, смотрел на кроватку сына.

— Извини, я был не прав утром. Я просто издерган. Вчера тоже... Мариэлла, это такой кошмар... Что нам теперь делать?

Мариэлла впервые видела мужа в таком состоянии и почувствовала к нему внезапную жалость.

— Будем молиться, чтобы Тедди поскорее был с нами, — сказала она, сжимая его руку.

Несколько минут спустя в детскую вошел Хейверфорд и сказал Малкольму, что в кабинете его ждет Бригитта. Малкольм не мог не заниматься делами, и Бригитта очень помогала ему и глубоко сочувствовала. Она плакала, когда узнала о похищении, и никак не могла в это поверить.

Малкольм отправился вниз, в кабинет. Мариэлла вышла вслед за ним. Ей хотелось побыть одной у себя в спальне. Наконец-то они с мужем помирились после тяжелого объяснения.

При встрече Мариэлла и Бригитта обменялись несколькими словами, расплакались и обнялись. Несколько минут Бригитта просто стояла рядом с Мариэлкой — она не могла сразу справиться с волнением и пойти к Малкольму, чтобы начать работу. Мариэлла знала, как Бригитта обожала Тедди.

Во второй половине дня Тейлор наконец закончил допрашивать прислугу по второму разу и попросил разрешения побеседовать с Малкольмом. Он не услышал сегодня ничего нового, но было нечто, удивившее его. Рассказывая о миссис Паттерсон, на этот раз они рисовали совершенно иной ее образ. А вчера перед ним была слабая, испуганная, потрясенная горем женщина. Мисс Гриффин сказала, что миссис Паттерсон всегда слишком нервничала и слишком афишировала свою страсть к ребенку. И в то же время бывало, что иногда она даже отказывалась видеть сына, долго привыкала к нему. В первое время она настолько не проявляла к нему интереса, что, казалось, будто она вообще его не любит. Только в самое последнее время она стала чаще проводить с ним время, «если голова не болела».

Эдит в сегодняшнем разговоре назвала свою хозяйку избалованной дамочкой и прибавила, что могла бы отозваться о ней и хуже. Миссис Паттерсон, мол, тратит на наряды столько, что уже десять раз могла бы разорить мужа. Она вечно дремала, отдыхала, никогда не пыталась заниматься домом, впрочем, все равно никто не стал бы ее слушать. Все в этом доме работают у мистера Паттерсона, работали у него задолго до того, как она появилась в доме. Теперь Эдит лишилась работы, но даже в этом она винила Мариэллу, не Малкольма.

Домоправительница почти ничего не смогла сказать. Она заявила, что почти ничего не знает о жизни миссис Паттерсон. Она ясно дала понять, что для нее миссис Паттерсон не представляет никакого интереса. У нее есть один хозяин — мистер Паттерсон.

Бетти снова рассказала о том немногом, что видела и слышала ночью. Хейверфорд жалел Мариэллу, хотя и не объяснил почему, и вообще отвечал

односложно. Патрик, конечно же, продолжал гнуть свою линию насчет «любовника». Тейлор в резкой форме предложил ему поменьше распространяться на эту тему, иначе ему, Патрику, придется подтверждать свои показания под присягой. Кажется, этот аргумент подействовал на шофера.

Итак, выходило, что эту женщину никто не любил, а за что, Тейлор так и не мог понять. У себя дома она жила как нахлебница, и даже те, кто формально обязан был работать на нее, не обращали на нее никакого внимания. У Джона Тейлора сложилось впечатление, что Мариэлла очень одинока в этом доме. Он думал об этом, когда входил в библиотеку, где его ожидал Малкольм. Когда Хейверфорд принес им туда кофе, он решился задать прямой вопрос:

— Скажите, пожалуйста, почему, — Тейлор положил в чашку сахар и принялся размешивать его, — ваши слуги недолголюбивают миссис Паттерсон?

Хейверфорд пристально посмотрел на Тейлора и отвернулся.

— Понимаете, моя жена не сильная личность... Она слабая, всего боится, и слуги, наверное, это чувствуют. И еще... — Малкольм запнулся, подбирая нужное слово, — у нее были душевные травмы, скажем так... И она до сих пор страдает от головной боли...

— Но это же не причина, чтобы ненавидеть ее, — запротестовал Тейлор.

Он убедился, что все они так мало считались с Мариэлкой, словно она вообще не существовала, работали они все исключительно на Малкольма и ни в коем случае не на нее, притом всячески это демонстрировали. Джон Тейлор пытался понять, не Малкольм ли устроил так, чтобы Мариэлла не имела никакой власти в доме. А судя по всему, она не имела ни малейшего влияния ни на прислугу, ни на гувернантку, которая воспитывала ее ребенка, ни тем более на мужа. Мисс Гриффин сама призналась, что никогда не следовала указаниям миссис Паттерсон. Все нужные распоряжения отдавал хозяин. Но на вопрос, почему так происходило, англичанка не дала удовлетворительного ответа, только пролепетала что-то о том, что миссис Паттерсон слабая и сама не знает, чего хочет. Эти объяснения для Тейлора уже не выглядели убедительно. Ему самому она не показалась ничтожеством. Она разумная женщина, деликатная, а если у нее временами болит голова, так это еще не значит, что она полоумная. Сегодня ему показалось, что все они в той или иной степени убеждены, что она слегка не в себе и ее слова немногого стоят. Ему очень хотелось разобраться, кто же их в этом убедил.

— Не думаю, что ее кто-нибудь по-настоящему ненавидит. Ужасное слово, — улыбнулся Малкольм, но в глазах его была грусть. — Бедная девочка много пережила, и сильной ее не назовешь. Вообще трудно предположить, что она оправится от шока. Этот случай может даже стать для нее последней каплей.

— Вы действительно так думаете? — прямо спросил Тейлор. Он чувствовал, что близок к разгадке, но не знает, что именно ему откроется. И еще кое-что ему хочется узнать, но об этом потом. — Я вас правильно понял? Она больна психически?

— Да нет, конечно, — возразил горячо Малкольм, обидевшись за жену. — Я хотел сказать только то, что у нее ранимая психика.

— А разве это не одно и то же? По-моему, вы мне только что сказали, что ее психика может сломаться из-за похищения сына. Разве долгие годы все обитатели этого дома не считали, что у нее, как вы выразились, «ранимая психика»? Вы им об этом сказали или они догадались сами?

— Я говорил им, что со всеми вопросами надо обращаться ко мне и не беспокоить жену, — раздраженно пояснил Малкольм и добавил:

— И я не вижу абсолютно никакой связи между этим фактом и похищением ребенка.

— В некоторых случаях важна общая картина.

— Общая картина состоит в том, что хозяйка дома — молодая женщина, в свое время пережившая страшную трагедию, о которой вы знаете. Сам я узнал об этом совсем недавно. Два года она провела в санатории для душевнобольных, а потом девять лет страдала от воображаемых головных болей, — жестко сказал Малкольм.

Тейлору очень не понравились его слова. Похоже было, что Малкольм стремится принизить Мариэллу как личность, и каким-то образом ему удалось внушить это всем окружающим. Тейлор пришел к выводу, что иной точки зрения придерживается один Хейверфорд.

— Так вы полагаете, что ее головные боли воображаемые?

— Я уверен, что у нее невроз. Вышло так, что Малкольм сказал больше, чем намеревался, и Джон Тейлор начинал его бесить.

— Вы думаете, есть какая-то связь между ее неврозом, Чарльзом Делони и похищением мальчика?

Этот вопрос настолько обескуражил Малкольма, что он несколько секунд не мог собраться с мыслями. Наконец он сказал:

— Об этом я не думал. Хотя, по-моему, это возможно. Может быть, произошло что-нибудь в этом роде. Не знаю. Вы ее не спрашивали?

— Сейчас я спрашиваю вас. Считаете ли вы, что она могла бы

совершить нечто подобное? Считаете ли вы, что она по-прежнему любит Делони?

Тейлор хотел выяснить, считает ли Малкольм виноватой в происшедшем лишь свою жену. Чем дольше он беседовал с Паттерсоном, тем меньше этот человек был симпатичен Тейлору.

— Понятия не имею, инспектор. Вам придется самому это выяснять. Джон Тейлор кивнул:

— Мистер Паттерсон, скажите, каковы ваши отношения с мисс Бригиттой Сандерс?

Этот вопрос он приберегал уже давно, ожидая подходящего момента, чтобы задать его Малкольму. Выражение лица Паттерсона подтвердило, что он на правильном пути.

— Ну знаете ли... — Голос Малкольма задрожал от гнева. — Мисс Сандерс работает у меня секретарем вот уже шесть лет, как вам, я уверен, известно, у меня нет привычки заводить романы с секретаршами.

Такой ответ и был нужен Джону Тейлору.

— Насколько я знаю, на своей предыдущей секретарше вы женились.

Кровь бросилась Малкольму в лицо.

— Мисс Сандерс — очень достойная девушка. Тейлор скрывал торжество под личиной невозмутимости. Но втайне он наслаждался разговором.

— Охотно верю, — сказал он спокойно. — Однако вы немало ездили вдвоем, а однажды даже отправились пароходом в Европу. И всегда заказывали смежные каюты.

— Это вполне естественно, ведь мы работали во время поездки. Поскольку вы столь тщательно ведете расследование, вы, без сомнения, знаете, что я часто беру с собой и вторую секретаршу, миссис Хиггинс. Ей далеко за пятьдесят, и ваши предположения весьма польстили бы ей.

Нет, старшая секретарша не интересовала Тейлора. К тому же он знал, что миссис Хиггинс в последний раз ездила в деловую поездку с Малкольмом добрых два года назад. Но это он не стал говорить Паттерсону.

— Прошу прощения, сэр, если мой вопрос показался вам бесцеремонным. Но раз уж нам приходится исследовать обстоятельства жизни вашей супруги, нам важно знать и ваши обстоятельства. Если человек всерьез влюблен, он способен на многое.

— Уверяю вас, что мисс Сандерс не влюблена в меня.

С лица Малкольма еще не сошла краска.

Некоторое время они поговорили о делах Малкольма, связанных с Германией, о его деловых связях в Штатах, о его партнерах, которые могли

бы занять на него зуб. Но ничего стоящего внимания не обнаружилось. В конце концов Тейлор пришел к неоригинальному выводу, что Тедди похищен либо из-за денег, либо из мести. Если из-за денег, то похититель вскоре объявится. А если причина — месть, то, возможно, похищение — дело рук Чарльза, и в этом случае оставалось только молить бога, чтобы Делони не причинил мальчику вреда.

Но Тейлор счел необходимым еще раз повторить, что доказательств причастности Делони к преступлению нет, известно только, что он наговорил Мариэлле много всякой чуши. А человека нельзя посадить в тюрьму за то, что он несет чушь. Алиби у него есть, свидетельств против него не имеется, а мотив если и присутствует, то довольно туманный.

— Я все-таки думаю, что это именно он, — уверенно заявил Малкольм, провожая инспектора к дверям. Тейлор кивнул.

— К сожалению, таково и мое мнение. А если мы с вами правы, будем надеяться, что нам удастся представить необходимые доказательства.

Малкольм проводил Тейлора до входной двери, а дальше Джону пришлось самостоятельно пробираться сквозь плотную толпу репортеров.

Два часа спустя, когда Малкольм и Мариэлла садились обедать, зазвонил телефон. Трубку взял полицейский, назвавшийся слугой. Немедленно был включен магнитофон, и вся аппаратура уже работала.

Речь говорившего выдавала в нем жителя Бронкса или Восточного Джерси.

— Да, это мистер Паттерсон. — Отводные трубки уже были в руках у четверых полицейских и у Мариэллы. — Кто говорит?

— У меня здесь один приятель... Маленький такой, в красной пижамке...

Мариэлла побледнела и судорожно сжала трубку.

— Как он? — крикнул в трубку Малкольм и прикрыл глаза.

— Все нормально. Может, замерз чуток. Подкинули б нам денег, мы б ему одеяло купили.

— А с ним я могу поговорить? — как можно спокойнее спросил Малкольм, но стоявший рядом полицейский заметил, что его рука дрожит.

— Не-а... Он дрыхнет. Давайте-ка сначала насчет денег.

— Сколько вы хотите?

— Ну... я бы сказал, хорошее одеяло тысяч на двести потянет. — Линдберг выложил вчетверо меньше. Но игра стоит свеч. — Только, господин Умник, немечеными купюрами. Камера хранения на Центральном вокзале. Оставляете бабки там. Никаких шпиков. Никаких меченых банкнот и всяких там штучек-дрычек. Деньги остаются там, пока мы их не

заберем. Когда все будет путем, вы получаете назад вашего пацана.

— Какие доказательства того, что мой сын жив и с ним все в порядке, вы мне представите?

— А никаких, — прогундосил голос. — И вообще, вы меня достали. Вы кругом разболтали, позвали черт-те кого. Все сделали, чтобы мы... убили его.

Когда Мариэлла услышала это, стены закружились перед ее глазами. Трясущейся рукой Малкольм опустил на рычаг трубку и записал полученные инструкции. Впрочем, весь разговор был записан на пленку.

Меньше чем через полчаса в доме появился Джон Тейлор. Мариэлла вся дрожала, лицо Малкольма было серого цвета. Им не дали поговорить с ребенком, поэтому не было никакой уверенности, что звонил настоящий похититель, а не какой-нибудь подонок, увидевший во всей этой истории способ заработать. Люди вообще-то жестоки и иногда развлекаются, не думая о страданиях других. Однако появилась надежда, теперь хоть было, за что зацепиться. Когда Тейлор вышел из комнаты, Малкольм уронил голову на руки и застонал.

К полуночи деньги были готовы. Следственный отдел министерства финансов накануне перевел на счет Малкольма полмиллиона долларов, и в банке приготовили меченые банкноты на эту сумму. Теперь Тейлор связался с президентом банка и попросил двести тысяч. В два часа ночи небольшой черный портфель крокодиловой кожи был уже наполнен и лежал в ячейке камеры хранения на Центральном вокзале. По телефону было ведено поместить объявление в «Дейли миррор», когда все будет готово. Наутро газета вышла с этим объявлением, и несколько десятков переодетых в штатское полицейских буквально наводнили Центральный вокзал. Они бродили по залам, «дремали» на скамейках, закусывали, читали журналы. Но прошло три дня, и никто не явился за деньгами. По-видимому, кто-то просто позабавился по телефону. Надежда понемногу ослабела. Мариэлла была уже почти не в состоянии встать с постели. Она совершенно ослабела, а Малкольм держался из последних сил. Сказывалось неспадающее напряжение. До Рождества оставалось всего шесть дней. Мысль, что придется провести праздники без Тедди, приводила в ужас. В субботу Малкольм и Мариэлла сидели за обеденным столом, не притрагиваясь к еде, и смотрели друг на друга.

— Почему, ну почему они не пришли за деньгами?

Мариэлле мучила произнесенная по телефону угроза убить ребенка, если что-то пойдет не так. Может, его уже убили?

— Ты же знаешь, Тейлор считает, что это глупый розыгрыш. — Теперь

Малкольм опять был резок с ней. Да и то сказать, он сам с трудом держался. — Я все-таки думаю, что это Делони.

— Ну почему они тогда ничего не могут найти? Объясни мне, почему они не могут установить, кто это сделал?!

Она больше не могла чинно сидеть за столом. Даже ставший привычным гость по имени Джон Тейлор не мог уже ее успокоить. Он обещал, что завтра выполнит просьбу Малкольма и проведет повторный обыск в доме Делони.

Результаты не заставили себя ждать. В воскресенье, ближе к вечеру, в винном погребе в особняке Делони среди старых бочек кое-что нашли. Сначала нашедший это полицейский подумал, что перед ним просто ком тряпья, но, отодвинув одну бочку в сторону, он с изумлением обнаружил, что наткнулся именно на то, ради чего они все сюда пришли. Красная детская пижама с синим вышитым воротником. Со всех ног полицейский кинулся наверх, вызвал Тейлора и показал ему свою находку. Тейлор молча подержал в руках пижаму Тедди и решительным шагом направился в комнату, где только что разговаривал с Чарльзом Делони. Тейлор сообщил ему о находке. Чарльз опустил голову и поклялся, что он ничего не делал.

— Много лет назад погиб мой собственный сын, — сказал он. — Я знаю, что это значит — потерять ребенка... Неужели я стал бы убивать чужого ребенка? — Бессмысленные, беспомощные слова, и в глубине души Тейлору хотелось верить этому измученному страданием человеку.

Он вынул наручники и защелкнул их на запястьях Чарльза Делони и позвонил Малкольму и Мариэлле, чтобы сообщить, что Делони предъявлено обвинение в похищении ребенка.

Услышав, что в подвале дома Делони нашли пижаму сына, Мариэлла разрыдалась.

— А где же Тедди?

— Пока неизвестно, — сказал Тейлор, но голос его звучал бодро. — Мы скоро приступим к допросу Делони. Хочу отвезти его к нам. Как только что-нибудь выяснится, я вам позвоню.

Теперь было ясно, почему настоящий похититель не потребовал выкупа. Чарльз мстил, срывал зло, может быть, пытался заставить Мариэllu вернуться, но деньги Малкольма ему были не нужны. Ему был нужен только сам мальчик. И вопрос теперь оставался один: что Чарльз сделал с мальчиком? Где он сейчас? И самое главное: жив ли он?

Когда Тейлор положил трубку, Мариэлла чувствовала себя совершенно измученной. Малкольм не произнес ни единого слова. Он встал с кресла, молча прошел наверх и закрылся в своей спальне.

Глава 7

Когда до прессы дошли слухи об аресте Чарльза Делони, в понедельник утром количество репортеров возле дома Паттерсонов увеличилось раз в десять. Малкольм выходил из дома только под надежной охраной полиции. Теперь газетчики постоянно атаковали и Джона Тейлора, и шефа полиции. Газетчикам нужно было знать все подробности, ведь это настоящая сенсация: по обвинению в похищении ребенка арестован наследник одного из самых значительных состояний Америки... Более того, налицо любовная драма, сага о мести... Обвиняемый был прежде женат на нынешней жене уважаемого человека и считал ее ответственной за гибель их собственного ребенка. Несмотря на все усилия Тейлора, подробности стали достоянием гласности, и к Рождеству разгорелся громкий скандал.

Чарльз содержался в федеральной тюрьме уже пять дней, а никаких сведений о судьбе Тедди по-прежнему не было. Делони клялся и божился, что не имеет понятия о местонахождении ребенка и вообще не имеет к делу никакого отношения. Поэтому Джон Тейлор стал серьезно опасаться, что Чарльз убил мальчика. В рождественскую ночь он поделился своими опасениями с Малкольмом и Мариэллой. Сам он теперь был убежден, что Делони не следует верить, а преступление он совершил из мести.

— О боже! — Малкольм вздрогнул, услышав слова Тейлора, и Мариэлла поддержала его, нежно погладив по руке. В последние дни голова у нее не болела, теперь ее жизнь сосредоточилась на ожидании новостей о Тедди.

— Я не могу поверить, — тихо сказала она, — отказываюсь верить, что нам его никогда не увидать. Какой бы Чарльз ни был, я не верю, что он мог убить Тедди.

— Да когда ты наконец поймешь, — почти закричал Малкольм, не стесняясь присутствия Тейлора, — что этот мерзавец убил его в отместку за смерть своего сына? Его сын мертв, теперь мертв и мой сын...

В его словах Мариэлла слышала явное обвинение. Малкольм обвинял ее. Тейлор тоже понял это, но он ничем не мог помочь Мариэлле. Ему хотелось прошептать ей «держитесь» или прикоснуться к ней, но сказать было нечего. Он лишь пожал ей руку и вышел, оставив ее с Малкольмом наедине.

В этом году для Паттерсонов не было Рождества. Не было обычных

подарков, поздравлений, и теплых чувств тоже не было. Никто не украшал комнаты, а детская превратилась в подобие алтаря. Оба, и Мариэлла и Малкольм, регулярно заходили туда, чтобы поддержать в своем сердце надежду. Мариэлла не могла примириться с мыслью, что ей никогда больше не держать Тедди на руках, что Тедди с ней нет... И что это сделал Чарльз.

После ухода Джона она не сомкнула глаз всю ночь, и утром приняла решение. Когда Малкольм уехал по делам, она заказала машину и попросила одного из полицейских отвезти ее по адресу, который она укажет. Сначала полицейские заколебались, но, посоветовавшись с дежурным сержантом, согласились исполнить ее просьбу. Она надела черное платье, черную шляпу и шубу, когда-то принадлежавшую еще ее матери, вышла через черный ход, обманув толпу репортеров, и машина поехала в центр Нью-Йорка. Мариэлла сидела на заднем сиденье, между двумя полицейскими. После исчезновения Тедди она еще не покидала дом, и ей было страшно продираться сквозь толпу, а потом ехать в полицейский участок в обществе четверых полицейских. Но она знала, что нужно действовать. Пусть говорят что хотят, ей необходимо увидеться с ним.

Шесть дней Чарльз провел в федеральной тюрьме. Формальное обвинение в похищении несовершеннолетнего было предъявлено ему сразу. Тейлор все еще надеялся вырвать у Делони признание или, по крайней мере, добиться хоть какой-то информации о судьбе мальчика. До сих пор все его усилия были безрезультатны.

Подъехав к зданию тюрьмы, Мариэлла увидела на ступенях нескольких журналистов. Они с первого взгляда узнали миссис Паттерсон и кинулись к ней очертя голову, но сопровождавшие ее полицейские помогли ей отбить атаку, и уже через минуту она вошла в помещение тюрьмы, дрожа всем телом, и объяснила, к кому приехала. Офицеры полиции принялись советовать вполголоса, звонить куда-то, перешептываться. День был неприятный, все боялись нарушить инструкции и взять на себя решение, но она стояла на своем: ей нужно встретиться с ним.

В конце концов дежурный сержант провел ее в какую-то комнату, где всей мебели было только два стула, и через десять минут ввели Чарльза. На нем были брюки из грубой холстины, рубашка, на ногах что-то вроде солдатских ботинок. Он уже неделю не брился. Они еще не обменялись ни единым словом, но Мариэлла уже знала ответ на свой вопрос: в глазах Чарльза застыло выражение такого горя и отчаяния, какого она не видела многие годы. Увидев ее, он заплакал, приблизился к ней и обнял...

— Мариэлла, я этого не делал... Клянусь... Я бы не смог... Я был пьян... Вне себя... Не знаю... Просто увидел тебя с ребенком... Вспомнил Андре...

— Я знаю... Знаю... Тише... Нам надо поговорить. — Она отстранилась от него, чтобы видеть его лицо, и поняла, что не зря приехала. Он медленно опустился на стул, она села на другой, напротив него, и посмотрела ему в глаза. Сколько же горя соединяет их до сих пор! — Что произошло?

— Не знаю, Мариэлла. У меня дома в подвале нашли пижаму твоего сына. Боже, Мариэлла, скажи мне, что ты им не веришь...

— Как к тебе попала пижама?

— Не знаю. Господом богом клянусь, не знаю. Я дурак. Я ужасно вел себя тогда... Так нельзя... Я сошел с ума... Но до сих пор я все время старался искупить тот грех... Я никому не сделал зла с тех пор... Я воевал за друзей, хотел умереть за них, потому что мне нечего было терять. Зачем мне убивать его? Зачем мне мучить тебя? — Она взяла его руки в свои. — Я все так же люблю тебя.

— Я знаю, — прошептала Мариэлла. Конечно, она тоже его любит. Но Тедди она любит сильнее. Тедди — ее сын. — Тогда где же он?

— Клянусь тебе, не знаю. — Он поднял глаза, открыто посмотрел на нее, и она поверила ему. — Мариэлла, клянусь, пусть даже меня убьют... Верь мне, я ничего не знаю про это похищение. Надеюсь, твоего сына найдут, ради тебя надеюсь. Я много глупостей наговорил, но ты заслужила, чтобы его нашли. Твой сын будет с тобой. Она наклонила голову и сказала:

— Спасибо.

Господи, что же случилось на самом деле? Что произошло?

Мариэлла медленно поднялась, горькая улыбка осветила ее лицо. Она кивнула Чарльзу и вышла. Чарльз Делони проводил ее долгим взглядом.

«Верь мне», — сказал он. Похоже, что он говорит правду. Но если мальчика украл не он, то кто? Она теперь была не ближе к истине, чем до приезда сюда. Зато по крайней мере теперь она знала, что Чарльз Делони не виновен.

Ее ожидал сюрприз — Джон Тейлор спешил ей навстречу. Он служил не в полиции, а в ФБР, сюда мог явиться разве что для того, чтобы поговорить с Чарльзом. Однако он сурово посмотрел на Мариэллу, провел ее в какой-то кабинет и резко спросил:

— Что вы здесь делаете?

Тейлор сердился на нее, наверняка и Малкольм рассердится, когда узнает, и все равно она не жалеет, что приехала. Так и надо было

поступить.

— Мне нужно было с ним поговорить.

— Очень зря.

Она покачала головой: нет, вовсе не зря.

— Он говорит, что он этого не делал. И я ему верю.

Ей необходимо было увидеть его, спросить, убедиться.

— А как вы думали, что он вам скажет? Что он убил Тедди? — От этих слов она вздрогнула, но Джон был слишком рассержен. — Никогда он вам не скажет правду. Он уже практически в петле и судорожно пытается вывернуться. Ради этого он скажет что угодно.

— А зачем ему врать мне?

— А зачем ему говорить правду? Слишком многое поставлено на карту. Послушайте, Мариэлла, держитесь подальше отсюда. Подальше от него. Мы сделаем все возможное, чтобы найти вашего сына, но этот человек для вас ничего не сделает. Он может причинить вам только боль. Оставьте его.

Она не могла возразить, но понимала, что Тейлор заблуждается. Она сейчас уже немало знала про Чарльза. Жестокая война в Испании, люди, с которыми он общался, пьянки, ярость... Он избил ее в тот раз... И он ее до сих пор любит... Он сам не знает, здоров ли он психически. А ведь это тоже необходимо выяснить. Но ему уже незачем причинять боль Мариэлле. Он причинил ее достаточно.

— Ладно, поедemте. Я отвезу вас домой. — Теперь она была согласна. — И если вам еще раз что-нибудь подобное придет в голову, позвоните сначала мне.

— И что вы скажете?

Она улыбнулась. Они торопливо шагали к машине, заслоняясь от вспышек фотоаппаратов. Впоследствии в одной из газет появилась фотография: Мариэлла садится в полицейскую машину, а за ее спиной стоит Джон Тейлор.

— А что бы вы сказали, если бы я сегодня попросила вас отвезти меня сюда? — спросила она, уже сидя в машине. Тейлор нахмурился.

— Я бы сказал — ни в коем случае. Вполне определенный ответ.

— Вот потому я вам и не позвонила. Мариэлла улыбалась. Она чувствовала облегчение. Она поверила Чарльзу. А значит, возможно, она и не виновата в случившемся. А Джон Тейлор смотрел на нее и думал, какая она удивительная женщина и как она симпатична ему. Да нет, следует признать — она ему очень нравится.

— Вы даже представить себе не можете, как сейчас торжествуют

газетчики. В следующий раз, когда вам придет в голову подобная идея, мы с вами сядем в машину, и я прочту вам целую лекцию, — сказал он, как будто ворча на нашалившего ребенка.

— А я этого и боялась, — тихо ответила она и до самого дома не произнесла ни слова.

Сидя рядом с Мариэллой в машине, Джон Тейлор испытывал жалость к ней. Он знал, как она страстно желает, чтобы ребенка нашли, а сам уже почти не надеялся на благополучный исход. Ему стало казаться, что эта история в итоге закончится так же, как и дело Линдбергов, и очень хотел бы ошибиться.

Они подъехали к дому со стороны черного входа и вошли в кухню. Мариэлла поблагодарила Тейлора за то, что он проводил ее домой. На следующий день газеты пестрели фотографиями Мариэллы у ворот тюрьмы, и среди них особенно выделялся снимок, на котором был изображен Джон, галантно подсаживающий ее в машину.

Малкольм побагровел и отшвырнул газету в сторону.

— Мариэлла, что это значит?

— Он старался укрыть меня от репортеров, — тихо объяснила она. Джон был прав, газетчики собрали вчера хороший урожай.

— И похоже, он получил от этого удовольствие. Это он выдумал, что тебе надо ехать на свидание с Делони?

— Нет, я сама решила. Его я неожиданно встретила уже там. Малкольм, прости меня. Я должна была его увидеть. Мне было очень важно, что он скажет.

— И конечно, твой Чарльз рассказал тебе, как именно он убил нашего сына? Рассказал? Или рыдал по поводу своего сына? — Малкольм весь кипел от ярости.

— Малкольм, пожалуйста...

— Что пожалуйста? Твой любовник... Или бывший муж, как хочешь называть, крадет моего сына, а потом я должен его же жалеть? Что, не так? Ты ходила туда, чтобы выложить ему, как тебе жалко его, несчастного? А ты понимаешь, кого жалею я? Я жалею Тедди. Я жалею нашего мальчика, который, вполне возможно, сейчас лежит мертвый неизвестно где, или его бьют, или морят голодом...

Она больше не могла слушать. Зажав уши руками, она закричала:

— Малкольм, перестань! Перестань! Все еще крича, она выбежала из столовой и кинулась в спальню. Это было выше ее сил. И все, все обвиняют ее. Она виновата в том, что познакомилась с Чарльзом, вышла за него замуж, что не смогла спасти своего первенца, в этом ее обвиняет Чарльз, а

Малкольм обвиняет чуть ли не в соучастии в похищении Тедди.

После обеда заехал Тейлор. У него достало такта не напоминать ей про шум, поднятый газетами, но и новостей у него не было. В доме Чарльза проведут еще один обыск.

При новом обыске в спальне Чарльза нашли маленького плюшевого медвежонка — любимую игрушку Тедди.

Глава 8

В середине января подготовка к первому судебному процессу шла полным ходом, а никаких сведений о Тедди все еще не было. После похищения прошло уже три с половиной недели. Малкольм уехал на несколько дней в Вашингтон на закрытое заседание комитетов Сената и палаты представителей по военным делам. После этого Малкольм намеревался встретиться с Хью Уилсоном, послом Соединенных Штатов в Германии, который приехал на короткое время в Вашингтон.

Мариэлла осталась в Нью-Йорке. Дом по-прежнему окружал полицейский кордон. Джона Тейлора она не видела почти неделю.

Однажды утром она сидела в библиотеке и просматривала газеты, стараясь отвлечься от мыслей о Тедди. Слушать радио она уже не могла, потому что там постоянно то рассказывали о подготовке к процессу, то передавали любимые программы Тедди, вроде «Одинокого странника», и Мариэлла сразу начинала плакать. Ее была нервная дрожь от любого напоминания о сыне. Мисс Гриффин получила отпуск и уехала к сестре в Нью-Джерси. Англичанка тоже все время находилась в состоянии, близком к истерике. И Мариэлле было бы легче не встречаться с ней в доме. Теперь она могла одна часами сидеть в детской, перебирать одежду, игрушки, вещи Тедди. Она могла часами стоять в комнате сына, держа в руках его расческу, или сидеть на его любимом стуле, или лежать на его кровати, стараясь не думать о последней ночи, которую Тедди провел в этой комнате.

Когда она отложила последнюю просмотренную газету, в библиотеку вошел Хейверфорд. В его присутствии Мариэлле становилось спокойнее. Старый слуга жалел свою хозяйку, хотя не говорил об этом ни слова.

— К вам пришли, миссис Паттерсон. Какая-то мисс Риттер. Она говорит, что договорилась с вами встретиться.

— Я никого с такой фамилией не знаю.

— Один раз мы с вами встречались.

Мариэлла повернула голову и увидела за спиной Хейверфорда молодую женщину, рыжеволосую, маленького роста, примерно лет тридцати. Лицо показалось Мариэлле знакомым, но она не могла припомнить, где и когда они виделись. На мгновение ей захотелось, чтобы эта женщина тотчас начала угрожать, потребовала выкупа — что угодно, лишь бы что-нибудь узнать о Тедди. Но надежда тут же угасла. Никто ведь

не попытался забрать на Центральном вокзале приготовленный выкуп, чемодан с деньгами все еще лежал в камере хранения.

— Кто вы? — удивленно спросила Мариэлла. Хейверфорд стоял рядом, готовый в случае необходимости прийти на помощь хозяйке. И вдруг Мариэлла узнала в посетительнице ту журналистку, которая в один из первых дней сумела пробиться в дом. Сама же мисс Риттер почему-то испуганно покосилась на дворецкого.

— Можно с вами поговорить наедине?

— Нет... Извините...

Мариэлла сказала это решительным тоном, но никакой решимости не почувствовала. Просто она была осторожна, а гостья вела себя довольно уверенно.

— Пожалуйста. Это действительно важно, — настаивала она. Сейчас журналистка была одета иначе, но выглядела так же экстравагантно, как и в прошлый раз.

— Не думаю. Как вы сюда попали?

— Мы договорились встретиться сегодня, — уверенно произнесла гостья, глядя Мариэлле в глаза, но Мариэлла твердо знала, что уже целый месяц ни с кем ни о чем не договаривалась, кроме полицейских и агентов ФБР.

— Прошу прощения, мисс...

— Риттер. Беатрис Риттер. Просто Беа. — Она улыбнулась, пытаясь смягчить Мариэлла. Ей хотелось вызвать у Мариэллы интерес, чтобы она предложила ей остаться, но Мариэлла стояла на своем.

— ..но вам придется уйти.

Мисс Риттер была явно огорчена, но вежливо кивнула.

— Я понимаю. Я только хотела поговорить с вами насчет Чарльза Делони.

Упоминание этого имени произвело определенный эффект. Мариэлла с интересом взглянула на молодую женщину.

— А в чем, собственно, дело?

— Вы нужны ему.

— Миссис Паттерсон... — Хейверфорд вопросительно посмотрел на Мариэлла, и та, сама не зная почему, решила все-таки поговорить с этой Риттер. Приняв решение, Мариэлла кивнула, дворецкий вышел из библиотеки и тут же предупредил двоих полицейских. Мариэлла видела, что они встали около двери.

— Я не понимаю, зачем вы здесь? Вас ко мне послал Чарльз?

После того свидания в тюрьме она ничего не знала о Чарльзе. Она

знала только, что в его комнате нашли плюшевого мишку — решающую улику против него.

Беа Риттер решила говорить откровенно, так как понимала, что ей надо успеть объясниться, пока ее не выдворили из дома. Сам Чарльз уверил ее в том, что Мариэлла не захочет с ней говорить.

— Я из Ассошиэйтед Пресс. И я убеждена, что ваш бывший муж невиновен. Я хочу попробовать найти преступника. И мне нужна ваша помощь. — Мисс Риттер сумела выразиться предельно ясно.

— Боюсь, что ничем не могу вам помочь, мисс... — Мариэлла с трудом вспомнила фамилию, — Риттер. Я тоже не думала, что это сделал мой бывший муж, но в его доме нашли две вещи моего сына: пижаму, которая была на мальчике в ту ночь, когда его украли, и его любимого плюшевого медведя. И никто еще не потребовал выкуп.

— Но может быть, настоящие похитители боятся, или у них есть свои причины, чтобы затаиться. На все должны быть свои причины.

Она была абсолютно убеждена в невиновности Чарльза. Она провела с ним наедине не один час и не могла поверить, что он способен на такое преступление. Но Мариэлла в его невиновность больше не верила. Она спокойно поднялась из-за стола, показывая, что разговор закончен.

— Нам не о чем больше говорить.

У нее тяжело на сердце. Ей не хочется выслушивать, какие оправдания эта женщина изобретет для Чарльза. Ей нужно только вернуть сына.

— Вы верите, что Чарльз на это способен? Беатрис Риттер нужно знать, верит ли ему Мариэлла. А Мариэлла опасается прессы.

— Все факты против него. И он пытался запугать меня именно такой угрозой. Так что же вы хотите услышать от меня?!

Даже если на эту молодую журналистку такие аргументы не действуют, сама Мариэлла была почти уверена в виновности Чарльза. Похоже, что по прошествии стольких лет в ее сердце не осталось теплых чувств к нему.

— Он был пьян тогда.

Ясное дело, она говорила с ним. Мариэлле было неприятно, что эта женщина так настойчива. Но в ней есть сила, интеллект и твердость. У нее коротко стриженные волосы, чересчур яркое пальто цвета морской волны, дурацкая шляпка с красным цветком, но тем не менее внешность у нее открытая и располагающая.

— Да, но это его не оправдывает. Извините... — Она шагнула к двери, но Беа Риттер не тронулась с места.

— Миссис Паттерсон, он вас любит. Эти слова остановили Мариэлла.

Она обернулась и посмотрела на мисс Риттер.

— Он вам сам об этом сказал?

— Это же очевидно.

— Для меня это далеко не очевидно, и я не хочу ничего слышать об этом. — Теперь она была по-настоящему зла на него, он принес ей смертную муку. Но Беа Риттер отказывалась разделить ее уверенность.

— Он ни в чем не виноват.

Она была столь уверена, что Мариэлла заколебалась. Но ей не хотелось, ни за что не хотелось вновь поддаваться влиянию Чарльза. Чарльз украл ее ребенка.

— Да как же вы смеее утверждать, что он не виноват? Где же, по-вашему, тогда мой сын?

— Чарльз не знает. Чарльз клянется в этом. — Беа Риттер не отводила взгляда от лица Мариэллы. — Если бы Чарльз знал, он сказал бы.

— Вы его совсем не знаете, мисс Риттер. Нет, она-то знает Чарльза лучше, чем думает Мариэлла. Она дала взятку двум полицейским и провела в его камере много часов. Сначала она просто брала интервью, а потом постепенно прониклась уверенностью, что Делони говорит правду. — И тогда она пообещала себе самой, что сделает все возможное, чтобы помочь ему. По просьбе Чарльза она съездила к Тому Армуру и попросила его взять на себя защиту. Чарльз и Том Армур, молодой преуспевающий адвокат по уголовным делам, были знакомы давно, но последний неизменно отвечал отказом на письма и телефонные звонки Чарльза. Беа Риттер пробила броню. Она упростила Армура вникнуть и убедила его, что Чарльз невиновен, несмотря на то, что с юридической точки зрения дело его безнадежно. Она сказала Тому, что если он откажется и Чарльз проиграет дело, то приговором неизбежно будет смертная казнь, и на электрическом стуле погибнет невинный человек. Она уверяла Тома, что только он может спасти невинного человека. И только благодаря настойчивости Беа Риттер Том Армур наконец согласился заняться делом Чарльза Делони.

— Помогите мне!

Она умоляла взглядом, а Мариэлла не желала ее слушать, как не желал поначалу и Том Армур, но ему пришлось согласиться. Беа Риттер умела убеждать.

— Найдите моего сына, и тогда все станет ясно, — ледяным тоном ответила Мариэлла.

— Я попытаюсь. — Только теперь Беа Риттер поднялась со стула. — Можно вам позвонить, если я узнаю что-нибудь?

Мариэлла хотела ответить «нет», но неожиданно для себя самой согласно кивнула.

— Спасибо.

Какое-то мгновение Беа стояла, смотрела на Мариэллу, как бы обдумывая все, что ей пришлось услышать, потом поблагодарила еще раз и вышла.

Мариэлла все еще сидела за столом и предавалась своим горьким размышлениям, на сей раз связанным с Беа Риттер, когда появился Джон Тейлор. С ним приехал государственный обвинитель. Этот высокий худой человек с бесстрастным взглядом, судя по всему, не сомневался, что Чарльз Делони не только похитил ребенка, но и убил его. Увидев его, Мариэлла непроизвольно вздрогнула, а Тейлор понял, что ему больно видеть ее в таком состоянии. И еще Мариэлла вспомнила, что только что Беа Риттер взывала к ней о помощи.

Обвинитель сообщил ей, что рассмотрение дела в суде состоится в марте, ожидается обвинительный приговор и все рассчитывают на содействие со стороны родителей ребенка.

— Что вы имеете в виду, мистер Палмер?

— Я имею в виду, что вам следовало бы прийти в суд. В вашем присутствии присяжные отнесутся к делу внимательнее. Нам хотелось бы, чтобы до них дошло, какое горе причинил вам Чарльз Делони, похитив вашего ребенка. И если нам повезет, то мы убедим их, что он вывез мальчика за пределы штата. А в этом случае, миссис Паттерсон, его ждет только смертная казнь.

Мариэлла содрогнулась. Ей стало понятно, что государственный обвинитель упоает не столько на неопровержимость улик, сколько на эмоции присяжных. Ей не хотелось, чтобы во время процесса посторонние люди следили за ее реакциями. Этого не хотел и Тейлор, но он понимал, что этого не избежать. Уильям Палмер — опытный прокурор, профессионал высокого класса, но эмоции — это не по его части.

— Конечно, если вашего сына к тому времени удастся найти, ему тоже нужно будет появиться в суде. Ненадолго.

Мариэлла подумала: пусть Тедди везут в суд.

Лишь бы его нашли, лишь бы он был с ней.

— Что-нибудь еще? — спросила она резко. Но Палмер не обратил внимания на ее тон, он встал со стула и сказал:

— Мы будем держать вас в курсе. — Поправил очки, глянул на Мариэллу испытующе, словно оценивая, насколько она справится с ролью свидетеля, и взял в руки портфель. — Будьте любезны, скажите вашему

супругу, когда он приедет из Вашингтона, что мне нужно с ним переговорить.

— Хорошо, я передам.

Палмер ушел. Мариэлла вздохнула и опустилась на диван. Она взглянула на Тейлора и с иронией сказала:

— Какой же он добрый и чуткий! Тейлор усмехнулся. Молодец Мариэлла! Жизнь безжалостна к ней, а она сохраняет чувство юмора.

— В суде его слушать приятнее.

— Рада за него. — Мариэлла посмотрела на Джона, как будто ожидала от него чего-то. Странно, за это время они, кажется, стали друзьями. Временами Мариэлле казалось, что Джон был ее единственной поддержкой. — Вы знаете, я боюсь суда.

— Вам будет нелегко. Там будут копаться в таких обстоятельствах вашей жизни, которые вам не хочется вытаскивать на всеобщее обозрение. Во всяком случае, защита наверняка начнет говорить про ваше лечение в клинике или еще что-нибудь... Они будут всячески стараться посеять недоверие к вам и к вашим словам.

— Да зачем? Я не собираюсь обвинять Чарльза, — сказала она, хотя почти все время верила, что преступник именно он. Она рассказала Джону о Беа Риттер.

— Советую вам не впутываться. Вы только еще раз поставите себя под удар, но никому не поможете. Пресса взвалит на вас бог знает что.

Мариэлла была с ним согласна. Но что, если эта журналистка права? Она производит впечатление умной и решительной.

— Господи, у меня голова кругом идет, — призналась она. — Да в любом случае, какая разница? Тедди с нами нет. Все остальное неважно.

В огромных глазах Мариэллы была безысходность. За свою короткую жизнь она потеряла троих детей.

— Для вас, но не для Чарльза. Для него это вопрос жизни и смерти. Чтобы остаться в живых, он должен хвататься за соломинку.

— Кто его защищает?

— У него хороший адвокат, некий Том Армур. Молодой, очень способный. Он может быть беспощадным на процессе. Если кто и может спасти Делони, так это он.

— Не знаю, довольна ли я. Не знаю, что думать. Малкольм говорит, что виноват Чарльз. И когда нашли игрушку... — В ее глазах показались слезы, и она несколько раз моргнула. — А я не знаю... Когда я увидела Чарльза, я ему поверила. А если это не он, то кому понадобилось похищать Тедди?

Конечно, на этот вопрос никто не мог дать ответа. Тейлор и не пытался, он просто смотрел на Мариэллу, и его непреодолимо тянуло к ней. Еще ни к кому его не тянуло так сильно, ни одна женщина не волновала его так, как Мариэлла. Когда он рядом с ней, ему хочется коснуться ее руки, обнять ее.

— Хотел бы я знать, — начал он, помолчав. Они сидели на диване, за окном темнело, и Тейлор ласково смотрел на Мариэллу. Холодный и одинокий вечер. Как всегда, Малкольма нет дома, и, хотя полицейские по-прежнему были в доме, он кажется пустым. Джону захотелось пригласить Мариэллу поужинать куда-нибудь, лишь бы было оживленно, играла бы музыка, люди вокруг разговаривали и смеялись. Захотелось увезти ее отсюда, подальше от ее мужчин, которые и разбивали ей сердце, от мужчин, которые не обращают на нее внимания. Теперь он знал о Малкольме Паттерсоне больше, чем ему хотелось бы знать, и он видел, что Мариэлла заслужила счастье, которого у нее не было. Если бы только можно было что-нибудь изменить...

— Мариэлла, если бы я только мог избавить вас от всего этого, — сказал Тейлор. Как профессиональный следователь, он не должен был так говорить, но она была тронута.

— Спасибо вам. Я бы тоже хотела освободиться. Я раньше думала, что беда приходит к нам в наказание за что-то. Только теперь я что-то разуверилась. Слишком уж много всего со мной случилось. — Совершенно невероятно, что эта женщина при совершенно непредвиденных обстоятельствах потеряла троих детей. — А у вас есть дети?

Она ничего не знала о нем, хотя и чувствовала, что за месяц очень привязалась к нему, — Двое. Дочке четырнадцать лет, парню одиннадцать.

А девочке моей было бы восемь... Она умерла, так и не увидев свет, умерла безымянной... Просто маленькая Делони.

— Дженнифер и Мэттью. — Ему хотелось как-то отвлечь ее.

— Они похожи на вас? — Мариэлла улыбнулась. Ей захотелось вести с ним совершенно обычный разговор, как будто не было в ее жизни этого страшного события — похищения сына.

— Не знаю. Говорят, сын похож. Трудно сказать. А что вы любите делать — в нормальной жизни?

Она опять улыбнулась:

— Люблю плавать. Люблю гулять пешком, ездить куда-нибудь. Люблю музыку. Когда-то занималась живописью, но уже много лет не прикасаюсь к краскам. — Точнее говоря, после клиники. Но этого она не сказала. — Люблю все то, что мы с Тедди делали... — Любой разговор неизбежно

приходит к этой теме, потому что на самом деле только об этом она и думает. — Мы ходили с ним на «Белоснежку»... Как раз в тот день...

— Я знаю, — прервал ее Тейлор. Мариэлла кивнула. Ей стало грустно. Он накрыл ладонью ее руку. Она посмотрела на него, не понимая, почему он так добр к ней, и благодаря его за это. Он умел оказаться рядом каждый раз, когда было нужно. — Мариэлла... — проговорил он почти беззвучно и вдруг, не сказав больше ни слова, нагнулся к ней и поцеловал. Ее тело невольно подалось к нему, он обнял ее и прижал к себе, а она подумала только, какой он сильный и добрый, и как ей хорошо. Потом он отпрянул, и оба с некоторым удивлением посмотрели друг на друга.

— Не знаю, что вам сказать... Только то, что вы так много для меня значите... Не знаю, смогла бы я все это пережить без вас...

— Я хочу быть с вами рядом...

Он хотел большего, но не знал, как сказать об этом. Поэтому он молча отстранился от нее, не понимая, что он только что сделал и почему. Но он был уверен, что сделал то, что нужно. Он мог дать ей то, чего у нее не было, и не было уже долгие годы — любовь. И еще в одном Джон не сомневался: Малкольм Паттерсон недостоин ее. А Мариэлла смотрела на него, и такой умиротворенной он не видел ее никогда. Потом она взяла его руку и поцеловала ее с нежностью и благодарностью.

— Вы любите жену?

Это не простое любопытство, ей необходимо знать. Она хочет узнать его ближе. А он обязательно должен быть честен с ней. Поколебавшись секунду, он кивнул.

— Значит, ей повезло.

Джон Тейлор не хотел говорить с Мариэлкой о жене.

— С той самой ночи, когда мы встретились, я думаю только о вас. И уже тогда больше всего на свете мне хотелось вас обнять.

Они долго и внимательно смотрели друг на друга. Каждый знал, что в эти минуты чувствует другой. Они теперь не нуждались в словах. Они нуждались друг в друге. И обоим было ясно, что он может потерять работу... И еще его жена... Но это его сейчас не беспокоило. Он хотел только быть рядом с ней, заботиться о ней и защищать ее так, как никто не заботился и не защищал до него. И Мариэлле тянуло к нему, хотя она представить себе не могла, что из этого может выйти. Они оба несвободные люди, и неважно, счастливы ли они, а каким бы человеком ни был Малкольм, она не может оставить его теперь, когда они потеряли Тедди.

— Что с нами будет? — тихо спросила она.

— А чего бы тебе хотелось, Мариэлла?

— Не знаю. — Ей опять стало не по себе. Она не хотела причинять горе ни Джону, ни его жене, ни даже Малкольму.

Джон коснулся ее шелковистых каштановых волос. Он-то готов оставить Дебби ради новой любви, но если он скажет об этом Мариэлле, она испугается и почувствует себя виноватой. Она нужна ему, но нельзя обещать и не исполнить. Но он очень хочет помочь ей, поддержать и дать то, чего у нее не было в жизни. Он хочет ее всю... душу... жизнь... ее тело...

— У тебя не так много было светлых дней в жизни, — сказал он с виноватой улыбкой. Никогда ни в чьих глазах она не видела столько участия.

— Нет, я бы так не сказала. С Тедди было хорошо... А теперь вы... Наверное, так все и должно быть — несколько лет... несколько месяцев... или несколько дней... — Два коротких года у нее был Андре. Три года — Чарльз. Четыре года — Тедди. Может быть — это все... Отныне — ничего, никогда.

— Немного же тебе надо...

— У меня нет выбора.

Она посмотрела ему в глаза, а он опять наклонился к ней и поцеловал. У него перехватило дыхание, и он испугался, что не сможет дольше сдерживать себя.

— Хочу, чтоб ты была счастлива, — жарко прошептал он, но она ответила ему печальным взглядом. За эти минуты он подарил ей огромную радость, но она не имеет на нее никакого права. Она хотела, чтобы он это понял. Ей нужно только, чтобы Тедди нашли.

— Такое страшное сейчас время... — проговорила она.

— Я знаю.

Он задержал ее руку в своей. Может, когда-нибудь... Он содрогнулся при мысли о том, что с ней будет, если мальчика не найдут или же найдут мертвое тело.

— Мужайся, Мариэлла. — Она будет мужественной, здесь не нужны советы. — Я помогу тебе. — А хочет ли она, чтобы он помог? — Мариэлла, почему тебе ничего не нужно? Почему ты всегда так сдержанна?

Кажется, он нащупал путь к разгадке. Потому ее все и ненавидят, что ей ни от кого ничего не нужно, что она только отдает и ничего не ждет взамен, все они чувствуют, что безразличны ей. Она слишком правильная, всепрощающая, непорочная, бесконечно готова терпеть боль, которую они ей причиняют.

— Не будь настолько святой. Даже со мной, Мариэлла. Не надо.

Он вновь поцеловал ее, и на этот раз она ответила страстным поцелуем, и только через какое-то время опомнилась, отстранилась и посмотрела на него с улыбкой. От этой улыбки его сердце забилося вдвое сильнее. Она вела себя точно так же, как прежде, но теперь наряду с достоинством в ней была страсть, и Джон сходил от нее с ума.

— Если мы не сдержим себя, нам потом будет очень трудно жить, — сказала она так, как будто знала, что именно может произойти.

— По-моему, именно этого я и хочу, — хрипло ответил он.

Она знала, что сама она этого хочет. Три года она не знала мужской любви, а сильное, напряженное тело Джона так призывно звало ее... Но оба понимали, что сейчас ни к чему лишние осложнения и трудности.

— Когда дело будет закончено, нам с вами нужно будет серьезно поговорить, миссис Паттерсон. Я не умею предсказывать будущее, но знаю, что с крючка вы у меня так легко не сорветесь.

Мысль о том, что Мариэлла никогда не будет с ним, была для Джона непереносима. Только встретив Мариэлла в первый раз, он смутно почувствовал, что его жизнь может круто перемениться. Но теперь на нем лежал долг найти ее сына, а если это невозможно, то он должен хотя бы помочь ей пройти через судебное разбирательство и добиться осуждения Чарльза Делони.

Мариэлла предложила Джону перекусить перед уходом, но он отказался.

— Мне надо ехать в управление, — сказал он, не скрывая сожаления. Он редко приходил домой раньше десяти. Скорее всего потому, что не хотел. Мариэлле он сказал, что любит жену, и так оно, может быть, и было когда-то. По правде говоря, детей он любил гораздо больше, и они с женой жили вместе именно из любви к детям и по религиозным соображениям. — Завтра я позвоню, — сказал он шепотом.

Он не знал, раскаивается ли Мариэлла в том, что произошло между ними, сожалеет ли о своих словах? Но когда Мариэлла поднялась с дивана, она посмотрела на него странно, но радостно.

— Я знаю, что мне надо бы раскаиваться, но ничего подобного не испытываю.

Он тоже чувствовал, что произошло что-то совершенно необыкновенное. Произошло то, что и должно было случиться. Им обоим это нужно, оба этого хотели. Только будет ли это им дозволено хоть когда-нибудь?

— Спокойной ночи, миссис Паттерсон, — сказал Тейлор, прикасаясь губами к ее губам. Пока они еще не вышли из комнаты, пока их не видят

полицейские, до сих пор круглые сутки дежурящие в доме. — Спокойной ночи, Мариэлла.

Эти слова он произнес уже шепотом. Она улыбнулась, проводила его до передней, а через несколько минут поднялась по лестнице к себе в спальню. Впервые за этот месяц она улыбалась по-настоящему. Как странно вновь почувствовать себя нужной и любимой. Пусть даже это состояние длилось всего несколько секунд.

Глава 9

Билл Палмер, государственный обвинитель по делу о похищении несовершеннолетнего, стал частым гостем в доме Паттерсонов. В основном он проводил долгие часы за закрытой дверью с глазу на глаз с хозяином. Кроме того, он опрашивал прислугу и несколько раз побеседовал с Эдит и Патриком, которые больше не работали у Малкольма. В начале марта он захотел еще раз поговорить с Мариэллой, на сей раз наедине. При беседе не присутствовали ни Джон Тейлор, ни Малкольм.

— Миссис Паттерсон, мне необходимо, чтобы, прежде чем вас вызовут давать показания в суде, вы были твердо убеждены в том, что наша версия происшедшего верна, — неторопливо произнес он. — Вы меня хорошо понимаете?

Она прекрасно его поняла. Внешность Уильяма Палмера нельзя было назвать располагающей. Гладкие волосы зачесаны назад, лицо без кровинки. Он был, по-видимому, того же возраста, что и Джон Тейлор, то есть чуть за сорок. Одевался он всегда одинаково: костюм в тонкую полоску, темный галстук. Облик его дополняли очки в роговой оправе. Господин Палмер в высшей степени почтительно относился к Малкольму.

— Я понимаю, — спокойно сказала Мариэлла. Но она не так много могла сказать на суде. Поздним вечером она слышала какой-то шум, а в полночь пошла посмотреть на Тедди (просто чтобы поцеловать его, пояснила она в сотый раз). Но такой рассказ не мог удовлетворить государственного обвинителя. Ему нужно было только добиться осуждения Чарльза Делони. Он ненавидел таких, как Делони, — пресыщенных богачей, от скуки балующихся социалистическими идеями. Развращенный баловень судьбы, возомнивший, что имеет право делать все, что ему заблагорассудится.

— Я сначала увидела Бетти, потом мисс Гриффин. Обе были связаны, у обеих кляпы во рту. У мисс Гриффин была еще наволочка на голове, Ее отравили хлороформом. И Тедди не было... Вот и все... Он исчез.

А с тех пор ничего и не произошло, если не считать ложного звонка насчет выкупа, когда неизвестный велел оставить деньги на Центральном вокзале. Чемодан с деньгами забрать так и не попытались, больше никто не звонил, полиция и ФБР пришли к выводу, что звонил обыкновенный хулиган.

— Итак, продолжаем. Пижама, которую нашли в доме Делони, — это

пижама вашего сына...

Внезапно Мариэлла почувствовала себя уже в зале суда, когда на нее направлены все взгляды.

— Думаю, что да, — тихо ответила она.

— Вы не уверены, — с раздражением констатировал он, на секунду прекратив мерить шагами комнату.

— Уверена, но...

— Но что, миссис Паттерсон?

Малкольм предупреждал его, что она никогда не бывает уверена, вечно колеблется, ей не хватает храбрости высказать собственные убеждения.

— Я не знаю, как она туда попала. Малкольм говорил, что не надо обращать внимания на ее сомнения.

— А откуда вы можете знать, как она попала в дом Делони? Естественно, ее принес сам преступник. А как иначе она могла попасть в его дом, и медвежонок тоже? Или вы сомневаетесь в том, что Чарльз Делони похитил вашего сына?

Мариэлла еще раз задумалась над этим вопросом. Тысячу раз за последние два с половиной месяца она задавала себе тот же самый вопрос. Да, похитил он, улики налицо, но временами она все-таки не была на сто процентов уверена. Случалось это тогда, когда Мариэлла вспоминала, что за человек Чарльз. Да еще было известно, что он упорно отрицал свое участие в преступлении. Но улики... улики... пижама... медвежонок...

— Я верю.

Ей нелегко дались эти слова.

— Но вы нетвердо убеждены в этом? — Палмер говорил так отрывисто, как будто у него болели зубы. — А вы полагаете, что вашего сына мог похитить кто-то другой?

Она покачала головой. Ей показалось, что от звуков его голоса она вся сжимается.

— Не знаю. И мне кажется, этого никто не знает. Его никогда не найдут.

Уильям Палмер был поражен:

— Миссис Паттерсон, вы хотите, чтобы свершилось правосудие? Вы хотите, чтобы похититель вашего ребенка понес наказание? Ваш муж хочет этого. А вы?

Он наседал на нее так, словно не желать осуждения Чарльза на смерть по меньшей мере неприлично. А ведь она на самом деле хочет не этого.

— Я хочу одного: чтобы мой сын вернулся домой.

— Вы не допускаете возможности, что он убит? Она закрыла глаза,

потом медленно открыла их. Да, кажется, едва ли она сможет пережить процесс. Два с половиной месяца длится непрекращающийся бред. День и ночь ее подстерегают репортеры. С первых страниц газет не сходят фотографии — мистера и миссис Паттерсон, Тедди, Чарльза. Стоит включить радио, как сразу услышишь какую-нибудь сплетню о Мариэлле, Малкольме, Чарльзе. Как правило, все они лгут, выдумывают скандальные подробности. Утверждали, что Мариэлла каждый вечер ходила на танцы в ночные клубы, что Малкольм разводится с ней, что Чарльз бежал из тюрьмы, что где-то видели Тедди. Бесконечный, мучительный абсурд. И Уильям Палмер — тоже персонаж этого кошмара.

— Вы сознаете, что этот человек мог убить вашего сына, и тем не менее не убеждены в его виновности? Я вас правильно понимаю?

— Да, — почти выкрикнула она, — вы меня правильно понимаете. Нет, — она внезапно переменяла мнение, — это он...

По всей видимости, Палмеру надоели эти бесконечные колебания. Мариэлла встала и прошла по комнате. Ее раздирали самые противоречивые чувства.

— Я не могу быть абсолютно уверена, что Чарльз Делони похитил, а возможно, и убил моего сына. Но считаю, что это не исключено, потому что у вас есть пижама и плюшевый медведь...

На его губах появилась невеселая улыбка.

— Прошу меня извинить, но это моя работа. Миссис Паттерсон, почему вы мне не доверяете? Почему не решаетесь мне поверить? Вы же знаете, что ваш муж считает виновным мистера Делони.

Он попытался сменить тактику, заговорить помягче. Но Мариэлла слишком хорошо знала, что думает Малкольм и почему он так думает. А еще Малкольм полагает, что она во всем виновата. Но, по крайней мере, в этом он не прав.

— Малкольм не знает его, а я хорошо знаю.

— Да, конечно. Но ведь мистер Делони однажды поднял на вас руку, когда вы были беременны, верно?

Она не отвечала. Смотрела в окно и хотела увидеть сына.

— В общем-то, да. Я бы сказала... Он ударил меня. Но он был сам не свой от горя.

— Но в результате он убил вашего еще не родившегося ребенка?

— Не знаю. Во всяком случае, его будут судить не за убийство того ребенка.

— Нет, но, возможно, за убийство другого вашего ребенка. Если он мог сделать это однажды, то мог сделать и еще раз.

— Это нелепо. Сейчас все по-другому.

— Миссис Паттерсон, вы его защищаете? И на суде тоже будете защищать?

Именно это Палмеру хотелось выяснить. Требуется получить ответ заранее, пока она не преподнесла ему сюрприз на процессе. И чем дальше, тем сильнее она беспокоила его.

— Это не мое дело, мистер Палмер. Я никого не собираюсь защищать. Меня занимает одно: что с моим сыном.

— А мне нужно, чтобы восторжествовала справедливость.

— Справедливость — не главное. Жизнь Тедди для меня важнее любой справедливости. — Она пристально посмотрела на него и долго не отводила глаз.

Палмер уходил в очень плохом настроении. Паттерсон прав, она непредсказуема, ненадежна, ее поведение зависит только от эмоций, а может быть, даже прав этот шофер. Возможно, она таки влюблена в Чарльза Делони. Может быть, этим многое и объясняется. Правда, следствие не обнаружило ничего предосудительного в ее поведении до похищения. Самое худшее, что о ней можно сказать, это что она слишком много денег тратила на наряды, но ведь муж никогда не возражал.

Буквально через несколько минут после ухода Палмера приехал Джон Тейлор. Визиты к Мариэлле стали частью его ежедневного распорядка дня. Ему нравилось говорить с ней. Иногда они даже и не говорили, просто сидели, пили кофе и молчали. Ему нравилось просто быть с ней рядом. Случалось, что он торчал в доме несколько часов кряду, делая вид, что проверяет работу своих агентов, так что, спустившись вниз, она неожиданно встречала его. Он чувствовал себя мальчишкой. Они подсмеивались друг над другом, переглядывались украдкой, она приносила ему сэндвичи, а он протягивал руку и быстро дотрагивался до нее. Ему нравился запах ее духов, он любил гладить ее руки, а изредка ему особенно везло: когда никого не оказывалось поблизости, он получал шанс поцеловать ее. Он умирал от желания пойти с ней куда-нибудь, хоть просто погулять по весеннему городу или просто пойти в кино и купить пакет кукурузы — один на двоих. Только никуда они не могли пойти. Когда она переступала порог дома, она сразу превращалась в лакомую добычу для жадных акул-газетчиков. Приходилось прятаться в доме, сидеть и говорить. Джону казалось странным, что он так часто бывает в доме и так редко встречает Малкольма. Хозяина практически никогда нет дома. Впрочем, Тейлора это устраивало.

— Как дела? — шепотом спросил он, снимая пальто. Подъезжая к

дому, он увидел садящегося в такси Билла Палмера. — Палмер грозился?

— По-моему, он расстроен, что я не желаю Чарльзу электрического стула. Во всяком случае, такая перспектива не приводит меня в восторг.

— Могу тебя понять, — сказал Джон, касаясь ее руки; они прошли в библиотеку. — Что мне сделать, чтобы убедить тебя?

— Докажи... Покажи мне моего сына...

— Если бы я мог... Но ты твердо уверена, что Делони невиновен?

— Нет, — призналась Мариэлла. — Просто я не могу сказать, что на сто процентов уверена, что Тедди украл Чарльз. — Она по-настоящему мучилась от этой неуверенности. Иногда она утешала себя мыслью, что ей не придется выносить вердикт, как членам коллегии присяжных.

— Когда мы нашли пижаму в доме Делони, все обернулось против него, тебе это известно.

Само собой разумеется, она не хочет верить, что ребенок мертв. А если виновен Чарльз, а ребенка до сих пор не нашли, это означает, что он наверняка мертв. Может быть, потому она и сомневается в виновности Чарльза, что это дает ей надежду. Может быть, она не в силах посмотреть правде в глаза. Джону иногда казалось, что ребенка не найдут никогда. Он помнил, как нашли сына Линдбергов, как пришлось сообщать родителям, помнил их реакцию. У него самого есть дети, так что он в состоянии понять. И у Мариэллы теперь нет мужества признать неизбежное. А ему оставалось надеяться, что Тедди умер быстро и без мучений.

Хейверфорд принес им кофе, и Мариэлла спросила:

— Джон, как ты думаешь, что будет на суде? Тейлор заслужил расположение даже старика дворецкого, так как был добр к Мариэлле и вообще был неизменно доброжелателен. Когда он приходил, каждый обитатель дома почему-то чувствовал себя в безопасности. Только двум офицерам полиции приходило в голову, что интерес Тейлора к Мариэлле носит не только профессиональный характер. Но у них хватило ума держать язык за зубами. Так что тайна оставалась тайной, а чувства, похоже, крепки. Джон и Мариэлла все еще пытались жить мыслями о предстоящем судебном процессе, но оба понимали, что настанет день, когда им придется взглянуть друг другу в глаза и подумать о будущем. А пока что ничего решать они не будут. Впереди судебный процесс.

— Честно говоря, думаю, что тебе будет трудно. Они там начнут тащить из тебя такое, о чем тебе не захочется рассказывать, — в очередной раз сказал Джон, отхлебывая кофе.

— Я больше не могу ждать.

Мариэлла догадывалась, что во время судебного разбирательства ей

будет очень нелегко, но и до суда ей было не лучше, потому что Малкольм с момента ареста Чарльза Делони обращался с ней как с преступницей. Он вел себя так, как будто бы твердо знал, что она была с Чарльзом в сговоре или сама спровоцировала его на преступление. Теперь у него нельзя было искать защиты, он бросил ее, одинокую, в море страха.

— Кстати, не объявлялась больше Беа Риттер? Эта смелая рыжая журналистка вцепилась в дело Чарльза мертвой хваткой. От ее активности можно было сойти с ума. Она развернула в прессе настоящую кампанию в защиту Чарльза Делони. Она регулярно звонила Джону Тейлору, адвокату Чарльза Тому Армуру, следователям, государственному обвинителю. Несколько раз она звонила и Мариэлле, но Мариэлла не хотела с ней разговаривать. Сообщить ей было нечего, а пустой разговор с Беа мог только расстроить ее.

— По-моему, она вчера звонила. — Вдруг Мариэлла неожиданно спросила:

— Послушай, а она не влюблена в Чарльза?

Почему бы и нет? Она хорошенькая, тех же лет, что и сама Мариэлла, правда, ее решимости и энергии с избытком хватило бы на десятерых мужчин. Джон уставал от нее.

— Я сам об этом думал. Но ты же сама знаешь, существуют такие сумасшедшие бабы, готовые броситься на спасение любого преступника. Они с пеной у рта будут защищать своего подопечного. Они всегда забирают себе в голову, что их избранник невиновен. Может, она из таких, а может, просто газетная пронира.

— По-моему, она искренне за него переживает.

Когда я с ней говорила, она почти убедила меня.

— Я знаю. — Джон покачал, головой и отставил чашку. — Делони мог пойти на что угодно. В его положении он не побрезгует никакой помощью, и ему на руку материалы в газетах, где его выставляют овечкой. Надеюсь, такие материалы не помешают и нам. — Он решительно посмотрел на нее и встал. — Мариэлла, будь осторожна, не вздумай сыграть на руку защите. Ты можешь верить, можешь не верить в виновность Чарльза, но помогать им ты не должна.

Ей хотелось спросить, почему не должна, но ответ был известен. Им обязательно нужна правда: что случилось с Тедди на самом деле.

Тейлор уехал. Мариэлла снова осталась одна. Она пошла наверх, в детскую. Еще раз потрогать его вещи, перебрать его одежду, передвинуть игрушки. Ее по-прежнему все время тянет в комнату сына. А вот Малкольм, бедный, теперь даже не поднимается туда, настолько ему

тяжело.

На следующий день в первом часу приехал адвокат обвиняемого Том Армур. Он предварительно позвонил ей и попросил о встрече. Мариэлла перезвонила Джону Тейлору и спросила, следует ли ей встречаться с Армуром. Тейлор сказал, что криминала в такой встрече нет, но едва ли это разумно. Тем не менее Мариэлле было интересно, что за человек защищает Чарльза, и ей хотелось составить о нем представление до суда.

Малкольм уехал на несколько дней в Бостон, так что Мариэлла принимала Тома Армура одна. Она надела черное платье — в последние недели она одевалась почти исключительно в черное, как будто уже носила траур. Адвокат был в темно-синем костюме. Волосы у него были светлые, а в детстве, должно быть, были совсем белые. Карие глаза показались ей очень добрыми, но впечатление несколько изменилось, когда он заговорил. Он держался вежливо, но Мариэлле сразу стало понятно, что этот человек привык действовать решительно и смело. И при этом он пристально смотрел Мариэлле в глаза, как бы желая докопаться до истины, как бы глубоко она ни скрывалась.

Хейверфорд провел гостя в библиотеку, и после необходимого обмена любезностями адвокат, глядя Мариэлле в глаза, задал свой первый прямой вопрос:

— Я приехал до суда, потому что мне хотелось бы знать заранее, что примерно вы собираетесь говорить про моего клиента.

Поначалу Том Армур не хотел заниматься этим делом, считая, что Чарльз Делони типичный богатый наследник, пресыщенный жизнью и удовольствиями, но затем Чарльз расположил его в свою пользу, и в конце концов Том начал полностью доверять своему клиенту, потому и взялся его защищать.

— Что вы имеете в виду, мистер Армур? Из газет она знала, что Том Армур учился в Гарварде, затем стал младшим партнером в очень известной юридической фирме, ему еще нет сорока. Чарльз всегда имел дело с лучшими специалистами — что ж, он имеет на это право. Но не только прекрасная профессиональная репутация располагала в пользу Тома Армура. Он был красив, но даже не это бросилось Мариэлле в глаза. У адвоката умное и волевое лицо.

— Мистер Делони ввел меня в курс случившегося... м-м... несколько лет назад. Думаю, вы понимаете, что я имею в виду. — Он имел в виду смерть Андре, и Мариэлла почувствовала признательность за то, что он не стал говорить об этом прямо. — Он признает, что вел себя отвратительно, и теперь его поведение может быть неверно истолковано. Вы —

единственный человек, который может совершенно точно рассказать, что именно он делал и по какой причине. Итак, можете ли вы изложить свою версию?

— Я полагаю, Чарльз потерял рассудок от горя.

Да вы, наверное, знаете, я тоже. Мы оба вели себя очень глупо. Только это было давно.

Ей стало грустно, а адвокат наблюдал за ней. Она красивая женщина, и у нее, подумал Том Армур, самые грустные глаза на свете. Эта женщина начала его интересовать. Теперь ему стало понятно, почему Чарльз Делони любит ее до сих пор. Но адвокат хотел понять, как же она сама относится к своему бывшему мужу. Делони настаивает на том, что ни он, ни она к похищению ребенка отношения не имеют. Из-за Малкольма Мариэлла отказалась встретиться с Чарльзом еще раз, и для Тома Армура это был убедительный довод в ее пользу.

— Как вы считаете, мой клиент — опасный человек?

Важный вопрос, на него нелегко ответить сразу.

— Нет. Я думаю, он способен на необдуманные поступки, он может приходиться в неистовство. Иногда может совершить явную глупость. — Она улыбнулась, но ответной улыбки не последовало. — Но я не думаю, что он по-настоящему опасен.

— Как вы считаете, имеет ли он отношение к похищению вашего ребенка?

Она долго молчала, стараясь найти по возможности точный ответ.

— Не знаю.

Мариэлла заглянула в его глаза и увидела, что адвокат ей симпатичен. Он честен, такому человеку можно доверять. Если бы они познакомились при менее печальных обстоятельствах, он понравился бы ей еще больше. Еще Мариэлла подумала, что Чарльзу повезло с защитником.

— Я не знаю. Наверное, имеет. Есть доказательства. Но когда я думаю о нем... А я когда-то знала его... Я не могу себе представить, чтобы он...

— А если ребенка все же похитил он, мог ли он причинить вред мальчику?

— Знаете... Я не могу допустить, что это возможно.

Если она допустит, что это возможно, ее рассудок этого не вынесет.

— Если он мог украсть ребенка, то, как по-вашему, для чего? Из мести за того ребенка, которого вы когда-то потеряли? Или со зла на вас, что вы не захотели с ним встречаться? А он все еще любит вас...

— Я ничего не знаю.

Ей самой очень хотелось бы знать точные ответы на все эти вопросы.

— Вы не считаете возможным, что преступление совершил кто-то другой и желает теперь подставить Чарльза Делони?

На этой версии настаивает сам Чарльз, и Том Армур поверил ему в конце концов.

— Почему же, возможно. Но кто? И если Тедди не прятали в доме Чарльза, то как к нему попали пижама и медвежонок?

Защита тоже задавалась этими вопросами. На них действительно сложно ответить. Единственный возможный ответ — люди, похитившие ребенка, подбросили эти вещи, чтобы навлечь обвинение на Чарльза. Довольно натянутое объяснение. Откуда в таком случае похитители вообще узнали о существовании Чарльза? Вот самое слабое место защиты. Но есть и козырь. Сама мать похищенного ребенка не убеждена, что Чарльз Делони способен на такое преступление. Впрочем, у Армура сложилось впечатление, что на эту женщину можно повлиять, а это опасно для Чарльза.

Он задал ей еще несколько вопросов, сделал какие-то пометки в блокноте, затем захлопнул портфель и поблагодарил Мариэллу. Тогда она поднялась, взглянула на него и решила говорить открыто:

— Мне не советовали с вами сегодня встречаться. Криминала, мол, в этом нет, но это «неразумно». — Она повторила слова Джона, сознавая, что Малкольм и государственный обвинитель придут в бешенство от ее откровенности, если узнают.

— Тогда почему же вы согласились? На него произвела впечатление не столько ее внешность, сколько мягкие манеры и какое-то внутреннее спокойствие. Трудно поверить, чтобы эта женщина когда-то лечилась в клинике для душевнобольных. Наверное, тогда она просто отдалась на милость судьбы и решила умереть. Так объяснял ему Чарльз. Как бы то ни было, сейчас она полностью вернулась к жизни, и под внешней невозмутимостью скрывался острый ум и сильный характер. Ему было приятно с ней говорить.

— Мистер Армур, мне нужна только правда. Больше я ничего не хочу. Не только для того, чтобы свершилось правосудие. Если Тедди мертв, я хочу... да, я хочу знать, кто убил его и почему... А если мой сын жив, я хочу, чтобы его нашли... Я должна узнать, где он, вы понимаете это?!

Том Армур кивнул. Он все понял. И у него были причины хотеть того же.

— Надеюсь, миссис Паттерсон, что мы его найдем. Как ради него самого, так и ради вас... и ради мистера Делони.

— Благодарю вас.

В передней Хейверфорд подал Армуру пальто. Мариэлла наблюдала за ним с лестницы. Он казался таким человеком, который может решительно взять дело в свои руки и не выпускать. Она позавидовала его уверенности. Но в нем помимо уверенности было еще что-то. Он внимательный, сильный, умный. Возвращаясь в библиотеку, она опять подумала о том, как повезло Чарльзу, что у него такой адвокат.

Глава 10

Суд начался холодным мартовским днем. Дул пронизывающий ветер, моросил дождь. Присяжные, репортеры, публика заполнили зал. На этой неделе Гитлер вошел в Прагу и объявил об аннексии Чехословакии. Но даже Малкольм, который в любое другое время был бы чрезвычайно заинтересован столь важными политическими новостями, сейчас остался почти равнодушен. Все его мысли были поглощены приближавшимся процессом «Соединенные Штаты против Чарльза Делони».

Слушание дела должно было начаться в час дня.

Малкольм и Мариэлла прибыли к зданию суда в лимузине, за рулем которого сидел полицейский. Их сопровождали четыре агента ФБР, одним из которых был Джон Тейлор. Он был рад, что представилась возможность хоть как-то поддержать Мариэllu. А ей его присутствие помогало справиться с волнением. Малкольм не произнес по пути ни единого слова. Его молчаливая враждебность последних месяцев страшно угнетала Мариэllu. Когда они вышли из машины, лицо ее было такого же серого оттенка, что и пальто. Малкольм молча взял ее под руку, и они поднялись по ступеням Дворца правосудия. Ветер едва не сдул шляпу с ее головы. Репортеры шумно налетели на них, и агентам ФБР пришлось прокладывать им путь. В зале суда Мариэлла окончательно поняла, какие неотвратимые испытания ждут ее здесь. И даже когда все это кончится, Тедди не вернется к ней. А раз так, зачем все это нужно? Его нет три месяца, и исчезли все надежды увидеть сына живым. Теперь оставались только юридические игры, кому это интересно?

Мистер и миссис Паттерсон заняли отведенные им места в первом ряду. Джон Тейлор сел рядом с Мариэллоу, его помощник занял место около Малкольма. За их спинами расположились еще двое агентов ФБР и двое полицейских в форме, так что безопасность была обеспечена. Бригитта уже ожидала их в зале суда. Она с участием взглянула на Мариэllu и сдержанно поклонилась Малкольму. Через несколько минут секретарь суда предложил всем присутствующим встать. Вошел судья в черной мантии и оглядел зал. Высокий седой мужчина с резкими чертами лица ей чем-то напоминал Малкольма. Малкольм был с ним поверхностно знаком. Судья пользовался репутацией сурового блюстителя закона, и Малкольм не стал возражать, когда выбор пал именно на него.

Судья занял свое место и посмотрел в зал. Наступило молчание, и

присутствующие заерзали под его мрачным взглядом, особенно газетчики, на которых он смотрел слишком пристально. Его неторопливый взгляд скользнул по лицам присяжных, четы Паттерсон, обвиняемого, прокурора, адвоката.

— Меня зовут Авраам Моррисон, — заговорил он звучным голосом. — Предупреждаю, что я не потерплю никакого нарушения порядка в зале суда. Если кто-либо поведет себя неподобающим образом, его выведут отсюда, он и оглянуться не успеет. Малейшее неуважение к суду — тюремное заключение. Недозволенные действия любого журналиста — пресса удаляется из зала до окончания процесса. Всякая попытка оказать давление на члена коллегии и вообще всякая попытка общения с членом коллегии присяжных сурово карается. Всем ясно, что я хочу сказать? — Поднялся легкий шум, присутствующие утвердительно закивали. — Рассматривается очень серьезное дело. По подобным обвинениям закон предусматривает смертную казнь. От данного процесса зависит жизнь человека. Возможно, погиб ребенок. К делам такого рода я отношусь со всей серьезностью. — Он снова вперил взгляд в группу газетчиков. — Если вы будете оказывать давление на кого бы то ни было, то немедленно окажетесь за дверью. Понятны ли вам правила поведения в этом зале?

Все сидели молча, несколько испуганные решительным тоном судьи.

— Я ясно выразился? — пророкотал судья. Нестройный хор голосов ответил:

— Да, сэр.

— Очень хорошо. Значит, мы можем начинать. Никому не будет позволено превращать судебное заседание в балаган. Это всем следует усвоить с самого начала.

Судья Моррисон водрузил на нос очки и погрузился в чтение лежащих перед ним бумаг. Мариэлла глянула на обвиняемого. Со времени их последней встречи Чарльз исхудал, побледнел, прибавилось седины на висках. На нем был темно-синий костюм, белая рубашка и темный галстук, выглядел он солиднее, чем большинство присутствующих, но сейчас это не имело никакого значения. Том Армур выглядел озабоченным. Он был в полосатом костюме и казался моложе, чем недавно в доме Паттерсонов. Мариэлла не рассказывала Малкольму об их встрече.

Судья Моррисон снова строго оглядел зал и заговорил:

— Я полагаю, все мы знаем, для чего мы здесь собрались. Рассматривается дело о похищении несовершеннолетнего. Похищен четырехлетний Теодор Уитмен Паттерсон. В этом зале присутствуют его

родители.

Судья сделал неопределенный жест в сторону Мариэллы и Малкольма, и Мариэлла почувствовала, как гулко забилося ее сердце. Трудно было себе представить, что после трех месяцев, в течение которых дело постоянно освещалось в прессе, кто-нибудь мог не знать, кто они такие, но судья Моррисон, по-видимому, был обязан представить их публике. Судье нравилась торжественность судебных процедур, атмосфера почтительности к правосудию, но он не оставлял без внимания и личности участников процесса.

— Имя и фамилия обвиняемого — Чарльз Делони. Основной принцип юриспруденции гласит (я обращаюсь к членам коллегии), что мистер Делони является невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана. Прокурор, мистер Уильям Палмер, — жест в его сторону, — должен убедить вас, дамы и господа, что мистер Делони виновен, причем у вас не должно оставаться аргументированных сомнений. А мистери Армуру, — снова жест, — предстоит убедить вас в том, что обвиняемый невиновен. В случае, если мистер Палмер не справится со своей задачей, иными словами, если вы не будете абсолютно убеждены в том, что мистер Делони похитил ребенка, вы будете обязаны оправдать мистера Делони. Вы должны слушать предельно внимательно, ибо на вас возложена серьезнейшая ответственность. Теперь я должен вам сообщить, господа присяжные, что я обязан вас изолировать. Вас поместят в отель, где вы будете проживать на полном пансионе в течение всего процесса. Все издержки отнесены на государственный счет. Вы сможете общаться только друг с другом и ни с кем более. Вам нельзя будет позвонить детям, супругу или супруге, пойти в гости или в кино. Вам придется постоянно находиться в отеле вместе с другими членами коллегии, пока не придет время беспристрастно исполнить ваш долг. Это будет нелегко, так как на ваше решение будут пытаться повлиять газеты, радио. Вы не должны дать сбить себя с толку, подпасть под их влияние. Если для кого-либо из вас полная изоляция на срок до нескольких недель неприемлема по состоянию здоровья или же по семейным обстоятельствам, прошу вас сделать об этом заявление, когда будет произнесено ваше имя. Нам нужно отобрать двенадцать членов коллегии и двух резервных членов. Благодарю вас, дамы и господа, за помощь.

Закончив, судья повернулся к судебному приставу и велел ему огласить список присяжных.

Первой в списке была женщина, которая так боялась ожидавших ее обязанностей, что ее трясло в буквальном смысле слова. Даже Мариэлла

заметила это, когда эта женщина шла к своему месту в зале.

Следующей кандидатурой была еще одна женщина, старая хромая негритянка, которой стоило больших трудов добраться до своего кресла. За ней — двое мужчин средних лет, одноногий инвалид лет сорока, молодая китаянка с невероятно длинными волосами, заплетенными в косички, симпатичный молодой чернокожий, две милостивые молодые женщины, дама средних лет, которая как уставилась на Малкольма и Мариэллу, так и не сводила с них глаз, еще двое мужчин и (резервные члены коллегии) две особы женского пола, не поддающиеся описанию.

Когда все присяжные расселись по своим местам, судья Моррисон предоставил слово прокурору.

— Здравствуйте. Меня зовут Уильям Палмер, я представляю обвинение от имени правительства Соединенных Штатов и американского народа. В этом деле я представляю вас, и в борьбе против обвиняемого, — прокурор указал рукой на Чарльза, — мне понадобится ваша помощь. Мы полагаем, что этот человек похитил четырехлетнего Тедди Паттерсона за двенадцать дней до Рождества. — То обстоятельство, что преступление было совершено незадолго до Рождества, ничего не меняло по существу, но родителям Тедди от этого действительно было еще тяжелее. — Если кто-то из вас знаком с этим человеком, или со мной, или с защитником обвиняемого мистером Армуром, или с кем-либо из наших близких, вы должны заявить об этом, поскольку в этом случае вы не сможете быть беспристрастны. Сделайте заявление, когда судья назовет ваше имя и род занятий. Причина вашего отвода будет признана уважительной.

Он неожиданно сел, и слово взял Том Армур, который тоже представился, и Мариэлла заметила, что на присяжных он произвел намного более благоприятное впечатление, чем прокурор. Он говорил с ними не свысока, как государственный обвинитель, и голос у него был не такой скрипучий. Он разъяснил, что мистер Делони попал на скамью подсудимых в силу трагического стечения обстоятельств, так как в руках суда имеются два предмета, которые имеют отношение как к его подзащитному, так и к делу о похищении, но нет прямых доказательств, что именно его подзащитный совершил похищение и вообще как-либо участвовал в преступлении. Мариэлла заметила, что во время его речи некоторые члены коллегии присяжных согласно кивали головой. Затем Том Армур сел и поблагодарил присяжных за содействие с такой искренней улыбкой, что две девушки в коллегии захихикали, а судья глянул в их сторону, грозно сдвинул брови и хрипло сказал:

— Уважаемые леди, позвольте напомнить вам, что мы здесь не

развлекаемся. Сейчас, — он исподлобья оглядел всех присяжных, — нет ли у кого-либо проблем медицинского характера, которые сделали бы длительную изоляцию невозможной?

Старая негритянка подняла руку. Моррисон улыбнулся и спросил:

— Да? Ваше имя, мисс?

— Руби Фримен.

— Слушаю вас.

— У меня больные ноги. Страшный артрит. Все время болят. — Она печально посмотрела на судью. Он с участием кивнул:

— Я понимаю вас.

— Иногда я не могу пошевелиться. Моя дочь... заботится обо мне. А я сижу с ее маленькими детьми, когда она на работе. — На глазах старухи показались слезы. — Если я не приду домой... Она не сможет пойти на работу. Ее мужа убило на фабрике...

Истории людских несчастий, как правило, могут продолжаться бесконечно.

— Суду все ясно. Ваша дочь могла бы попросить кого-нибудь временно посидеть с ее малышами. Но как вы думаете, ваша болезнь не помешает вам исполнить ваш долг?

— Боюсь, что помешает, ваша честь. Если у вас нет артрита, вы не знаете, что это такое. Мне восемьдесят два года, боли меня мучают двадцать лет, и я уже чуть жива.

— Поверьте, мне очень жаль. У вас, безусловно, уважительная причина. Спасибо за то, что вы пришли сюда, — вежливо сказал судья. Больше никто руки не поднял. Когда судья собрался продолжать, его перебила первая женщина, та, что так заметно нервничала. Она просила ее извинить, так как у нее желчные камни, она с трудом понимает по-английски, муж ее болен и нуждается в постоянном уходе. Они с мужем граждане США, но немцы по происхождению. Судья Моррисон не дал ей продолжать и также признал ее причины уважительными. Китайка с длинными косами вообще не понимала по-английски, и ее также освободили от участия в процессе. Две девушки снова захихикали в ходе этих объяснений, и судья вторично сделал им внушение. Затем встал Уильям Палмер и приступил к опросу присяжных, за ним — Том Армур, и кандидатуры стали отпадать одна за другой.

Оба мужчины средних лет оказались бизнесменами, и их оставили в коллегии. Оба были женаты и оба имели внуков приблизительно одних лет с Тедди. Одноногий сказал, что ему сорок два, что ногу он потерял на фронте во время мировой войны и сейчас работает страховым агентом в

компании по страхованию путешественников. Молодой чернокожий днем работал на почте, а по вечерам играл на тромбоне в «Смоллс Парадайз», и жениться ему было некогда. При этих словах все рассмеялись. Девушек из коллегии вывели, так как судья сказал, что они не в состоянии серьезно относиться к своим обязанностям. Им обеим исполнился двадцать один год, обе были не замужем. Судебный процесс представлялся им игрой, так что факт их изгнания должен был послужить примером для остальных. Женщина средних лет, которая все время таращила глаза на Малкольма и Мариэллу, работала секретаршей и также не была замужем. По ее лицу невозможно было отгадать, сочувствует ли она Чарльзу. Она постоянно смотрела на Паттерсонов, так что один раз судья был вынужден напомнить ей, что присяжным следует быть предельно внимательными. В конце концов защитник дал ей отвод, и двум мужчинам вслед за ней также. Зато к резервным членам у обеих сторон не было претензий. Таким образом, в коллегии образовалось восемь вакантных мест, и их заполняли еще четыре дня. В итоге состав получился довольно любопытный. Двое относительно молодых дедушек остались, хотя Мариэлла думала, что Том захочет от них избавиться, так они явно симпатизировали обвинению. Если бы на суде рассматривалось чье-нибудь постороннее дело, Мариэлле было бы интересно следить за тем, как прокурор и адвокат формируют коллегию присяжных. Остались в коллегии также одноногий ветеран и чернокожий музыкант. Появился еще один мужчина, потомок китайских иммигрантов, профессор экономики в Колумбийском университете. Все остальные члены, в том числе и резервные, были женщины. Самая младшая из них была старше Мариэллы, имела троих детей. Все дети были гораздо старше Тедди. Еще одна женщина тридцать лет провела в монастыре, а недавно сложила с себя обет и уехала домой, чтобы ухаживать за умирающей матерью. Мать умерла, а дочь решила не возвращаться в монастырь. Замужем не была никогда. Еще в коллегию попали две подруги, незамужние учительницы, работающие в одной и той же школе. И наконец, три очень обыкновенного вида женщины, замужние, не имеющие детей и работающие в крупных фирмах на незначительных должностях. Одна из них когда-то работала секретарем у юриста, но специальных знаний в юриспруденции не имела, и ни обвинитель, ни защитник не дали ей отвода. Таким образом, в коллегию попали добропорядочные и достойные граждане.

Формирование коллегии закончилось в пятницу после полудня, и судья велел присяжным отправляться домой и пожелал им приятно провести выходные, так как с понедельника начиналась их изоляция. Кроме того, им

надлежало не читать газетных материалов, посвященных делу Чарльза Делони, и не слушать радио.

После этого в судебном заседании был объявлен перерыв до понедельника, и Мариэлла удивилась, насколько она измучена, хотя все пять дней шло только формирование коллегии. Но процедура казалась бесконечной. Эти люди утомительно долго рассказывали о себе, а затем адвокат и прокурор неторопливо решали, дать им отвод или оставить в коллегии. Наконец Чарльза увели в тюрьму, Том Армур прошел мимо них, не подав вида, что уже знаком с Мариэлкой. Тогда супруги Паттерсон тоже поднялись со своих мест.

Агенты ФБР отвезли их домой, и в тот же день к Малкольму явился Билл Палмер. Мужчины надолго закрылись в библиотеке, и Мариэлла, которую они не пригласили на свое совещание, пила кофе в обществе Джона Тейлора. Новостей у него, как всегда, не было, но после изнурительной недели в суде ей хотелось отвести душу, болтая с человеком, который сочувствует ей.

Во Дворце правосудия часто повторялась одна и та же сцена: едва Мариэлла выходила из зала суда, к ней подлетала Беа Риттер и просила о встрече. Она и сегодня звонила, но Мариэлла не подошла к телефону. Она слишком устала, чтобы слушать мольбы Беа и страстные речи в защиту Чарльза. Мариэлла не хотела ему помогать.

— Она всего лишь девочка, — заметил Тейлор, — и наверняка без ума от него.

— Он умеет сводить с ума, — улыбнулась Мариэлла. От этого человека у нее нет секретов. — Меня, например. Правда, надо учесть, что мне было восемнадцать лет.

— Неужели и сейчас тебя еще тянет к нему? — Джон Тейлор казался обеспокоенным.

— Сейчас я поумнела.

Но это не значит, что она желает ему смерти, если он смерти не заслужил. Ее это терзало, а ФБР все еще не могло пролить свет на это преступление. На этой неделе в Коннектикуте видели мальчика, который был, возможно, похож на Тедди.

Сигнал проверили, оказалось — полная чушь, как и десятки раз до того.

— Ты устала, — мягко сказал Тейлор. Мариэлла подлила ему кофе.

— Трудная неделя была.

— А следующая будет — не сравнить. И еще не одна трудная неделя тебя ждет.

Ему лучше знать, он знаком со всеми этими людьми, ему известно, что вообще делается на судах. Обвинитель — грубый сукин сын и мечтает выиграть процесс. Он знает, что за процессом следит вся страна, в том числе сам президент Рузвельт, и хочет любой ценой вырвать победу у защиты. Армур — тоже боец, хотя методы у него более джентльменские, но он умеет докопаться до сути и разгромить противника. И оба они не постесняются вытянуть из нее самые неприятные воспоминания.

— Ты к этому готова?

Он действительно боится за нее. Она стойкая, но и хрупкая одновременно, поэтому не надо бы ей опять проходить через всю эту муку. Он хорошо помнит, с какой болью она впервые рассказывала ему об Андре. Но она неплохо держится, особенно если учесть, что уже три месяца с ней нет Тедди.

— Что бы ни случилось, — сказал он, — не дай им запугать тебя. Не позволяй им подумать, что ты виновата. Ты сама знаешь, что это не так.

Он лучше всех знал, что призрак прошлого преследовал Мариэллу все эти годы. Поэтому он так старался поддержать ее.

— Ах, если бы Малкольм тоже так думал. В чем он только не винит меня! Даже в том, что я привела Чарльза в нашу жизнь, и эта глупость стоила нам Тедди.

— Тебе это было не больше нужно, чем ему, — парировал Джон Тейлор.

Ну и дурак же этот Малкольм. Вот и он — идет по коридору с Биллом Палмером. Тейлор вышел дать указания одному из своих людей, и Малкольм, проходя мимо, щелкнул пальцами, желая привлечь его внимание. С Джоном Тейлором вряд ли было позволительно так обращаться.

— Мистер Тейлор, государственному обвинителю нужно ваше содействие, — сказал Малкольм. Не за что уважать этого Тейлора. Он ничего не добился, разыскивая Тедди. — Нам необходима кое-какая информация.

— Насчет Делони?

Палмер кивнул и предложил:

— Давайте пройдем куда-нибудь поговорим. Тейлору совершенно не понравился этот разговор. Прокурор предложил разворошить все грязное белье. Тейлор возразил, что к Тедди эти моменты прошлого не имеют никакого отношения. Прокурор хотел, чтобы Тейлор раскопал какие-нибудь неприглядные факты, касающиеся жизни Мариэллы с Чарльзом.

— Какое это имеет отношение к делу?

— Господи, это поможет нам очертить характер обвиняемого. Мы не можем себе позволить разыгрывать добреньких. Нам надо победить.

— Что значит победить? Отправить на электрический стул невинного или все-таки найти настоящего преступника? Палмер, если этот человек — преступник, то таким дерьмом заниматься не понадобится.

— Ладно, этим может заняться и кто-нибудь Другой.

— Так вот к чему у вас сводится дело? Осудить любой ценой? А о ней вы не подумали? Что будет с ней?

Если Чарльз виновен, то никому и не придется говорить о Женеве, о смерти Андре и о психиатрической клинике.

— Чувства миссис Паттерсон — не моя проблема. К тому же ее собственный муж разделяет мое мнение. Послушайте, если нам не понадобится к этому прибегать, мы это и не используем.

— Очень приятно, — саркастически отозвался Тейлор.

Теперь ему стало окончательно ясно, что тактика Тома Армура ему больше по душе. Защитник работает намного чище. Тейлор не хотел верить, что Паттерсон готов принести Мариэллу в жертву, лишь бы присяжные осудили Делони. Но Малкольм не скрывал своей твердой уверенности в том, что Делони похитил и убил его сына, и он сделает все, что в его силах, чтобы был вынесен обвинительный приговор. Может быть, думал Тейлор, его и нельзя строго судить за это. Во всяком случае, следует снабдить их кое-какой, по возможности безвредной, информацией. Это позволит предугадать дальнейшие шаги Палмера и предупредить Мариэллу, что ее может ждать на процессе. Однако Тейлор не знал, о чем Малкольм наводит справки по своим каналам и о чем имеет представление без помощи ФБР.

Мариэлла почти не заметила, как пролетели выходные. В понедельник утром они снова были в суде, и процесс начался всерьез.

Глава 11

Вступительные речи сторон прозвучали гораздо жестче, чем обращения к присяжным во время процедуры утверждения. Оба теперь сказали кое-что неприятное, но говорили оба достаточно ярко, и их слова врезались в память присутствующих.

Во вступительном слове государственный обвинитель попытался уверить присяжных и всех присутствующих, что перед ними на скамье подсудимых сидит, безусловно, похититель маленького мальчика, возможно, детоубийца, человек, применявший в прошлом насилие к женщинам, человек, который убивал людей, не моргнув глазом, лжец, коммунист, одним словом, человек, представляющий угрозу для всех честных американцев. Он рассказал, как юного Тедди Паттерсона унесли из родительского дома глубокой ночью, под покровом тьмы, причем присматривавших за ним женщин усыпили хлороформом, связали, заткнули им рты кляпом и запросто могли убить, а ребенок исчез бесследно, с тех пор его не видели живым, так что он, вполне вероятно, мертв, зарыт где-то в канаве и навсегда потерян для тех, кто любил его.

Слушая прокурора, Мариэлла вцепилась в ручки своего кресла. Казалось, Палмер может часами распространяться о том, какое зло нес в мир Чарльз, каким хорошим человеком мог бы стать Тедди и какая утрата для общества бессмысленная смерть этого мальчика. Но если это верно, если Тедди никогда не вернется, тогда Мариэлла готова была согласиться с Палмером. Но так страшно поверить, что сын потерян навсегда.

Вступительное слово Тома Армура прозвучало более оптимистично. Он сказал, что Чарльз Делони — честный, очень достойный, а в некотором смысле очень несчастный человек. Девять лет назад он потерял сына и еще не родившуюся дочь, потерял семью, так что он знает на собственном опыте, как тяжело терять детей, и именно поэтому он никогда не смог бы принести вред ребенку или украсть его у любящих родителей. Он храбро сражался в мировую войну, а затем на фронтах гражданской войны в Испании. Он не коммунист. Он просто верит в свободу. Образованный, умный, храбрый и глубоко несчастный человек, он был способен на неразумные поступки или неразумные слова, но никогда не смог бы пойти на такое преступление. Защита обещает доказать, что он невиновен. Далее защитник напомнил, что мистера Делони судят по обвинению в похищении ребенка, а не по обвинению в убийстве. И если присяжные внимательно

рассмотрят имеющиеся в их распоряжении доказательства, они обязаны будут оправдать его подзащитного. Говоря, Том Армур медленно прохаживался перед скамьей присяжных, обращаясь непосредственно к ним, причем не с высоты своего положения, а как к равным, как к своим друзьям, уверенный, что они поймут и поддержат его. В таких речах он был истинным мастером, им в эти минуты можно было наслаждаться. Затем он пояснил, что господин государственный обвинитель первым будет вести судебное следствие, вызывать свидетелей, которых он, Том, будет подвергать перекрестному допросу, а сам он приступит к судебному следствию лишь после того, как прокурор опросит всех своих свидетелей. И Армур еще раз подчеркнул, что обвинению предстоит доказывать, да так, чтобы у присяжных не осталось обоснованных сомнений, что Чарльз Делони похитил Тедди Паттерсона, а если прокурор не сумеет их убедить, им нужно будет оправдать Чарльза, нравится им обвиняемый или нет. Однако Том уверил их, что в ходе своего судебного следствия они обязательно поймут, что обвинения предъявлены мистеру Делони несправедливо.

Когда защитник закончил вступительное слово, наступило тягостное молчание, которое нарушил судья Моррисон и предложил обвинителю вызвать первого свидетеля. Мариэлла с изумлением услышала свое имя. Она и понятия не имела, что прокурор вызовет ее первой. Проходя на свидетельское место, она глянула на Джона, и он постарался взглядом успокоить ее, но сам он очень переживал за Мариэллу, потому что от Палмера не приходилось ждать пощады. Тейлор навел свои справки и узнал, что Палмер не сообщил прокурору ничего неожиданного. Но он не знал наверняка, что удалось выудить Палмеру из бесед с Малкольмом без его содействия.

Мариэлла встала на свидетельское место и тщательно разгладила складку на своем черном платье. Страшно нервничая, окинула взглядом зал. И долго-долго Билл Палмер важно прохаживался перед своим столиком, внимательно глядя на нее. Он смотрел так, как будто не узнавал ее или подозревал в чем-то. Несколько раз он перевел взгляд с нее на обвиняемого, как бы намекая, что между ними существует некая связь, ему, прокурору, непонятная. Своим молчанием он старался внушить присяжным мысль, что что-то с этой женщиной не в порядке. А Мариэлла нервничала все сильнее. Она посмотрела на судью, на Малкольма — он отвернулся, на Джона, который посмотрел на нее очень серьезно, и наконец услышала первый вопрос:

— Пожалуйста, назовите суду ваше имя.

— Мариэлла Паттерсон.

— Полное имя, пожалуйста.

— Мариэлла Джонсон Паттерсон. Мариэлла Анна Джонсон Паттерсон, — она улыбнулась, но лицо прокурора оставалось непроницаемым.

— Другие имена есть?

— Нет, сэр.

Две женщины на скамье присяжных заулыбались, и Мариэлле стало чуть легче. Но руки у нее по-прежнему дрожали, так что их пришлось сцепить вместе.

— Носили ли вы когда-либо другую фамилию, миссис Паттерсон? — Теперь она знала, о чем он будет ее спрашивать.

— Да.

Но зачем? Чего он ждет, заводя разговор о прошлом? Мариэлла не могла понять.

— Назовите, пожалуйста, эту фамилию. Прокурор произнес эти слова отрывисто, как будто уже одной этой просьбой хотел напугать Мариэлла. Она опять не смогла увидеть глаз Малкольма.

— Делони, — тихо проговорила она.

— Будьте любезны погромче, чтобы вас слышали присяжные.

Она покраснела. Чарльз с сочувствием посмотрел на нее. Она повторила громче:

— Делони.

Вдруг Палмеру стало жаль Мариэлла. Он пожалел ее даже сильнее, чем жалел Джон Тейлор, потому что знал, что именно последует дальше. Палмер на самом деле умнее, чем могло показаться на первый взгляд. Он подорвет доверие суда к ней так, что ее последующим показаниям уже не будет веры. Это его мощнейший козырь. В результате такой тактики она уже не сможет посеять сомнения в виновности Чарльза.

— Связывают ли вас с обвиняемым родственные отношения?

— Мы были мужем и женой.

— Когда вы поженились?

— В 1926 году, в Париже. Мне было восемнадцать лет.

— Расскажите о вашей свадьбе. — Прокурор внешне был дружелюбен, он даже улыбался ей. Но она знала, что он намерен развенчать ее. — Ваши родители были довольны вашим выбором?

— Нет. Мы убежали от моих родителей.

— А-а... — Он даже разволновался, как будто бы она сказала что-то, что не входило в его планы. Он как бы просил у нее прощения. — Долго ли

продолжался ваш брак?

— Строго говоря, пять лет. До 1931 года.

— А потом вы развелись?

— Совершенно верно.

На лбу у Мариэллы выступила испарина. Только бы не затошнило.

— Миссис Делони... О, простите, миссис Паттерсон... — Он как будто оговорился, но оговорка была сделана намеренно, чтобы подчеркнуть, что на свидетельском месте стоит не кто иной, как бывшая жена Чарльза. — Не будете ли вы так любезны, не расскажете ли нам, почему вы разошлись? Разумеется, если вы ничего не имеете против...

Расскажет, конечно, а что ей еще остается?

— Я... Мы... Мы потеряли нашего сына. И оба не смогли оправиться от этого горя.

Она произнесла это так спокойно и с таким достоинством, что и Чарльз, и Тейлор залюбовались ею. У обоих во время ее допроса сердце было готово выпрыгнуть из груди, но она не подозревала об этом.

— Я полагаю, именно из-за этого и расстроился наш брак.

— Скажите, это послужило единственной причиной вашего развода?

— Да. До тех пор мы были счастливы.

— Понятно. — Прокурор понимающе кивнул, и Мариэлла почувствовала, что начинает его ненавидеть. — Где вы находились, когда развод был оформлен?

Она не поняла смысла этого вопроса, но Тейлор понял сразу.

— В Швейцарии.

— По какой причине вы прибыли в Швейцарию?

Вот теперь она поняла: он старается совершенно уничтожить ее в глазах присяжных. Но это ему не удастся. Если ее не уничтожила смерть троих детей, то ничто и никто, ни этот человек, ни этот суд, ни все эти допросы уже не могут ей повредить.

— Я находилась на лечении.

— Вы были больны?

Она не будет ему подыгрывать, он вытянет из нее минимум сведений. Конечно, он знает, какие вопросы ему нужно задавать и для чего, но она теперь тоже знает это.

— Я испытала серьезное нервное потрясение, когда погиб наш сын.

— Расскажите подробнее о причинах. При каких обстоятельствах умер ваш сын? Долго ли он болел?

На ее глазах выступили слезы, но она не должна давать им воли. Губы ее задрожали, но она моргнула и ответила четко и внятно:

— Он утонул.

Вот так. Больше ничего не надо говорить. Так написано в свидетельстве о смерти. Андре Чарльз Делони, возраст — два года пять месяцев, причина смерти — утопление.

— Вы были причастны к этому... несчастному случаю:

Последние два слова обвинитель произнес с заметным нажимом, явно с намерением подчеркивая их. Отчаянно жестикулируя, Чарльз что-то зашептал Тому. Адвокат немедленно вскочил на ноги и заявил:

— Я протестую, ваша честь. Прокурор оказывает давление на свидетеля и намекает, что ребенок погиб по вине миссис Паттерсон. Но это не нам решать. Сейчас рассматривается дело моего подзащитного, а не миссис Паттерсон.

Судья Моррисон поднял бровь, удивленный словами Тома Армура.

— Протест принят. Пожалуйста, не усердствуйте так, господин прокурор.

— Прошу прощения, ваша честь. Сформулирую вопрос по-другому. Не чувствовали ли вы своей вины за происшедшее?

Этот вариант оказался еще хуже, так как оставлял открытым вопрос, погиб ли ребенок по ее вине.

— Чувствовала.

— И поэтому у вас случился нервный срыв?

— Полагаю, что поэтому.

— Вы были в Швейцарии в клинике неврозов?

— Да.

Теперь ее голос звучал мягче. И Чарльзу, и Тейлору было безумно жалко ее. Малкольм Паттерсон смотрел прямо перед собой. Его лицо оставалось непроницаемым.

— Таким образом можно сделать вывод, что ваша психика была расстроена.

— Горе было слишком велико.

— Сколько времени вы провели в клинике неврозов?

— Около двух лет.

— Точнее говоря, больше двух лет?

— Чуть больше.

Том Армур снова ринулся в бой:

— Вынужден снова напомнить, что миссис Паттерсон не является сегодня подсудимой.

— Протест принят. Мистер Палмер, к чему вы клоните? Такими темпами мы не опросим всех свидетелей и за полгода.

— Немного терпения, ваша честь, сейчас все станет ясно.

— Хорошо, господин прокурор, продолжайте.

— Благодарю вас, сэр. Итак, миссис Паттерсон, — он повернулся к Мариэлле, — более двух лет вы провели в клинике для душевнобольных, правильно?

— Да.

Теперь Палмер был вполне доволен ею.

— За это время вы ни разу не пытались покончить жизнь самоубийством?

Все-таки она на секунду растерялась.

— Пыталась.

— Может быть, такие попытки повторялись?

— Да.

— Сколько раз?

Мариэлла на мгновение задумалась и невольно бросила взгляд на левое запястье. Там уже не было шрамов — хирург, делавший ей пластическую операцию, знал свое дело.

— Семь или восемь раз, — ответила она, не поднимая глаз. Такими достижениями гордиться не приходится. Скорее надо было сказать, что не помнит.

— Это из-за того, что вы чувствовали свою вину в смерти сына?

— Да, — почти прокричала она.

— Скажите, а где в это время находился мистер Делони?

— Не знаю. Я не видела его в течение нескольких лет.

— Но он был так же огорчен, как и вы? Том Армур опять заявил протест, но даже он был бессилён спасти Мариэллу.

— Прокурор требует, чтобы свидетельница гадала о душевном состоянии моего подзащитного. По-моему, этот вопрос следовало бы обсудить позднее.

— Принимается. Выношу предупреждение прокурору. — Теперь Моррисон был уже слегка раздражен. Палмер опять извинился, но было видно, что ни о чем он не сожалеет.

— Когда ваш сын утонул, мистер Делони был рядом с вами?

— Нет. Мы с сыном были вдвоем. Муж уехал кататься на лыжах.

— Он обвинял вас в гибели мальчика?

— Протестую! — взвился Том Армур. — Прокурор опять начинает гадать о душевном состоянии моего подзащитного.

— Протест отклонен, мистер Армур, вопрос может иметь существенное значение. Отвечайте на вопрос.

— Повторяю, миссис Паттерсон, — теперь обвинитель не счел за благо перепутать фамилию, — считал ли вас обвиняемый виновной в смерти вашего сына?

— Тогда мне так казалось... Мы оба тогда были убиты горем.

— Он сердился на вас?

— Да.

— Сильно сердился? Может быть, он ударил вас?

Мариэлла заколебалась.

— Обвиняемый бил вас?

— Я...

— Миссис Паттерсон, вы приносили присягу. Пожалуйста, отвечайте на мой вопрос. Он вас бил?

— Ну, он ударил меня...

Уильям Палмер быстро подошел к судье и показал ему телеграмму, которую затем передал Тому Армуру для проверки.

— Ваша честь, перед нами телеграмма, отправленная из Женевы администратором клиники Святой Девы. В ней говорится, что согласно документам госпожа Мариэлла Делони непосредственно перед поступлением в клинику была избита (в оригинале — battue) своим мужем. Это произошло вскоре после смерти их ребенка. Ей причинены серьезные телесные повреждения, а позднее в тот же день состоялись преждевременные роды, завершившиеся появлением на свет мертвого младенца. — По залу суда пронесся приглушенный гул, а Палмер снова повернулся к Мариэлле. Лицо его теперь было бледнее, чем обычно. — Миссис Паттерсон, верно ли составлен этот документ?

— Да. — Ей нечего было добавить. Она сейчас вообще не могла говорить.

— Были ли другие случаи, когда мистер Делони бил вас?

— Нет, таких случаев не было.

— А до гибели вашего сына вы не страдали нервными или психическими расстройствами?

— Нет, никогда.

— Можете ли вы сказать, что сейчас вы полностью выздоровели?

— Да.

Наступила короткая пауза. Палмер бегло просмотрел какие-то записи, затем продолжил:

— Миссис Паттерсон, верно ли, что вас мучают сильные головные боли?

— Да.

— Когда начались эти боли?

— Они... начались... когда я была в Швейцарии.

— И с тех пор они не прекращаются?

— Не прекращаются.

— А в последнее время?

— Тоже.

— Как давно это было в последний раз? Она попыталась улыбнуться, но не смогла:

— В субботу и воскресенье.

— Сколько приблизительно раз это повторялось, скажем, за последний месяц?

— Четыре-пять раз за неделю.

— Да что вы, неужели так часто? — Теперь он разыгрывал сочувствие. — А до похищения сына? Столь же часто?

— Нет, может быть, раза два-три в неделю.

— Миссис Паттерсон, а есть ли у вас другие проблемы, которые беспокоят вас так же давно? Не страдаете ли вы депрессиями? Может быть, временами боитесь людей? Нельзя ли предположить, что в вас просыпается страх перед ответственностью, боязнь опять оказаться виноватой?

Том Армур еще раз заявил протест, пытаясь остановить эту изуверскую процедуру:

— Мой коллега — не психиатр. Если, по его мнению, нужно заключение психиатра, он должен пригласить эксперта.

— Ваша честь! — Билл Палмер опять приблизился к судье, и в его руках появился другой лист бумаги. — Вот телеграмма из Виллара, из клиники доктора Вербефа. Здесь подтверждается, что свидетельницу время от времени приходилось изолировать.

— Протестую! — возмущенно прервал его Том Армур. — Миссис Паттерсон не подвергалась лишению свободы!

— Протест принят. Мистер Палмер, прошу вас выразаться точнее.

— Извините, ваша честь. Во всяком случае, свидетельница провела два года и два месяца в больнице для душевнобольных в результате нервного срыва и тяжелой депрессии. Установлено, что она неоднократно предпринимала попытки самоубийства и страдала сильными головными болями. Таков официальный диагноз. Кроме того, доктор Вербеф сообщает, что, по его мнению, головные боли миссис Паттерсон будут продолжаться, а при сильных стрессах ее душевное здоровье может оказаться под угрозой.

Врач добил Мариэллу, сам того не желая. Теперь она может говорить что угодно, все равно суд решит, что она чрезмерно взволнована и ее

свидетельства ненадежны. Но Палмер еще рвался в бой. Телеграмма доктора Вербефа была приобщена к делу, и прокурор продолжил допрос:

— Миссис Паттерсон, имелись ли у вас контакты с обвиняемым после развода?

— Нет.

— Видели ли вы его в прошлом году? Скажем, непосредственно перед похищением вашего сына?

— Да, мы случайно встретились в церкви в годовщину смерти нашего сына. А потом — на следующий день в парке.

— И в обоих случаях с вами был сын?

— Нет, только во второй раз.

— Как реагировал на ребенка мистер Делони? Был он рад познакомиться с ним?

— Нет. — Мариэлла опустила глаза, чтобы не встретиться взглядом с Чарльзом. — Он был недоволен.

— Может быть, он был рассержен?

Поколебавшись, она кивнула:

— Да.

— Он вам как-нибудь угрожал?

— Да, но скорее всего не всерьез.

— Так. А когда ваш сын был похищен? Он таки докажет, что она безнадежно глупа. А может быть, и что-нибудь похуже.

— На следующий день.

— Вам не кажется, что между угрозами мистера Делони и исчезновением вашего сына есть связь?

— Не могу сказать.

Палмер мгновенно сменил направление атаки:

— Случалось ли вам целовать мистера Делони после развода? — Поколебавшись секунду, Мариэлла кивнула. — Пожалуйста, отвечайте на вопрос.

— Да.

— Когда это произошло?

— Когда мы встретились в церкви. Мы не виделись почти семь лет, вот он и поцеловал меня.

— Скажите, это был дружеский поцелуй в щеку или же страстные лобзания в губы, как в кино?

В зале зашушукались, но Мариэлла даже не улыбнулась. А Джон Тейлор знал, откуда взялся этот вопрос. Безусловно, Палмер побеседовал с шофером и внимательно выслушал его излюбленную версию насчет

«любовника».

— Он поцеловал меня в губы.

— Вы посещали его в тюрьме?

— Да, один раз.

— Миссис Паттерсон, вы по-прежнему любите мистера Делони?

Вот и все. Теперь все, что бы она ни сказала, становится заведомо бессмысленным.

Она опять заколебалась, потом решительно тряхнула головой:

— Не думаю.

— А вы полагаете, что вашего ребенка похитил мистер Делони?

— Не знаю. Возможно. Точно не могу сказать.

— Как бы то ни было, вы ощущаете свою ответственность за случившееся?

— Не знаю...

Голос ее задрожал и сорвался. Многие из присутствующих в зале вспомнили в эту минуту заключение швейцарского врача: в моменты серьезных стрессов ее душевное здоровье может оказаться в опасности. Палмер добился своего. Он ее бесповоротно дискредитировал. Казалось, она ни в чем не была уверена: ни в вине Чарльза Делони, ни в своей собственной. В зале суда стояла женщина, несколько раз покушавшаяся на самоубийство, страдающая головными болями и, возможно, погубившая когда-то своего первенца. Если теперь защита захочет получить от нее какие-либо благоприятные для Чарльза показания, они не будут приняты в расчет. К этому и стремился Палмер. Джон Тейлор понял, кто помог прокурору привести в исполнение этот план. Малкольм. И самому Тейлору стало стыдно за то, что он наводил справки о прошлом Мариэллы. Впрочем, добытые им сведения не могли причинить ей вреда.

— Спасибо, миссис Паттерсон, — холодно проговорил Палмер и обратился к Тому Армуру:

— Приступайте к допросу.

— Ваша честь, защита предпочитает вызвать миссис Паттерсон в качестве свидетеля позднее. Он рассчитывал, что по истечении некоторого времени впечатление сгладится, и прежде всего сама Мариэлла успокоится. Сейчас она сошла со свидетельского места бледная как смерть. Чарльз старался поймать ее взор, но ей было слишком плохо. Она даже не взглянула в его сторону. Судья объявил перерыв до двух часов.

Мариэлла вышла из зала суда в сопровождении Малкольма и агентов ФБР, но на нее немедленно накинулись репортеры. Они буквально цеплялись за ее платье и выкрикивали свои вопросы прямо ей в лицо, а она

тщетно старалась отделаться от них.

— Расскажите про лечение в клинике... Кстати, о самоубийстве... Ваш малыш... Расскажите нам обо всем... Смелее, Мариэлла, как на духу!

Они уже сидели в машине, а голоса журналистов еще звенели у нее в ушах. Джон Тейлор с каменным лицом смотрел в окно. Только Малкольм решился заговорить с ней, и таких слов она от него не ожидала:

— Это было мерзко.

Она благодарно посмотрела на него, считая, что он имеет в виду безжалостные вопросы Палмера, но по его лицу поняла, что ошиблась. Он испытывал омерзение от того, что услышал о ее прошлой жизни. Глаза Мариэллы наполнились слезами. Малкольм ничего не говорил до самого дома. Только когда они разделись и прошли в библиотеку, она спросила мужа, что он имел в виду в машине. Он посмотрел на нее с презрением:

— Мариэлла, как же можно?

— Как можно что? Говорить правду? А что мне еще оставалось? Он и так все знал. Ты же видел письма от врачей.

— Боже... Эти самоубийства... головные боли... два года в клинике для душевнобольных...

— В декабре я тебе все рассказала.

— Тогда это звучало совершенно иначе. Он смотрел на нее и кривил рот, и ей вдруг стало противно. Она-то думала, что знает этого человека, который сейчас стоит перед ней. Она взбежала вверх и заперлась в спальне. Через несколько минут под дверь ей просунули лист бумаги, на котором были написаны два слова: «Позвони врачу». Сначала она подумала, что готовится что-то нехорошее, но потом узнала почерк Джона Тейлора и удивилась: зачем это ему понадобилось, чтобы она звонила врачу? И вдруг поняла. Нет, она не смогла бы разумно ответить, но где-то в глубине души что-то ей стало ясно. Она нашарила записную книжку, сняла трубку и заказала разговор. В Вилларе было девять часов вечера, но она знала, что застанет главного врача на месте, так как он жил при больнице. Он действительно взял трубку и очень удивился, когда понял, кто ему звонит.

— Как у вас дела?

Она хотела рассказать ему про похищение сына, но он в общих чертах уже знал и даже сказал, что ему самому уже пришлось отвечать на вопросы. Она умолчала о роковой роли, которую на суде сыграла его телеграмма, потому что знала, как расстроится доктор, если узнает, что его слова были обращены ей во зло. Когда-то этот доктор спас ее.

— С вами все в порядке? — с глубоким участием спросил он.

— Как будто да.

— А как мигрени?

— Было значительно лучше. Правда, не сейчас.

Вы понимаете, как измучила меня эта неизвестность. А Малкольм, мой муж... Мне пришлось рассказать ему про Чарльза, про клинику. Перед свадьбой он не интересовался моим прошлым.

— Но он же был в курсе! — удивленно воскликнул доктор Вербеф, не допуская мысли, что Мариэлла может этого не знать. — Незадолго до вашей свадьбы он мне звонил... Когда же?.. Да-да, в тридцать втором году. Да, правильно. Вы уехали отсюда в феврале, а он, наверное, звонил в октябре.

Поженились они три месяца спустя, первого января, в Новый год.

— Он вам звонил? — растерялась Мариэлла. — Зачем?

— Он спрашивал, не может ли он что-нибудь для вас сделать. Чтобы избавить вас от этих головных болей... Вообще сделать вашу жизнь счастливее. Я сказал ему, что вам надо иметь много детей, — грустно сказал доктор. Он по-настоящему жалел Мариэлле в этой ужасной трагедии. Замечательная женщина, и как же ей не повезло. — Есть новости о ребенке?

— Никаких.

— Когда будут, сообщите.

— Обязательно.

Она повесила трубку, так и не поняв, знает ли старик, для чего потребовалась его телеграмма. Но еще более необъяснимым оказывалось поведение Малкольма. Значит, все эти годы он знал, и тем не менее он был поражен, когда она рассказала ему, поражен настолько, что позволил Палмеру воспользоваться этой информацией. Но спрашивать было некогда, так как в два часа надлежало снова быть во Дворце правосудия. И с Джоном она не могла поговорить. Оставалось только сидеть, погружившись в свои мысли, и тщетно искать ответы на мучительные вопросы.

Государственный обвинитель вызвал в качестве свидетеля Патрика Рейли. Бывший шофер подробно рассказал, что он наблюдал в соборе Святого Патрика и какое выражение было на лице Чарльза Делони на следующий день в парке. Он сказал, что Чарльз, очевидно, был в ярости, и один раз даже схватил Мариэлле за плечи и потрянул.

Долгие часы Мариэлла ждала возможности остаться наедине с Малкольмом. В молчании они приехали домой. Наконец они остались одни, и Мариэлла вошла в комнату Малкольма. Он переодевался, так как

собирался поужинать в клубе. Он сказал, что ему необходимо развеяться.

— Ты мне солгал.

— Ты о чем? — спросил он довольно равнодушно.

— Когда Тедди исчез, я рассказала тебе о своем прошлом. А ты все знал. И про Андре, и про Чарльза, и про клинику. Почему ты не сказал мне, что знаешь?

— Как ты полагаешь, я мог жениться на тебе и не знать, кто ты такая? — Он насмешливо взглянул на нее. Только сегодня утром она разыгрывала дурочку в суде, и его выставила кретином. Целовалась в церкви с Чарльзом Делони... Гнусно.

— Ты мне солгал.

— А ты подвергала опасности моего сына. Из-за тебя я оказался связан с этим отребьем Делони, из-за тебя он украл Тедди. — Он как будто бы совершенно не думал о ее душевном состоянии, хотя сегодня не раз было ясно сказано, что ее рассудок в опасности. Из-за нее он лишился самого дорогого в жизни. — А что я знаю о тебе, это тебя не касается. Это мое дело.

— А как ты смел рассказать все это Биллу Пал-меру?

— Я сделал это намеренно, чтобы он мог дискредитировать твои показания. Иначе тебе могло взбрести в голову защищать этого идиота, твоего бывшего мужа, сукина сына, убийцу... Ах милосердная ты моя, ты ведь все еще не уверена, что он преступник.

— И поэтому ты так поступил со мной? Чтобы я не могла ему помочь?

Теперь Мариэлла отказывалась понимать Малкольма и сомневалась, знала ли она его вообще когда-либо.

— Если за Тедди он пойдет на электрический стул, для него это будет очень гуманная казнь.

— Так вот оно что значит! Вы оба играете в месть! Он крадет Тедди, ты убиваешь его! Все, все сошли с ума! — Она посмотрела на него с ненавистью.

— Выйди из моей комнаты, Мариэлла. Нам больше не о чем говорить.

Она не верила своим ушам. Малкольм расчетливо смешал ее с грязью только для того, чтобы уничтожить Чарльза.

— Не знаю, кто ты такой после этого.

— Это уже неважно.

— Как прикажешь тебя понимать? — не в силах больше сдерживаться, закричала Мариэлла.

— Думаю, ты меня все-таки поняла.

— Все кончено, так? — Если только что-то существовало. Кроме

Тедди, у них же никогда не было ничего общего.

— Все было кончено тогда, когда Делони увез отсюда моего сына. Ты можешь идти к нему обратно после суда. Если он, конечно, останется жив. Поплачете вместе. И еще кое-что тебе скажу. Я тебя никогда не прощу. — Вот это он сказал действительно серьезно.

— Малкольм, ты хочешь меня бросить? Я к этому готова. Могу хоть сегодня переехать в гостиницу.

— Послушай, тебе мало скандалов? Могла бы, по крайней мере, подождать, пока кончится суд и пресса забудет о нашем существовании.

Она молча вышла. Теперь ничто не могло ее удивить. Она вышла замуж за чужого человека. И этот человек ее возненавидел за то, что она потеряла сына. Еще одного сына. Жизнь жестоко с ней обходится. Что бы ни случилось теперь, найдут ли Тедди, нет ли, ее браку с Малкольмом пришел конец.

Глава 12

На следующее утро Мариэлла завтракала у себя в комнате и просматривала газеты. Там было все, весь вчерашний позор, все унижение, которому ее подверг Уильям Палмер. В первой же статье, которая попала ей на глаза, говорилось, что она клиническая сумасшедшая и ее надо снова водворить в больницу. Все это становилось еще ужаснее оттого, что Малкольм помог им организовать весь этот ужас. Мариэлла перевернула лист и увидела материал, подписанный Беатрисой Риттер. Ей не хотелось читать, но глаза против воли заскользили по странице, тогда она принялась читать с самого начала и сквозь слезы прочитала репортаж.

«Исполненная достоинства, элегантная, изысканная Мариэлла Паттерсон предстала вчера перед судом и ни разу не потеряла самообладания, несмотря на то, что в течение нескольких часов прокурор подвергал ее жестокой моральной пытке и пытался ее полностью дискредитировать. Но он своего не добился. У всех, кто видел эту женщину, она вызвала восхищение. Почти десять лет назад в результате несчастной случайности она потеряла двух первых детей. Подробности этого происшествия поразили публику, но миссис Паттерсон стойко перенесла боль от воспоминаний о той давней трагедии. Затем она перешла к объяснению причин своего развода с Чарльзом Делони. После гибели детей она находилась на излечении в санатории в Швейцарии, но это известие не встретило ни понимания, ни сочувствия, а только насмешки, и было злонамеренно использовано, чтобы уменьшить значимость показаний Мариэллы Паттерсон...» Репортаж был большой, на полстраницы, и заканчивался так: «Мы вчера увидели на суде мать пропавшего ребенка и убедились в одном: несмотря ни на что, она остается истинной леди. Она вышла из зала суда с гордо поднятой головой, хотя ее материнское сердце разрывалось от горя». Дальше шла подпись — «Беа Риттер».

Мариэлла поднесла платок к глазам и поднялась, чтобы надеть шляпу. У Беа Риттер нашлись для нее добрые слова, но они не меняли дела. Ее муж и государственный обвинитель вступили в заговор с целью не дать ей помочь Чарльзу Делони. Хотя она и не собиралась как-либо помогать ему. Но их беспокоила даже ее неуверенность в виновности Чарльза.

Малкольм и Джон Тейлор уже ждали ее в машине. На ней было черное платье, черная шляпа и темное пальто с бобровым воротником. По дороге не было произнесено ни единого слова. Мариэлла не обращалась ни к

Малкольму, ни к Джону, а сам Малкольм всю дорогу не отрываясь смотрел в окно. Да и Джону нечего было сказать. Он улучил момент, когда она садилась в машину, и прикоснулся к ней. Но высказать свои чувства сейчас он не мог. Он хотел только еще раз уверить ее в своей поддержке, но как он мог хотя бы ободрить ее в зале суда?

Судья Моррисон еще раз напомнил присутствующим, что их обязанность — соблюдать должный порядок. Строго взглянув на журналистов, он прибавил, что безответственно со стороны прессы публиковать сообщения, не соответствующие действительности. Ему не понравились статьи о Мариэлле, написанные явно под впечатлением от вчерашнего заседания.

Затем пытка была продолжена. Уильям Палмер, по-видимому, решил, что показаний самой Мариэллы ему недостаточно и другие свидетели должны подтвердить ее умственную несостоятельность. В этом случае наверняка должен быть вызван Малкольм, а уж он-то не сомневался в виновности Чарльза Делони.

Снова был вызван Патрик Рейли, затем Эдит, наконец, мисс Гриффин. Втроем — не без помощи Палмера — они изобразили Мариэлла распушенной истеричкой. По их словам, она не способна даже управлять собственным домом, заботиться о ребенке или хоть как-то быть полезной мужу.

— Как по-вашему, миссис Паттерсон может отвечать за свои поступки? — спросил Билл Палмер гувернантку, и Том Армур в тысячный раз поднялся и заявил протест:

— Эта женщина — не эксперт. И миссис Паттерсон — не подсудимая. Если нужно освидетельствовать ее на предмет психического здоровья, нужно пригласить психиатра, а не гувернантку, черт побери!

— Мистер Армур, — зарычал судья, — я отстраню вас от участия в процессе, если вы не потрудитесь выбирать выражения!

— Прошу прощения.

— Протест отклонен.

И пытка пошла своим чередом. Снова у Мариэллы не было никакой поддержки. Джон Тейлор и Чарльз Делони знали, что о Мариэлле говорят не правду, но они не могли прийти ей на помощь. И даже собственный муж был теперь против нее.

— Можете ли вы сказать, что она была хорошей матерью? — спросил Уильям Палмер у мисс Гриффин. Бедная женщина слегка растерялась. Пауза продолжалась недолго, но Мариэлле было тяжело вынести и такую.

— Пожалуй, нет.

Публика ахнула, а у Мариэллы потемнело в глазах. Она подалась вперед, и Джон Тейлор незаметным жестом велел ей успокоиться, пока на ее состояние не обратили внимание репортеры.

— Не будете ли вы так любезны сказать нам, почему вы так считаете?

— Она слишком часто была нездорова и чрезмерно нервничала. Детям нужна стабильность, они должны находиться рядом с уверенными в себе людьми. Такими, как мистер Паттерсон.

Мисс Гриффин явно гордилась собой, и Мариэлла в очередной раз подумала, что же она такого сделала, что все эти люди ее ненавидят.

— Ваша честь, — снова поднялся с места Том Армур. — У нас дело не о лишении родительских прав, поэтому нас не должны интересовать качества миссис Паттерсон как матери. У нас дело о похищении, а речь до сих пор шла не о моем подзащитном. А его эти свидетели даже не знают.

Они и Мариэлле-то толком не знают, но Палмеру требовалось убедиться, что она уничтожена бесповоротно. В его планы входило не оставлять никаких сомнений в ее несостоятельности, чтобы впоследствии ее показания не могли принести пользу защите. В самом деле, кому придет в голову прислушиваться к мнениям женщины, которая провела долгое время в психиатрической клинике и которую даже прислуга считает плохой матерью? Палмер оказался мастером своего дела. Сегодня ему предстояло нанести последние штрихи на общую картину.

После обеденного перерыва свидетельское место занял Малкольм Паттерсон.

— Мистер Паттерсон, знали ли вы о прошлом вашей супруги?

— Нет.

Холодные голубые глаза Малкольма смотрели на Уильяма Палмера, и ни на секунду в поле его зрения не попадала Мариэлла.

— Так вы ничего не знали о том, что она была пациенткой клиники для душевнобольных?

— Ничего. Иначе я бы на ней не женился. Мариэлла точно знала, что он лжет, но не могла понять, для чего ему понадобилось уничтожить ее в мнении присяжных. Она сидела неестественно прямо, смотрела в какую-то точку как раз над его головой и думала о недавнем счастье... Когда маленький Тедди был с ней... Она чувствовала свою беспомощность, потому что никак не могла защитить себя и обвинить Малкольма во лжи. А он и рассчитывал на ее беззащитность.

— А вы знали, что она раньше была женой Чарльза Делони?

— Нет, и этого не знал. Она мне не говорила. Я только знал, что в юности у нее был какой-то роман. Слышал, что было это в Париже. Вот и

все. Она скрыла от меня первый брак.

Уильям Палмер сочувственно кивнул: как же, ведь Малкольм Паттерсон был нагло обманут этой женщиной.

— Известно ли вам, сэр, что-либо о мистере Делони?

— Мне известна только его скверная репутация. Его отец на долгое время выслал его из страны.

— Протестую! — Том уже стоял на ногах. — Если подобного заявления не сделал мистер Делони-старший, то у нас нет оснований полагать, что мой подзащитный уехал из Штатов, подчинившись желанию семьи. Наоборот, его родные хотели, чтобы он вернулся.

— Протест принят. Можете продолжать, мистер Палмер.

— Вы когда-нибудь встречались с мистером Делони?

— До суда не встречался.

— Звонил ли он вам? Может быть, он вам угрожал, запугивал вас или кого-либо из членов вашей семьи?

— Протестую!

— Протест отклонен.

— Он угрожал моей жене, — с достоинством заговорил Малкольм. — Он заявил, что похитит моего сына, если она не вернется к нему.

— Когда это было?

Малкольм на секунду наклонил голову, затем эффектно выпрямился, посмотрел в зал и ответил:

— Накануне той ночи, когда мой сын был похищен.

— Видели ли вы сына с тех пор? Малкольм отрицательно покачал головой, как бы не в силах говорить.

— Прошу вас, сэр, говорите громче, ведется запись.

Оказывается, прокурор умел говорить очень вежливо и участливо. Мариэллу он допрашивал иначе.

— Извините. Нет... Я не видел.

— Как давно это случилось?

— Почти три месяца назад. Моего мальчика украли одиннадцатого декабря. Ему только что исполнилось четыре года.

— У вас требовали выкупа?

— Один раз, но звонил просто хулиган. Никто не забрал деньги.

Линия обвинения ясна: Делони не требовал денег, потому что действовал из мести, да и не нуждался он в деньгах.

— Считаете ли вы, что ваш сын жив? Он опять покачал головой, но потом сделал над собой усилие и произнес:

— Нет, не считаю. Я думаю, если бы он был сейчас жив, нам бы его

уже вернули. Его тщательно разыскивало ФБР. Его бы нашли.

— Считаете ли вы, что похититель — мистер Делони?

— Я полагаю, он нанял кого-то, кто осуществил похищение, а возможно, и убийство.

— Почему вы в этом так уверены?

— Пижаму Тедди... моего сына... нашли в его доме... И еще плюшевого медведя, любимую игрушку моего мальчика... В ту ночь на нем была эта пижама.

Малкольм не справился с собой и начал плакать. В зале поднялся сочувствующий ропот. Прокурор любезно подождал, пока свидетель придет в себя. В зале Бригитта поднесла к глазам шелковый платок.

— Как вы думаете, сейчас ваша жена любит Чарльза Делони? — Прокурору очень хотелось сказать «находится в любовной связи», но проведенное расследование не нашло никаких доказательств того, что Мариэлла и Чарльз спали в одной постели, так что пришлось ограничиться менее четкой формулировкой.

— Думаю, да. Я слышал от своего шофера, что за два дня до похищения они встретились в церкви и целовались. Мне представляется, они все это время были влюблены друг в друга. Даже тогда, когда Мариэлла вышла за меня замуж. Возможно, в этом причина ее постоянного нездоровья.

Теперь в глазах публики она была не молодой женщиной, которой пришлось много страдать, но сумевшей пережить трагедию, а чуть ли не душевнобольной.

— Не считаете ли вы, что ваша жена виновата в том, что ваш сын похищен?

Прокурор задал этот вопрос таким тоном, как будто предлагал Малкольму вынести окончательный вердикт, и Малкольм выдержал длинную паузу, так что всем показалось, что он действительно выносит решающее заключение.

— Думаю, есть доля ее вины в том, что Чарльз Делони похитил его. Ведь он обвинил ее в гибели своего собственного сына и захотел отыграться на моем сыне. Этот человек вошел в нашу жизнь по ее вине. — Он скорбным взором окинул зал и остановил взгляд на Мариэлле, но она не смотрела на него.

— Мистер Паттерсон, нам ясно, что вы в определенной степени возлагаете ответственность за происшедшую трагедию на миссис Паттерсон. Скажите, не приходило ли вам самому в голову тем или иным способом отомстить ей? Наказать ее или, скажем, причинить какой-либо

вред тому, кого она любит? Заставить ее испытать моральную боль?

Мариэнлла хорошо знала, что так оно и было. Он мстил ей с самого первого дня после похищения Тедди, он только что снова мстил ей, отвечая на вопросы прокурора. Очень тяжело потерять ребенка, но после этого испытать жестокость собственного мужа — это было для нее слишком. Тем не менее она все еще боролась.

— Можете ли вы представить себе, что захотите отомстить? — повторил Уильям Палмер, а Малкольм произнес в ответ всего одно слово, которое встретило сочувственный отклик в зале:

— Никогда.

— Спасибо, мистер Паттерсон. — Обвинитель повернулся к адвокату:

— Можете приступить к допросу, мистер Армур.

Том молча встал и начал прохаживаться перед скамьей присяжных. Кому-то из них он улыбнулся, как будто желая поднять их настроение. Наконец он остановился напротив Малкольма. Теперь он уже не улыбался.

— Добрый день, мистер Паттерсон.

— Добрый день, мистер Армур.

Малкольм держался необычайно торжественно, но Том Армур, по всей видимости, не был настроен на серьезный лад. Его тактику нелегко разгадать.

— Можете ли вы сказать... — Казалось, Армур с трудом подбирает слова. — Ваш брак с миссис Паттерсон был счастливым?

— Я бы сказал, да.

— Несмотря на ее болезнь... Несмотря на то, что ее здоровье ненадежно... Несмотря на регулярные головные боли?

Малкольм несколько растерялся, он не знал, что сказать. Но тут же принял решение:

— Конечно, это создавало некоторые проблемы, но я считаю, что был счастлив.

— Очень счастливы?

— Да, очень.

В тоне Малкольма появилось раздражение, так как он не мог догадаться, к чему клонит защитник.

— Вы были женаты прежде? Малкольм откашлялся. Его подбородок выпятился вперед.

— Да. Дважды. Это известно.

— Миссис Паттерсон знала об этом?

— Да, естественно.

— Мешал ли этот факт вашей семейной жизни?

— Конечно, нет.

— Вас бы остановило, если бы вы узнали, что миссис Паттерсон также была раньше замужем? Малкольм помедлил с ответом.

— Наверное, нет. Но я бы предпочел, чтобы она была откровенна со мной.

— Да, конечно, — охотно согласился Том. — Мистер Паттерсон, у вас были другие дети?

— Нет. Теодор — мой единственный сын... Был.

— Так вы говорите... Вы не верите, что ваш сын жив? — Том изобразил удивление, как будто услышал нечто невероятное.

— Да... Не верю, что он жив. Я думаю, что мистер Делони убил его, — сказал Малкольм, как бы рассчитывая расположить Тома в свою пользу, но ему это не удалось.

— Я понимаю. Но если он действительно мертв... Мы все здесь очень надеемся, что вы ошибаетесь. Но если он все же мертв... Как бы вы определили значение этого события в вашей жизни?

— Простите... Я не совсем понимаю... Том Армур подошел к нему и посмотрел ему прямо в глаза:

— Мистер Паттерсон, если вы узнаете наверняка, что ваш сын мертв, как вы себя почувствуете? Какое влияние это окажет на вашу жизнь? — Адвокат был безжалостен.

Малкольм выдержал взгляд защитника и ответил:

— Для меня это был бы конец. Я никогда не смог бы вернуться к прежней жизни.

— Итак, мистер Паттерсон, это было бы для вас сокрушительным ударом?

Малкольм опустил голову, потом, справившись с волнением, опять посмотрел на адвоката:

— Конечно... Ведь Тедди — мой единственный сын.

Том сочувственно кивнул и подошел ближе.

— Это могло бы сокрушить вас. Тогда почему вы отказываетесь поверить, что гибель первых детей стала таким же сокрушительным ударом для миссис Паттерсон? Почему вы считали, что с ней все должно быть иначе?

— Да нет же, я... — Малкольм явно почувствовал себя не в своей тарелке. Джон Тейлор плотно сжал губы. Мариэлла старалась не вслушиваться. — Я понимаю, ей должно было быть очень трудно...

— Тогда ей было чуть больше двадцати. Она была на пятом месяце беременности. Погиб ее первенец. Вечером того же дня на свет появляется

мертвый младенец. Через несколько месяцев умирает отец. Еще через полгода совершает самоубийство мать. Муж едва не сходит с ума от горя и обвиняет во всем ее. Что бы вы сделали, как бы вы себя чувствовали на ее месте? Вы уверены, что держались бы лучше?

— Я... я... — Он не мог ответить. Па лицах присяжных читался живой интерес к словам Тома.

— Миссис Паттерсон сегодня здесь?

— Да... конечно.

— Не могли бы вы указать мне ее?

— Ваша честь, — поднялся Уильям Палмер. — Сомневаюсь, что нам тут необходимо ломать комедию.

— Терпение, господин обвинитель. Продолжайте, мистер Армур, только избавьте нас от театральных эффектов. Работы у нас много, нам надо заслушать всех свидетелей, а господа присяжные живут в гостинице на деньги налогоплательщиков. Не советую вам забывать об этом.

В зале раздались смешки, и Том Армур улыбнулся. Раньше Мариэлла видела его не столь легкомысленным. Впрочем, внешность обманчива.

— Мистер Паттерсон, укажите нам, пожалуйста, вашу супругу.

Малкольм подчинился.

— Итак, она здесь. А ведь вчера у нее был совсем непростой день. Ей чуть ли не целый день пришлось говорить о смерти ее детей, об исчезновении вашего сына, о ее болезни и клинике в Швейцарии... О браке с мистером Делони. И все же она здесь. Мне лично представляется, что она здорова и сохраняет самообладание. — Мариэлла действительно была спокойна — рядом с ней сидел Джон Тейлор. Малкольм рассвирепел, но попытался остаться внешне невозмутимым. — Вы согласны со мной, сэр? По-моему, она вполне нормальна, и думаю, со мной сейчас согласится любой. Вы не находите, что она держится неплохо, несмотря на все обстоятельства?

— Думаю, вы правы, — нехотя признал Малкольм.

— Не считаете ли вы, что ее прежние неприятности — дело прошлое?

— Не знаю, — поморщился Малкольм, — я не врач.

— Вы давно женаты?

— Седьмой год.

— За это время она не находилась на лечении в психиатрической клинике?

— Нет, не было такого.

— Скажите, а не совершала ли она таких поступков, в результате которых вашему сыну могла угрожать опасность?

— Да. Совершала, — почти выкрикнул Малкольм.

На лице адвоката появилось удивленное выражение. Нужно было незамедлительно прояснить ситуацию, чтобы Малкольм не смог усугубить положение.

— Каким же образом она подвергала ребенка опасности?

— Она связалась с Чарльзом Делони. Она даже привела ребенка в парк и продемонстрировала его этому человеку. А потом он Тедди украл! — Он уже по-настоящему кричал и взволнованно жестикулировал. У Тома Армура отлегло от сердца.

— Но миссис Паттерсон говорит, что она не собиралась встречаться с мистером Делони, встреча была случайной.

— Я ей не верю.

— А раньше она вам лгала?

— Да. Она скрыла свою болезнь и брак с Делони.

Том знал, что это не так, но решил пока не вступать в полемику.

— Допустим, так, мистер Паттерсон. Случалось ли ей лгать вам когда-либо еще?

— Не знаю.

— Хорошо, а кроме той встречи в парке накануне похищения, миссис Паттерсон подвергала вашего ребенка опасности? Не водила его в какое-нибудь опасное место? Может быть, оставляла без присмотра? Например, одного в ванной?

— Не знаю.

— А если бы ваш сын оказался в опасности по ее вине, вы бы это запомнили?

— Конечно!

Мало-помалу Малкольм рыл себе могилу, и Джон Тейлор был от этого в восторге.

— Сэр, вы верите, что ваша жена сохраняла вам верность?

— Не знаю.

— Были ли у вас причины подозревать ее в супружеской неверности?

— Пожалуй, нет. — Малкольм пожал плечами, как будто этот вопрос вообще его не волновал.

— Вы ведь часто уезжаете из Нью-Йорка?

— Мне приходится ездить по делам.

— Да, конечно. А что делает миссис Паттерсон, когда вы уезжаете?

— Остается дома. — Чувствовалось, что Малкольму не по себе. — С головной болью.

Кто-то в зале рассмеялся, но присяжные даже не улыбнулись. Они

ловили каждое слово.

— Она когда-нибудь ездила с вами, сэр?

— Очень редко.

— А почему? Вам не хотелось брать ее с собой?

— Нет, она сама предпочитала оставаться дома с сыном.

— Понятно.

Образ «плохой матери» значительно поблек благодаря усилиям защитника, и Джон Тейлор начинал по-настоящему радоваться за Мариэллу.

— А вы, сэр, путешествуете один?

— Конечно.

— И вас никто не сопровождает?

— Ну да. — Эти вопросы уже совершенно вывели Малкольма из равновесия.

— Даже секретарь?

— Нет, конечно, со мной ездит секретарь. Я не могу один справиться со всей работой.

— Ясно. С вами каждый раз ездит один и тот же секретарь?

— Иногда я приглашаю в поездки обеих моих помощниц.

— А в тех случаях, когда с вами ездит только одна, то которая чаще?

— Я часто беру с собой мисс Сандерс. Она давно у меня работает. —

Он произнес эти слова таким тоном, что оставалось впечатление, будто секретарше девяносто лет, но Том Армур хорошо подготовился к допросу, так что его обмануть было невозможно.

— Как давно она у вас работает?

— Шесть с половиной лет.

— Существуют ли между вами личные отношения, мистер Паттерсон?

— Конечно, нет! — прорычал он. — Я не завожу романов с секретаршами!

— А кто работал у вас на этой должности до мисс Сандерс? — Заранее подготовленный вопрос.

— Моя жена.

— Миссис Паттерсон была раньше вашим секретарем? — Глаза Тома Армура расширились от удивления, как будто он ничего не знал. Судье явно понравился вопрос.

— Всего несколько месяцев, а потом мы поженились.

— Вы именно таким образом познакомились?

— В общем, да. Когда-то я немного знал ее отца.

— А отца мисс Сандерс вы тоже знаете?

— Конечно, не знаю. — Малкольм высокомерно окинул адвоката взглядом. — Он — булочник во Франкфурте.

— Понимаю. А где живет мисс Сандерс?

— Понятия не имею.

Но теперь даже Мариэлла заинтересовалась ответами Малкольма.

— Вы не были у нее дома?

— Ну, несколько раз был. По делу.

— И вы не помните, где она живет?

— Кажется, я вспомнил. На углу 54-й авеню, возле Центрального парка.

— Неплохое место. У нее хорошая квартира?

— Пожалуй.

— Большая?

— Достаточно большая.

— Восемь комнат. Столовая, рабочий кабинет для вас, две спальни, две жилые комнаты, две ванны, огромная гостиная и веранда. Я не ошибаюсь?

— Не могу сказать.

К изумлению Мариэллы, его лицо побагровело.

— Мистер Паттерсон, вы платите за квартиру мисс Сандерс?

Мариэлла смотрела на него и не верила своим ушам. Бригитта всегда так хорошо к ней относилась, была так добра к Тедди... И только теперь Мариэлла поняла все до конца. И Малкольм, и Бригитта держали ее за дуручку. И в самом деле, какая же она дура, что ничего не подозревала!

— Я не плачу за квартиру мисс Сандерс, — твердо произнес Малкольм.

— Какая заработная плата у мисс Сандерс?

— Сорок долларов в неделю.

— Это, наверное, неплохо. Но ее квартира стоит шестьсот долларов в месяц. Налицо несоответствие. Мистер Паттерсон, каким образом ей удастся оплачивать жилье?

— Это не мое дело.

— Вы сами сказали, что ее отец — булочник.

— Ваша честь, — вмешался Уильям Палмер, которого это расследование давно начало нервировать. — К чему все это? Я протестую.

— К тому, — ответил Том Армур, переходя на жесткий тон, — что я хочу доказать, что, несмотря на провалы в памяти у мистера Паттерсона, его записи о банковских операциях, его чеки и собственноручные записи в блокнотах явно недвусмысленно говорят о том, что именно он оплачивает эту квартиру.

Да, помощники Тома хорошо поработали.

— А если и так, что с того?

— Симус О'Флэннерти, швейцар, которого мы в свое время вызовем, сообщил, что мистер Паттерсон заезжает в этот дом каждый вечер и нередко остается там на ночь. Во время деловых поездок мистер Паттерсон и мисс Сандерс иногда занимают один номер в гостинице. Мисс Сандерс ходит на работу в норковой шубе. На Рождество, через две недели после исчезновения ребенка, мистер Паттерсон подарил Бригитте Сандерс алмазное ожерелье работы Картье. Мне совершенно ясно, ваша честь, что мистер Паттерсон лжет суду.

— Протест отклоняется, мистер Палмер, — сказал судья мягко. Ему было слишком хорошо известно, что мистер Паттерсон — не последний человек в большом бизнесе. — Мистер Паттерсон, вынужден вам напомнить, что вы принесли присягу. Прошу мистера Армур точнее сформулировать свой вопрос.

— Конечно, ваша честь. — Том Армур с радостью шел навстречу судье. — Мистер Паттерсон, позвольте вас спросить еще раз, связывают ли вас с Бригиттой Сандерс Какие-либо личные отношения?

В зале наступила гробовая тишина. Но Малкольм не успел ответить, его опередил прокурор:

— Ваша честь, это несущественно.

— Не согласен, — холодно парировал Том Армур. — Обвинение, стараясь дискредитировать миссис Паттерсон как свидетеля, заявило, что она состоит в любовной связи с моим подзащитным, хотя это не соответствует истине. Мой подзащитный прожил за границей восемнадцать лет и возвратился в страну незадолго до похищения. Было сделано предположение, что отвергнутый любовник, он же бывший муж, затаил обиду на миссис Паттерсон и пожелал отомстить. Если же мистер Паттерсон состоит уже долгое время в любовной связи с мисс Сандерс, столь же вероятно, что и она могла пожелать отомстить.

— Отомстить за алмазное ожерелье? — произнес Палмер, и в зале раздались смешки.

— Отвечайте на поставленный вопрос, мистер Паттерсон, — сказал судья с ноткой сожаления в голосе. — Есть ли у вас личные отношения с мисс Сандерс?

— Допустим, — спокойно сказал Малкольм.

— Будьте любезны немного громче, — вежливо попросил Том Армур.

— Допустим... Да... Но она не крада моего сына. Бригитта сидела белая как мел. Мариэлла смотрела прямо на нее.

— Откуда вы знаете? — спросил Том Армур Малкольма.

— Она просто не способна на такое, — сердито ответил Малкольм.

— И мой подзащитный неспособен. Сэр, вы собираетесь жениться на мисс Сандерс?

— Конечно, нет.

— А ей хотелось бы выйти за вас замуж?

— Откуда мне знать? Мы этот вопрос не обсуждали.

— Спасибо, мистер Паттерсон. У меня все. Но Уильям Палмер захотел задать еще вопрос.

— Мистер Паттерсон, мисс Сандерс угрожала вам когда-либо? Она не говорила, что причинит вред вашему сыну или похитит его?

— Да нет же, нет, — ярость Малкольма росла. — Она очень добрая, мягкая женщина.

«У нее красивые ноги, и она умеет много такого, что и не снилось Мариэлле».

— Спасибо. Больше вопросов не имею. Гордо подняв подбородок, Малкольм с непоколебимым достоинством прошел на свое место, и в ту же секунду Бригитта выбежала из зала. Ее немедленно окружили газетчики, и, когда ей удалось наконец прорваться на улицу и сесть в такси, она плакала навзрыд и ее платье было порвано.

После этого были вызваны судебные эксперты, которые засвидетельствовали, что пижама и плюшевый медвежонок действительно принадлежали Тедди Паттерсону. Последним допрошенным в этот день свидетелем стал школьный товарищ Чарльза Делони. Он припомнил, как однажды Чарльз угрожал убить его. Обоим было тогда четырнадцать лет. Этот свидетель, довольно нервный человек, ныне бостонский адвокат, добровольно вызвался дать показания в суде в надежде помочь правосудию. Он заявил, что всегда считал Чарльза Делони слегка ненормальным. Том Армур тут же внес протест, который был принят судьей. На лицах присяжных появилось скучающее выражение. Наконец этот долгий и утомительный день кончился, и все без исключения были рады, что можно покинуть зал суда. По пути к машине Мариэлла обменялась долгим взглядом с Джоном, а Малкольм в машине не сказал ни слова. Приехав домой, он немедленно прошел в библиотеку, плотно закрыл дверь и принялся звонить по телефону. Примерно через полчаса, не сказав Мариэлле ни слова, он ушел из дома. Тейлор и его люди сделали вид, что ничего не заметили. Все они знали, что произошло в этот день в суде.

Когда Малкольм ушел, Джон поднялся к Мариэлле и сел рядом с ней на диван.

— Ты что, удивилась? — спросил он, имея в виду историю с Бригиттой.

Мариэлла мысленно сравнила себя с воздушным шаром, из которого выпустили воздух. Она прожила еще один утомительный день, в общем-то, не менее тягостный, чем вчерашний.

— Да, удивилась. Наверное, я непроходимая дура, но Бригитта мне всегда нравилась. Она хорошая девушка и всегда ласково обращалась с Тедди.

Мариэлле вспомнились подарки, которые Бригитта дарила Тедди, — конфеты, игрушки, книжки... Мариэлле казалось, что сама она вела себя чрезвычайно глупо. Интересно, как долго все это продолжалось? Наверное, с самого начала, подумала Мариэлла и стала вспоминать прошедшие шесть с половиной лет, и от этого ей стало стыдно за себя. За свою глупость и за их обман.

— Наверное, она старалась снискать расположение Тедди, чтобы понравиться твоему мужу.

— Может быть, — грустно согласилась Мариэлла. — По-моему, это неважно.

Ему постоянно надо было уезжать куда-то по делам, и они не спали вместе уже несколько лет, тогда как Мариэлла знала, что он темпераментный мужчина. И при всем том она и не думала подозревать Бригитту. Только один раз подобная мысль закралась ей в голову, когда Бригитта выглядела особенно хорошо, да поначалу, когда Малкольм стал брать Бригитту с собой в поездки, Мариэлла испытала нечто вроде ревности. Но она не думала ни о чем таком всерьез. И вдруг она узнала, что каждый день после работы он ездил к Бригитте домой, часто оставался там на ночь и даже платил за квартиру. Мариэлле подумалось, что Бригитта была ему в большей степени женой, чем она сама. Их с Малкольмом ничто не связывало — ни сочувствие, ни привязанность, ни супружеская верность. А теперь и Тедди не было.

Джон смотрел на нее, не говоря ни слова, и думал о своей жене и о том, что может случиться после окончания процесса. Он прекрасно понимал, что дальше так продолжаться не может. Но хотя чувства их были взаимны, они избегали откровенных разговоров о том, что их ждет в дальнейшем. Сейчас жизнь Мариэллы была слишком заполнена происшествиями, так что она не могла думать ни о чем, кроме процесса и судьбы Тедди.

— Я почти жалею Малкольма, — сказала Мариэлла, провожая Тейлора до дверей. Джон был страшно раздосадован, что приходится уезжать и

прерывать это прекрасное время, когда они вдвоем. — Ему, наверное, несладко пришлось, когда из него все вытянули.

Он-то пришел в ярость в суде, а Бригитта потеряла голову от стыда и страха.

— Тебе вчера пришлось еще хуже. Нет, она удивительная женщина. Как она может жалеть его сейчас?

— Он почти все время врал.

Надо признать, в конце они его подловили. Он только не сознался, что с самого начала знал про Чарльза и про клинику в Швейцарии. Но присяжные поняли, что он изворачивался и лгал под присягой.

— Он поделом получил сегодня. Зато, что он с тобой сотворил, он еще не такого заслуживает.

— А зачем им понадобилось издеваться надо мной?

— Да как же иначе? Они боялись, что ты начнешь выгораживать Чарльза, а теперь они надеются, что твое свидетельство ничего не значит.

Как прекрасно было бы вообще не приходиться в суд!

— Мариэлла, что ты сейчас думаешь про Делони?

— Не знаю... — Некоторое время тому назад она была убеждена, что преступник — Чарльз. — Даже не знаю, что я думаю. Улики против него, но я все время думала, что лучше знаю его. И когда он в парке болтал, я ему не поверила, а потом Тедди украли... Я не знаю, что подумать.

Она уже не может думать об этом... Три месяца назад она видела его в последний раз, три месяца назад брала его на руки, а теперь о ней говорили, что она и позаботиться о нем не могла как следует.

— Хоть бы он был не виноват... хоть бы мы нашли Тедди... — Она в самом деле еще надеялась, но Джон очень и очень сомневался в этом. Слишком много времени прошло. У него из головы не выходило дело Линдбергов.

— Ты не вернешься к нему? — спросил ее Тейлор. Этот вопрос вертелся у него на языке уже несколько дней. Он хотел выяснить раз и навсегда, потому что где-то в глубине души знал, что она все еще любит Чарльза.

— Не знаю, — честно ответила она. — Вряд ли. Наверное, я бы не смогла. Между нами слишком много боли пролегло. Не могу себе представить, как мы будем просыпаться по утрам, о чем разговаривать утром, если мы будем вместе. Ну а если Чарльз не виноват и Тедди вернется... Чарльз все равно никогда меня не простит. — Мариэлла подняла глаза. Джону не понравился ее ответ.

— Ты не виновата, если в мире происходит что-то плохое. Не ты

грозила ему в парке, а он тебе.

И это он, идиот, либо украл твоего ребенка, либо, во всяком случае, повел себя очень дерьмово. Черт побери, ты только сходила в парк погулять с ребенком, только и всего. За это тебя винить? И ты точно так же не виновата, что Тедди украли... И что тот ребенок утонул... Хватит верить всему, что на тебя взваливают эти сволочи.

Мариэлла улыбнулась. Она любила его за то, что он верил в нее, защищал ее, не был безучастен к тому, что о ней говорили, а главное, старался найти Тедди. Но она не знала, что их ждет, когда дело будет закончено. Они будут друзьями, ведь он так помог ей в самый тяжелый для нее момент. И теперь, после первых дней суда, многое его беспокоило. Паттерсон уже показал зубы. Есть все основания предполагать, что, если мальчика найдут, Паттерсон начнет бракоразводный процесс и потребует лишить ее материнских прав. Для этого ему очень пригодится свидетельство о ее психической неполноценности и утверждения горничных и гувернантки, что она — плохая мать. Джон Тейлор видел, куда ведет Малкольм, но ему пока не хотелось пугать Мариэллу. Может быть, этого еще и не будет. Если Тедди не найдут.

— Береги себя, — прошептал он и выбежал из дома, горько жалея, что не поцеловал ее. А Мариэлла вернулась к себе в комнату и вдруг подумала о том, что Малкольм сейчас наверняка у Бригитты.

Он не пришел в эту ночь домой и даже не стал утруждать себя звонком. Притворство отброшено. Мариэлле стало даже интересно, где они скрываются от репортеров, которые, вне всякого сомнения, уже расставили свои ловушки. И еще интересно, сколько раз Малкольм звонил ей от Бригитты и говорил, что задержится. Просто удивительно, как же мало она знает своего мужа. Она все время считала его респектабельным бизнесменом, добрым человеком, внимательным мужем, а на деле он все эти годы собирал на нее досье, держал в голове историю с Чарльзом и лечебницей в Швейцарии и все эти годы обманывал ее с Бригиттой. Неприглядная получается картина.

Мариэлла все еще лежала на диване, не зажигая свет, и думала о Малкольме, когда зазвонил телефон. Было десять часов вечера. Мариэлла решила было не подходить, думая, что это звонит Малкольм. Но вдруг это звонят насчет Тедди! Она знала, что в доме пока остаются полицейские, и кто-то из них обязательно возьмет трубку, но ей захотелось все услышать самой. Сняв отводную трубку, она, к своему удивлению, услышала голос Беа Риттер. Журналистка просила позвать миссис Паттерсон, а полицейский отказывался.

— Не надо, Джек. Я поговорю. Слушаю вас.

— Миссис Паттерсон?

— Да.

— Беа Риттер говорит.

Даже по телефону в ее голосе чувствовалась неукротимая энергия. Эта женщина постоянно в движении, ей не сидится на месте. Она ищет сенсаций. Но тем не менее стоило поблагодарить ее за ту статью. Она это и сделала. Молодая женщина, судя по всему, смутилась.

— Да они над вами просто измывались. Меня тошнило от них.

— По крайней мере, меня не выводили оттуда под руки, как они надеялись.

— Банда подонков. Если им не повезет и с вами ничего не случится, они постараются добиться своего, будьте уверены. — Наступила пауза. Журналистка была готова к тому, что ее опять не соединят с Мариэллой, а вот теперь они принялись болтать почти как близкие подруги. Возможно, дело в том, что Мариэлла нервничала. Беа Риттер продолжала:

— Извините, что я звоню так поздно. Я не была уверена, что смогу с вами поговорить... Миссис Паттерсон, позвольте ненадолго с вами увидеться.

— В чем дело?

— Мне срочно нужно с вами поговорить. По телефону не могу. Но нам действительно надо поговорить.

— Это имеет отношение к моему сыну? Может быть, есть какой-то шанс? Какая-то надежда? Сердце как будто остановилось.

— Нет, не напрямую. Это имеет отношение к Чарльзу Делони.

— Пожалуйста, не надо меня просить. Пожалуйста... Вы видели, что со мной вчера делали... Я не могу ему помочь.

— Прошу вас, выслушайте. Я хочу помочь вам найти похитителя вашего мальчика, и я верю, что это не Чарльз.

— Он знает, что вы звоните? На другом конце провода молодая женщина пришла в замешательство:

— Он меня почти не знает. Я приходила к нему несколько раз, но он ни на кого и ни на что не обращает внимания. Но я уверена, что он невиновен, и хочу помочь ему.

— А я, — грустно произнесла Мариэлла, — хочу только одного: чтобы нашли моего сына.

— Я знаю. Я этого тоже хочу. Вы это заслужили... Давайте встретимся... Хоть на десять минут.

— Когда?

Если репортеры прознают, что Мариэлла встречалась с мисс Риттер, в газетах поднимется крик. Хотя им и так достаточно материала для скандала после сегодняшних разоблачений Малкольма.

— Можно мне приехать прямо сейчас? Понимаете... Я знаю... Это ужасно... — Мариэлле было страшно, но встретиться, наверное, надо.

— Нет... Я не знаю...

— Пожалуйста, — Беатрис продолжала настаивать, и Мариэлла наконец сдалась.

— Ладно. Приезжайте.

— Сейчас?

— Да. Вы можете быть у меня через полчаса? Да она бы через полминуты прилетела! Когда Беа Риттер приехала, Мариэлла, совершенно одетая, дождалась ее внизу. Войдя, журналистка немного испугалась, ее облик смягчился, и из-под маски решительной женщины выглянула робкая маленькая девочка. Беа Риттер было двадцать восемь лет. Ростом она была намного ниже Мариэллы. Ее гардероб составляли дождевик, вязаный свитер и брюки.

— Спасибо вам большое, — сказала она, все еще робея, когда Мариэлла провела ее в библиотеку и закрыла дверь. Мариэлла тоже была в брюках и в черном шерстяном свитере, волосы ее были убраны назад, косметики на лице не было, и вся она казалась какой-то чистой и изящной. Именно такую Мариэллу и полюбил Джон Тейлор.

— Не знаю, чего вы от меня ждете, — мягко сказала Мариэлла, садясь рядом с гостьей и внимательно глядя на нее, — я же сказала вам по телефону, что ничем не смогу вам помочь.

— Мне от вас нужна даже не помощь, — возразила Беа Риттер. Она добивалась этой встречи долгие недели, и вот она здесь, в этом доме, мирно сидят рядом две женщины, которые по разным причинам хотят одного и того же. Беа хочет найти мальчика, чтобы оправдали Чарльза, а Мариэлле просто нужен ее сын. — Я хотела бы просто поговорить с вами, понять, что вы думаете... Это не для газет... Скажите... Не так, как в суде... Вы же не верите, что он украл вашего мальчика?

— Я вчера честно отвечала в суде, — со вздохом ответила Мариэлла. Зачем только она пустила в дом эту Беа Риттер? Но она такая деятельная, решительная, напористая, что не пустить ее было невозможно. Но к чему все это опять перебирать? — Это вам для статьи?

Беа покачала головой, и Мариэлла ей поверила.

— Это для меня. Мне нужно убедиться. Потому что я тоже не верю, что это он.

Она говорила так, как будто Мариэлла была твердо убеждена в невинности Чарльза. Но Мариэлла чувствовала, что спорить не стоит.

— Зачем вам?

— Может быть, я ненормальная, но я ему верю. Доверяю ему. Я восхищаюсь им. Уверена, что он дурак, глупостей он наделал таких, что закачаешься, нельзя было такое говорить, все то, что он вам сказал в парке, но если бы он действительно намеревался украсть ребенка, он бы ни о чем подобном не заикнулся.

— Знаете, я сама так думала... А потом они нашли пижаму... — Тедди предстал перед ее глазами как живой, и теперь нужно было бороться с накотившими слезами. — Ну как могла попасть туда пижама Тедди, если Чарльз не имеет к этому отношения?..

— Миссис Паттерсон... Мариэлла... Можно я вас буду называть — Мариэлла? — Верно, они из разных сфер жизни, из разных миров, но на какое-то мгновение они стали друзьями. У них была общая цель — найти малыша. Мариэлла кивнула. — Он клянется, что пижаму подбросили. Он считает, что кто-то кому-то заплатил, чтобы пижаму подбросили. И этот кто-то, может быть, живет совсем рядом с вами, в этом доме.

— Но это была именно та пижама, что была на Тедди в ту ночь. Я сама видела. Я помню вышивку на воротнике.

— Разве у него не было еще такой же пижамы?

— Точно такой же нет. — Мариэлла покачала головой.

Беа Риттер скривилась, словно от боли. Ей так хотелось помочь Чарльзу! И Мариэлла решилась спросить:

— А ради чего вы так стараетесь? Для газеты или ради него? — Мариэлла испытующе взглянула на собеседницу, но та не дрогнула и сказала решительно:

— Все дело в нем. — И добавила гораздо тише:

— Вы ведь его все еще любите?

Мариэлла не сразу поняла, что ей говорить, насколько можно доверять этой журналистке, и вдруг почему-то решила, что доверять стоит. Уже тогда она знала, что Беа Риттер ее не обманет.

— Я его всю жизнь любила. И думаю, что буду любить всегда. Но он весь принадлежит моей прошлой жизни. — Мало-помалу Мариэлла пришла к такому выводу.

— Чарльз говорил мне то же самое. И он любит вас. К тому же я думаю, что он теперь опомнился. Все это не могло не встряхнуть его.

— Жаль, поздно, — печально улыбнулась Мариэлла.

— Он еще надеется, что мальчик жив. — Мариэлле необходимо дать

если не уверенность, то хотя бы надежду.

— Хорошо бы это было так. Уже и ФБР думает, что поздно. Они боятся... — Мариэлла не смогла заставить себя договорить и отвернулась, потому что глаза опять наполнились слезами. Все бессмысленно. К чему этот суд? К какому бы наказанию ни приговорили Чарльза, мальчика они вернуть не смогут.

— Я в это не верю. — Беа Риттер коснулась своей крошечной ручкой запястья Мариэллы. — И я сама сделаю все, чтобы помочь его найти.

Я смогу использовать силу прессы, у меня есть связи...

Она пояснила, что у нее есть знакомства даже в преступном мире Нью-Йорка. Одному уголовному боссу понравилась когда-то серия ее статей, в которых она выставила его своего рода рыцарем без страха и упрека. Он пообещал, что не оставит журналистку в беде. Недавно, поговорив с Чарльзом, Беа решила прибегнуть к помощи этого человека.

— Так чего же вы хотите от меня? — устало спросила Мариэлла. Хорошая девочка эта Беа, но уже очень поздно, а главное, затея ее так безнадежна... — Зачем вы ко мне приехали?

— Я хотела посмотреть вам в глаза и убедиться, что вы тоже не верите. Вы действительно не знаете. Но вы хотя бы можете допустить, что это сделал не он.

— Да, правильно.

— Этого мне достаточно. Наверное, па вашем месте я думала бы то же самое. Вы прожили с ним непростую жизнь, особенно когда... — Она запнулась, но обеим было ясно: когда умер Андре.

— Он сошел с ума, — грустно улыбнулась Мариэлла. — И может быть, так и не пришел в себя.

— Может быть, — Беа улыбнулась в ответ. — Он наверняка был чуть-чуть безумен, когда сражался в Испании.

Сама она могла только любоваться таким безумием. Ей нравилось то, что Чарльз написал. Однажды в тюрьме у них произошел долгий разговор. Чарльз сказал, что он не совершал этого преступления, и заплакал. Тогда она поверила ему. И дала себе клятву помочь ему во что бы то ни стало. Она понимала, что без Мариэллы Чарльзу помочь она не сможет.

— Мне жаль вашего мужа, — осторожно сказала Беа.

— Мне тоже. Страшно подумать, что завтра утром будет в газетах.

— Будет, да, — сказала Беа, которая уже успела посмотреть верстки кое-каких репортажей. — Но благодаря этому публика должна чуть-чуть посочувствовать вам. Вчера вас буквально раздавили. Это было отвратительно, поэтому я и сделала тот репортаж, который вы читали.

Она как Робин Гуд — вступается за обиженных, загнанных, затравленных. У нее много общего с Чарльзом.

— А почему Чарльз? — спросила она. — Почему вас беспокоит именно он?

— Я не хочу, чтобы человек был наказан несправедливо. Ведь речь идет о его жизни. Ведь и тогда, в случае с сыном Линдберга, я не верила, что Бруно Хауптман виновен. Да, и там были улики, но большую часть их можно было объяснить совпадениями. В газетах поднялась жуткая истерия. Мне было чуть за двадцать тогда, это было первое серьезное дело, с которым я работала. И я знала, что можно что-то изменить, но я не сделала этого. Сделаю сейчас. Или умру.

Мариэлле было трудно продолжать этот разговор, но она заметила в глазах Беа нечто такое, что все-таки решилась спросить:

— Вы любите его? — В этом вопросе не было ревности. Мариэлла задала его без всякой задней мысли. Прежде чем ответить, Беа Риттер долго смотрела Мариэлле в глаза.

— Не уверена. Мне не хотелось бы влюбляться в него. Это не в интересах дела.

Но Мариэлла понимала, что только по одной-единственной причине Беатрис Риттер так заботилась об оправдании Чарльза Делони.

— А он знает, или он так же глуп, как раньше? — улыбнулась Мариэлла.

Он бывал глуп — если хотел. А сейчас его, конечно, занимали более важные проблемы. Но Беа засмеялась.

— Может, глуп, как раньше, а скорее слишком занят. — Этот человек сейчас боролся за жизнь.

Внезапно лицо Беа стало серьезным. — Вы хотите вернуться к нему?

Не раздумывая, Мариэлла помотала головой. Слишком много времени прошло, и слишком много горя и боли. Она любит его и никогда не перестанет любить. Но он уже ушел из ее жизни. Мариэлла сейчас думала, что эта маленькая рыжеволосая журналистка сможет со временем сделать его счастливым — если это время придет и его оправдают. Чарльз уже сейчас многим ей обязан, но, по ее словам, он об этом не подозревает.

— Беа, что вы сейчас собираетесь делать?

— Не знаю... Позвоню кое-кому... Старым друзьям... Я знаю нескольких частных детективов, свяжусь с ними. А если понадобятся деньги, возможно, придется поговорить с Томом Армуром. Можно надеяться, что он согласится оплатить некоторые неофициальные расходы. — Она была готова сделать что угодно: звонить, ездить, платить

— действовать. — Может быть, ничего и не выйдет, но мы, по крайней мере, будем стараться. И может быть, что-нибудь выведет нас к Тедди.

— Сообщите мне сразу же, если узнаете что-нибудь, ладно?

— Обязательно.

Обе женщины поднялись. Мариэлла проводила свою гостью до дверей. Она понимала, что подружиться по-настоящему им не суждено. Но Беа нравилась ей. Она — неординарная женщина и необыкновенно умная. С ней Чарльзу было бы хорошо.

Беа Риттер исчезла. Когда Мариэлла поднялась к себе, был уже первый час ночи. Погасив свет, она легла и стала думать о Малкольме, о квартире на Парк-авеню. И о своем мальчике, который спит сейчас где-то в кровати рядом с незнакомыми людьми. Мариэлла молилась, чтобы так оно и было.

Глава 13

Шли недели, в мире происходили важные события, Гитлер захватил балтийский порт Мемель, а процесс продолжался. Первые страницы газет по-прежнему занимали преимущественно судебные новости, зловещие события, послужившие прологом к новой мировой войне, освещались гораздо сдержаннее. Во всяком случае, все газеты Нью-Йорка больше интересовались делом Делони, нежели политическими потрясениями. Тем временем Великобритания и Франция заявили о своей готовности прийти на помощь Польше в случае германской агрессии, войска генерала Франко вошли в Мадрид, и, к огромному огорчению Чарльза, гражданская война в Испании завершилась поражением республиканцев. За три года в этой войне погибло больше миллиона человек. Для Чарльза это стало такой же трагедией, как и для его европейских друзей. Борьба окончена. Война проиграна. Но теперь у Чарльза Делони была новая война, теперь он сражался за собственную жизнь.

После ночного визита Беа Риттер больше не звонила Мариэлле. Только в газетах появлялись ее статьи, и Мариэлла неизменно чувствовала благодарность за симпатию и поддержку журналистки.

Естественно, пресса подняла немислимый шум вокруг скандальной связи Малкольма с Бригиттой, но Мариэлла смогла остаться в стороне и никак не выразить своего отношения к этому роману. В течение последних недель они с Малкольмом в лучшем случае обменивались несколькими словами, а Бригитту она видела всего однажды. Бригитта старалась смотреть на Мариэллу свысока и подчеркнуто обращалась исключительно к Малкольму, как бы доказывая, что она победила свою соперницу. Естественно, что девушка защищалась таким способом, потому что она оказалась в очень незавидном положении. Мариэлла чувствовала себя спокойнее, чем Бригитта. В ее душе не было ни гнева, ни даже ревности. Муж давным-давно стал ей чужим, но его многолетняя ложь, фальшивое дружелюбие его любовницы — вот где предательство. Ее первую и единственную попытку обсудить создавшееся положение Малкольм пресек, разыграв ярость. Он заявил, что ее поведение с Чарльзом было настолько скандальным, что, сам он теперь не обязан ей ни в чем отчитываться. Этим он не добился ничего, а только подтвердил свою вину. Впрочем, его вина не нуждалась в доказательствах.

Мариэлла холодно напомнила мужу, что пресса не угомонится, если он

будет продолжать жить в квартире любовницы. Вечером она отметила, что он не поехал к Бригитте, а остался дома. Тем не менее они почти не видели друг друга.

Как ни трудно было переносить напряженные до предела отношения с мужем, еще тяжелее были судебные заседания, где бесконечной чередой выступали свидетели обвинения, эксперты и какие-то совсем посторонние люди. Все они должны были доказать вину Чарльза, и каждого Том Армур обязательно заставлял растеряться.

Только через три недели после начала процесса защита приступила к опросу своих свидетелей. Первым свидетелем, которого вызвал Том Армур, оказалась Мариэлла. Сначала адвокат аккуратно провел ее по воспоминаниям прошлого, реабилитируя ее везде, где Палмер выставил ее не в лучшем свете. И облик Мариэллы, создаваемый защитой, в итоге существенно отличался от того, который возник в результате стараний прокурора и Малкольма. Вместо полусумасшедшей, большой истерички, которой нельзя было доверить даже собственного ребенка, перед присяжными явилась достойная женщина, потрясенная гибелью сына, рождением мертвого младенца, а затем поведением мужа. Том Армур открыто признал, что Чарльз в то время был полностью не в себе и обращался с Мариэлкой очень плохо. Он объяснил, что горе подкосило обоих. Когда он попросил Мариэлку рассказать, как она спасала детей на Женевском озере, едва ли не все присутствующие поднесли к глазам платочки. Теперь у нее появилась возможность объяснить, почему ей удалось спасти двух девочек, но не собственного сына. Андре отнесло слишком далеко от кромки льда. Все участники процесса слушали ее и представляли, как ребенок лежал у нее на руках и не подавал признаков жизни. Рассказывая об этом дне, о последовавшем вечере в больнице и о мертвой новорожденной, она несколько раз останавливалась, так как ее душили слезы. Семья погибла в одночасье, и как муж, так и жена были не в состоянии адекватно оценивать обстановку. Чарльз испытал сильное потрясение, а она сломалась и в течение долгих месяцев ждала только смерти, чтобы вновь оказаться рядом со своими детьми.

— А сейчас вы в таком же состоянии? — спокойно спросил Том Армур. Кто-то из присяжных смущенно кашлянул.

— Нет, — печально ответила она.

— Вы верите, что Тедди жив?

В ее глазах стояли слезы, но она заговорила:

— Не знаю. Надеюсь. Я очень надеюсь... — Она обвела взглядом зал, посмотрела в сторону журналистов. — Если кто-нибудь знает, где он

сейчас... Пожалуйста, умоляю вас, верните его... Мы сделаем что угодно... Только не причиняйте ему вреда...

При этих словах один из репортеров вскочил с места, в лицо Мариэлле сверкнула вспышка, и судья распорядился вывести ретивого корреспондента из зала суда.

— И если это еще раз повторится, тот, кто это сделает, будет взят под стражу, — прогрохотал судья Моррисон и затем извинился перед Мариэлкой. Она уже пришла в себя и ожидала следующего вопроса Тома.

— Вы уверены, что вашего сына украл Чарльз Делони?

Адвокат задал опасный вопрос. Но ему хотелось, чтобы она во всеуслышание заявила, что не убеждена в виновности Чарльза. Он не сомневался, что ответ будет именно таким.

— Нет, не уверена.

— Способен ли он, по-вашему, на такой поступок? Вы знаете его лучше, чем кто бы то ни было. Он вас любил, он обвинял вас, плакал вместе с вами... даже бил вас... Возможно, с вами он обращался хуже, чем с кем-либо другим. — Чарльз сам признавался в этом Тому Армуру, и тем не менее из предварительной беседы с Мариэлкой адвокат заключил, что она не верит в его вину. — Одним словом, миссис Паттерсон, вы многое о нем знаете. Верите ли вы при этом, что он украл вашего сына?

Прошла целая вечность, а она все не отвечала. Наконец она отрицательно покачала головой и уронила лицо в ладони. Том Армур ждал.

— Вы все еще влюблены в него, миссис Паттерсон.' Она с грустью посмотрела на Чарльза. Они прошли вместе через много трудностей и были при этом счастливы. Хотя и давно.

— Нет, — тихо проговорила она. — Он дорог мне и, наверное, никогда не станет мне чужим. Он был отцом моих детей. Я очень любила его, когда была молода. А сейчас... Мне жаль Чарльза Делони. Но я уже не влюблена в него. Нам обоим пришлось пройти через безмерное горе и страдание.

Том Армур кивнул. Мариэлла не могла знать, что защитник Чарльза преклоняется перед ее мужеством. Она — изумительная женщина. Она твердо стояла под градом вопросов обвинения, из нее клещами тянули всю подноготную, выворачивали наизнанку ее душу, судьба отняла сначала двух детей, а теперь и еще одного, и как же она достойно держится! Никогда и никем не восхищался он так, как этой женщиной, но на лице его ничего не отражалось, он лишь задавал вопросы.

— Состояли ли вы в связи с мистером Делони, будучи уже замужем за мистером Паттерсоном?

— Нет, — спокойно ответила Мариэлла.

— Состояли ли вы в связи с каким-либо другим мужчиной? Хранили ли вы верность мужу?

Мариэлла спокойно встретила испытующий взгляд адвоката и не отвела глаз.

— Я верна моему мужу.

Она сказала правду. Она целовалась с Джоном Тейлором, это было, но только это. И в то время она уже не считала себя женой Малкольма.

— Спасибо, миссис Паттерсон, у меня к вам нет больше вопросов.

Том помог ей сойти со свидетельского места. Она устала, но у нее на душе на сей раз было куда спокойнее, чем после вопросов Уильяма Палмера.

Следующим Том Армур вызвал Хейверфорда, дворецкого. Хейверфорд сказал, что считает хозяйку очень достойной, справедливой, разумной дамой, с твердым характером. И настоящей леди, добавил он с гордостью. Мариэлла была тронута. Дворецкий сказал, что она была удивительно добра к сыну, и лично его всегда поражало, с каким пренебрежением относится к ней прислуга мистера Паттерсона. Хейверфорду всегда казалось, что сам мистер Паттерсон не становился на ее сторону. Сам мистер Паттерсон воспринимал ее не как хозяйку дома, а как гостью, поэтому и прислуга смотрела на нее так же. По его словам, мисс Гриффин обращалась с миссис Паттерсон возмутительно, домоправительница — еще хуже, а Эдит воровала у нее одежду, и все в доме об этом знали, включая мистера Паттерсона. Прислуга любила позубоскалить на кухне на ее счет.

— Значит, вы утверждаете, что к миссис Паттерсон дома относились без должного уважения? — с нажимом переспросил Том Армур, стремясь к тому, чтобы присяжные обратили особое внимание на этот факт.

— Совершенно верно, сэр, — с чувством собственного достоинства подтвердил Хейверфорд. Выглядел он чрезвычайно внушительно, не в последнюю очередь благодаря черному костюму, сшитому в Лондоне по особому заказу.

— Можете ли вы сказать, что ее поведение тому причиной? Считаете ли вы, как говорили ранее другие свидетели, что миссис Паттерсон была безответственной, слабой женщиной?

Было заметно, как оскорбился старый дворецкий, решив, что адвокат не правильно его понял.

— Сэр, я сказал не так. Я сказал, что таких хороших людей я редко встречал в жизни. Разумная, справедливая, добрая. И как вы можете говорить, что она слабая, после того как она так стойко перенесла такие несчастья?

На самом деле не Мариэлла, а мисс Гриффин после похищения вынуждена была ежедневно принимать лекарство.

— Тогда не могли бы вы указать причину, по которой обитатели дома мистера Паттерсона так к ней относились? Постарайтесь объяснить, почему так случилось.

Уильям Палмер хотел было заявить протест, но раздумал. Не стоит беспокоиться. Старик неопасен.

Хейверфорд утвердительно наклонил голову. Он очень хотел рассказать об этом присяжным:

— Мистер Паттерсон в самом начале сказал нам... — Хейверфорд помолчал, подбирая точные слова. — Он сказал, что она не совсем... правильно все понимает. У нее, мол, слабое здоровье, слабые нервы. Поэтому если она распорядится о чем-нибудь, надо ее вежливо выслушать, но не надо торопиться выполнять. Он сказал, что в хозяйстве она ничего не смыслит, а потом говорил, что и с детьми она не умеет обращаться. И мы все тогда поняли, что она не так много значит для мистера Малкольма.

Слова старика и самой Мариэлле на многое открыли глаза. Одного она не могла понять: зачем Малкольму понадобилось с первых же дней делать ее объектом презрения и насмешек. Или он просто хотел остаться одиночным хозяином и для нее в его доме нашлось место только как для матери Тедди? Хотя даже в этом качестве она практически ничего не могла сделать.

Прозвучал следующий вопрос:

— Вы знали про связь мистера Паттерсона с мисс Сандерс?

— Да, знал. По крайней мере, подозревал, — сказал Хейверфорд спокойно, хотя по его голосу можно было догадаться, что он не одобряет эту связь.

— Вы когда-нибудь говорили о своих подозрениях миссис Паттерсон?

— Конечно же, нет, сэр.

— Спасибо, мистер Хейверфорд.

Том Армур предложил своему оппоненту допросить свидетеля, но Палмер не счел нужным тратить время на допрос старика. Прокурор не придавал значения этому свидетелю. Но Мариэлле Хейверфорд по-настоящему растрогал. И не только ее, но и присяжных.

После рассказа Хейверфорда Мариэлла чувствовала неловкость, оттого что все эти неприятные вещи наконец высказаны вслух. С другой стороны, она испытала облегчение, узнав, что кое-какие обстоятельства существовали не только в ее воображении. Оставался вопрос: зачем Малкольму понадобилось унижать ее перед слугами? Должна была быть

веская причина. Или дело здесь в том, что уже тогда он был влюблен в Бригитту? И хотел избавиться от Мариэллы? Думал, что она не выдержит и уйдет, и оставит Тедди с отцом? Нет, она скорее умерла бы. Зачем же унижать, лгать, издеваться? Да зачем тогда вообще ему понадобилось жениться на ней? Неужели с самого начала — ложь? Она не могла в это поверить, вспоминая, как хорошо они жили когда-то.

Следующим свидетелем была Бригитта Сандерс. Когда она взошла на свидетельское место, в зале поднялся шум. Красивая девушка, этого никто не взялся бы отрицать. К тому же она очень сексуальна, Мариэлла раньше не замечала этого. Может быть, теперь она стала держаться более раскованно, потому что ей нечего было скрывать. Тайное стало явным, и Бригитта могла этим отчасти гордиться. На ней было блестящее черное платье, явно довольно дорогое. Волосы, как всегда, аккуратно подобраны, губы подкрашены. Ярко-красные ногти — как всегда. Любой признал бы, что у нее яркая внешность. В сравнении с ней Мариэлла казалась просто невзрачной. Но удивительно, какой холодной, расчетливой казалась Бригитта в отличие от Мариэллы. Том Армур подумал, что в ее манерах есть что-то невыносимо немецкое. Голос ее звучал резко. Мариэлла не могла припомнить, чтобы Бригитта так разговаривала прежде. Господи, да неужели все это — способ самозащиты, так как теперь все знали, что Бригитта Сандерс — любовница Малкольма.

Она признала, что Малкольм проводил у нее почти каждый вечер, иногда оставался на ночь. Она сказала, что с женой он никогда не был счастлив, а женился на ней только ради того, чтобы иметь детей. Эти слова больно уязвили Мариэллу. Но еще неизвестно, правда ли это.

— Она не умела любить легко и просто, — насмешливо сказала Бригитта. Ее уважение, дружеское участие к Мариэлле исчезли напрочь. Раньше она делала вид, что хорошо относится и к Мариэлле, и к Тедди. Малкольм смотрел на нее не отрываясь напряженным взглядом.

— Будьте любезны, поясните ваши слова, мисс Сандерс, — попросил Том Армур.

— Она очень долго не могла забеременеть. Уж не оттого ли, подумал Армур, что мистер Паттерсон слишком часто оставался на ночь с мисс Сандерс? Но вслух он этого не сказал.

— Он устал ждать и уже собирался с ней разводиться, когда она наконец забеременела.

В зале поднялся ропот, и судья стукнул деревянным молотком по столу, чтобы водворить тишину. Мариэлла опустила глаза. Она почувствовала, что краска заливает ее лицо. Джон Тейлор, как обычно, сидел рядом с ней. Он

не пошевелился, не произнес ни звука, но ему было жаль ее — он знал, как ей одиноко.

— Вы тогда уже были в связи с мистером Паттерсоном?

Том Армур не дождался ответа.

— Может быть, повторить вопрос? Заодно позвольте напомнить вам, что вы приносили присягу.

— Да, была, — ответила Бригитта куда менее решительно.

— Когда началась ваша связь?

Мариэлла не хотела пропустить ответ. Ей было интересно. Но ответа снова пришлось ждать долго.

— Через два месяца после их свадьбы. В феврале.

Мариэлла вспомнила, что именно в феврале Малкольм впервые уехал из Нью-Йорка и не взял ее с собой. Он не стал выжидать. Именно тогда он начал охладевать к ней. Она-то думала, это потому, что она не зачала ребенка, а оказывается, в его жизнь уже вошла Бригитта, и вошла прочно.

— У вас не возникало чувства досады из-за того, что он женат не на вас, а на ней?

— Нет, я... — Вопросы защитника явно выводили ее из равновесия. — Я знала, что Малкольм... то есть мистер Паттерсон хочет ребенка... Ко мне он был очень щедр...

Это участники заседания уже слышали. Том не стал выяснять, почему Малкольм хотел, чтобы матерью его ребенка была Мариэлла, а не Бригитта. Вместо этого он спросил Бригитту, не планировал ли Малкольм жениться на ней в случае развода с Мариэлкой. Бригитта ответила, что такой вопрос не обсуждался, и Том отметил про себя, что едва ли это правда. Прежде чем ответить, она бросила взгляд на Малкольма. Было очевидно, что у них были разговоры на эту тему.

Мисс Сандерс рассказала, что они с Малкольмом часто путешествовали вместе, ездили преимущественно в Германию, где у Малкольма были серьезные деловые интересы. Бригитта Сандерс заявила, что ее не смущало положение любовницы мистера Паттерсона. Сказала она это не слишком уверенно, так что Том Армур решил, что вряд ли ей можно верить. Затем она заявила, что никогда не видела, чтобы Мариэлла занималась с ребенком.

— Она постоянно лежала в постели с больной головой.

Бригитта говорила о Мариэлле тем же пренебрежительным тоном, что и слуги. Все, кроме Хейверфорда.

Бригитта прошла на свое место, откровенно демонстрируя красивые ноги и покачивая бедрами. Когда она проходила мимо Малкольма, он

отвернулся.

После этого почти неделю никаких неожиданностей на процессе не происходило, суд заслушивал экспертов и полицейских. На месте преступления не было обнаружено никаких отпечатков пальцев. Против Чарльза не было других улик, кроме пижамы и игрушки, найденных в его доме, а Том Армур заявил, что эти вещи легко могли подбросить. Никто не видел мальчика в доме Делони, алиби Чарльза не вызывало сомнений. Обвинение не выглядело бесспорным, поэтому зал затаил дыхание, когда Чарльз Делони был вызван для дачи показаний. Произошло это на исходе четвертой недели процесса.

Чарльз, бледный и худой, торжественно произнес слова присяги, поклялся говорить правду и с тревогой посмотрел в сторону скамьи присяжных. Том Армур обговорил со своим клиентом заранее все подробности допроса, предупредил его о возможных тактических ошибках.

Для начала Том спросил, где именно Чарльз провел последние восемнадцать лет. Чарльз пояснил, что много лет он прожил во Франции, а в последнее время находился в Испании и сражался против Франко.

— В мировой войне вы ведь тоже участвовали, мистер Делони?

Чарльз ответил утвердительно. Выглядел он сейчас намного старше, чем в тот день, когда встретил Мариэллу в соборе Святого Патрика. Четыре месяца заключения были для него адом. И ко всему этому семейный юрист два дня назад сообщил ему, что его отец быстро угасает.

— В каком возрасте вы ушли добровольцем на фронт в мировую войну?

— Мне было пятнадцать лет. Том кивнул, показывая свое уважение к его смелости.

— Вы были ранены, сражаясь в рядах армии США?

— Да, в бою при Сен-Мигеле. После этого я вернулся в Америку и три года учился. В 1921 году я снова уехал в Европу. Учился в Оксфорде, некоторое время жил в Италии, затем переехал в Париж.

— Там вы и познакомились с вашей будущей женой, ныне миссис Паттерсон?

— Да.

Чарльз посмотрел на нее и вдруг улыбнулся, сам того не желая. Она же не знала, какого исхода суда она хочет. Конечно, она хочет справедливости. Как для Чарльза, так и для Тедди. Но бог весть, дождутся ли они справедливости.

— Мы познакомились в 1926 году. Ей было восемнадцать. В конце лета того же года мы поженились.

— Вы любили ее, мистер Делони? — спросил Том с таким видом, как будто это был самый главный вопрос. — Вы любили вашу жену?

— Да. Я ее очень любил. Она была молода... и прекрасна... Как светлый, веселый ангел... Ей все было внове, все ее радовало... — На какую-то минуту его мысли унеслись куда-то невообразимо далеко, а потом он виновато взглянул на Тома и тихо проговорил:

— Мы были очень счастливы.

— У вас был ребенок? Чарльз кивнул:

— Мальчик... Андре... Мы были женаты почти год, когда он родился... Он был необыкновенный...

Все дети необыкновенны, подумала Мариэлла. Тедди тоже... Все...

— Вы оба любили ребенка?

— Да.

— Ваша жена любила его так же сильно, как и вы?

— Думаю, да. Мы все время проводили вместе. Я писал рассказы. Мариэлла ухаживала за ребенком, она занималась им исключительно сама.

— Гувернантки не было? — уточнил Том.

— Она не хотела никакой помощи.

Мариэлла улыбнулась давним воспоминаниям. Насколько все тогда было проще, без таких, как мисс Гриффин.

— Итак, вы все трое были очень близки?

— Я бы сказал, что да.

— Как по-вашему, это обстоятельство усилило ваше горе, когда вы потеряли его?

— Конечно. И мы оба были так молоды... Мы потеряли голову. Я обвинял ее, она — меня... Но было уже поздно...

— Она обвиняла вас?

— Нет, не то чтобы обвиняла... Просто наш мальчик... На самом деле Мариэлла очень винила себя, а я обошелся с ней крайне жестоко... — Голос его прервался. Даже теперь он остро чувствовал свою вину. Он обвел зал взглядом, и глаза Чарльза и Мариэллы встретились. — Я был не прав. Потом я понял... Но тогда она была уже далеко... И не хотела меня видеть. И врачи... Врачи решили, что, если я приеду к ней в клинику, это может повредить ей.

По мнению Тома, настал решающий момент. Присяжные обязаны знать все.

— Мистер Делони, вы били ее в ту ночь, когда погиб ваш сын?

Чарльз весь сжался от боли, но нашел в себе силы кивнуть.

— Да. Я в ту ночь буквально спятил от горя. Я увидел его тело...

Подумал, как она могла допустить... Я хотел что-то изменить... Умереть... Я ее ударил...

Он никогда не сможет вспоминать об этом.

— И в результате побоев она потеряла нерожденного ребенка?

— Нет! — Отчаянно помотав головой, он опять посмотрел на нее. — Врач сказал, что ребенок был уже мертв, когда ее привезли в больницу. Плод погиб от переохлаждения. Но ей врачи этого не сказали...

Мариэлла не могла больше сдерживать рыданий. Только сейчас она узнала, что младенец был уже мертв. Она все время знала только то, что потеряла и второго ребенка в ту безумную ночь.

— Правда ли, что всю ответственность за смерть обоих детей вы возлагали на жену? — безжалостно продолжал Том Армур. Беа Риттер слушала их, вся дрожа, но она понимала, что эти вопросы необходимы для спасения Чарльза. Это как рана, которую нужно дезинфицировать, чтобы пациент остался жив.

— Да, — почти прошептал Чарльз Делони. — Да... Я был не прав... Это не ее вина. Но когда я это понял, было уже поздно.

— Вы убили бы ее в ту ночь, если бы могли?

— Нет! — в ужасе вскрикнул Чарльз. — Я не желал ей зла. Я хотел, чтобы больно было мне!

— Когда вы избивали ее, вас пришлось оттаскивать или вы остановились сами?

— Я сам опомнился. Оставил ее в больнице, сам уехал домой и пил всю ночь. Наутро я приехал в больницу, чтобы просить у нее прощения, но мне сказали, что она в хирургическом отделении, потому что только что потеряла ребенка. Я так и не увидел ее и не поговорил с ней.

Слезы катились по его щекам. Мариэлла плакала, пытаясь сдерживать рыдания.

— Вы были на похоронах вашего сына?

— Да.

— А ваша жена?

Он тряхнул головой, не в силах говорить. Потом сказал:

— Нет. Ей было плохо. Она все еще была в Женеве, в больнице.

Это была еще не клиника доктора Вербефа, о которой знали все присутствующие.

— Сэр, хотели ли вы впоследствии иметь других детей? — спросил Том, и Чарльз быстро ответил:

— Нет. Я больше не хотел иметь детей. Это одна из причин, почему я не женился второй раз. У нас был сын, и его забрали. Я решил, что теперь в

жизни у меня останутся другие цели, что я буду писать о том, что мне представляется важным, воевать за то, во что верю. Мне нечего было терять. Если бы меня убили, никто не заплакал бы. Я мог свободно распоряжаться своей жизнью. Если бы у меня были жена и дети, это стало бы невозможным.

— Вы не завидуете тем, у кого есть семья?

— Нет, — спокойно ответил Чарльз, — никогда не завидовал. Я сделал свой выбор и не жалею об этом.

— Вы когда-нибудь хотели вернуться к жене?

— Да, — признался Чарльз. — Когда ее еще не выписали из лечебницы, я приезжал и просил ее вернуться, но она отказалась. Она сказала, что всегда будет чувствовать на себе ответственность за то, что произошло. Она не поверила, что я не стану больше ни в чем ее винить.

— Вы любили ее в то время?

— Да, любил, — сказал Чарльз, и в его голосе не было смущения.

— А она любила вас, как по-вашему?

— Думаю, что она тоже меня любила.

— А сейчас вы ее все еще любите?

— Да, — тихо ответил он. — И наверное, никогда ее не разлюблю. Но я понимаю, что судьбы наши разошлись. Думаю даже, что мы уже не принесем теперь счастья друг другу — — Чарльз посмотрел на Мариэллу и улыбнулся. — Мне представляется, что она не из тех женщин, которые могут быть счастливы в походных палатках, на войне.

В зале заулыбались. Немногих женщин обрадовала бы такая перспектива, но была среди них одна, которая последовала бы за ним на какую угодно войну, ночевала бы с ним рядом в каких угодно палатках.

— Когда вы в последний раз видели ее до встречи в декабре в соборе Святого Патрика?

— Почти семь лет назад.

— Вы, надо полагать, были взволнованы при той встрече?

— Конечно. Была годовщина смерти нашего сына, и встреча в церкви произвела на меня глубокое впечатление.

— Она была рада увидеть вас?

— Надеюсь, что да.

— Она дала вам понять, что будет ждать новой встречи с вами?

— Нет, — твердо сказал Чарльз. — Она сказала, что это невозможно, так как она замужем. — Это свидетельство прозвучало резким осуждением поведению Малкольма, который свил себе гнездышко около Бригитты. — Я не сумел ее убедить.

— Вы рассердились?

— Нет, но я был раздосадован. В тот день я мог думать только о нашем прошлом. Мы были счастливы тогда, поэтому я хотел снова ее видеть.

— Она рассказывала вам про сына?

— Нет, поэтому на следующий день, когда я увидел его, я был поражен. После встречи в соборе я провел страшную ночь и наутро был еще довольно пьян, так что я разозлился — почему она не сказала мне про ребенка. Мальчик понравился мне. И я наговорил много чепухи, вроде того, что она не заслужила такого ребенка. Мне кажется, что я ругал скорее себя, но тем не менее я повел себя отвратительно. К тому же, повторяю, я был в пьяном угаре.

— Вы угрожали ей?

— По-моему, да, — сознался Чарльз.

— Вы всерьез считали, что так и поступите?

— Нет.

— Потом вы позвонили ей и повторили ваши угрозы? Или вы звонили ей до того?

— Я не звонил ей.

— Вам случалось угрожать кому-либо насилием и потом приводить угрозу в исполнение?

— Никогда.

— А в этот раз? Мистер Делони, вы исполнили свои угрозы? — Том возвысил голос.

— Нет, я своих угроз не исполнял. Никогда я не смог бы причинить новую боль ей или ее ребенку.

— Вы похитили Теодора Уитмена Паттер; она, сына супругов Паттерсон, из дома его родителей в ночь на двенадцатое декабря прошлого года, или наняли кого-то другого, или вступили в сговор с кем-либо для приведения в исполнение этого замысла?

— Нет, сэр, я ничего этого не делал.

— Вы знаете, где находится мальчик?

— Нет... Мне очень жаль, я очень хотел бы это знать, но я не знаю.

— Правда ли, что через неделю после похищения ребенка в вашем доме нашли его пижаму и его игрушку?

— Правда.

— Как эти вещи к вам попали?

— Не имею представления.

— Можете ли вы предположить, как они попали в ваш дом?

— Не знаю. Думаю, мне их подбросили.

— Как вы думаете, зачем кому-то понадобилось это делать?

— Мне приходит в голову единственное объяснение: чтобы перед судом за это преступление предстал я.

— Можете предположить, кто это мог сделать?

— Не имею представления.

— У вас есть враги? Кто мог бы в принципе желать вам зла?

— Не знаю. Разве что генерал Франко. Раздались смешки.

— Вы коммунист, мистер Делони?

— Нет, — улыбнулся Чарльз, — я республиканец, по крайней мере, был сторонником Испанской республики. Скорее я просто свободомыслящий человек.

— Вы испытываете вражду к миссис Паттерсон за то, что она покинула вас? Или к мистеру Паттерсону, так как теперь он — ее муж?

Чарльз пристально посмотрел на мистера Паттерсона, сидящего в зале. Ему вдруг захотелось плюнуть в лицо Малкольму, но он сдержался и заговорил:

— То, что я услышал в этом зале, убедило меня, что этот человек не стоит ее. Но я не испытываю вражды ни к нему, ни к Мариэлле. Она много страдала в этой жизни. Она достойна лучшей участи, чем я или мистер Паттерсон. Она заслуживает, чтобы ее сын был с ней.

Мариэлла слушала его и плакала. Чарльз — честный человек, он всегда был таким. Выслушав его, она поверила, что не он украл ее мальчика. Том Армур очень надеялся, что присяжные придут к такому же выводу.

— Виновны ли вы в преступлении, обвинение в котором вам предъявлено? Не торопитесь, мистер Делони, и вспомните, что вы приносили присягу. Причастны ли вы каким-либо образом к похищению ребенка, о котором идет речь?

Чарльз гордо поднял голову и медленно произнес:

— Клянусь, что я не имею отношения к этому преступлению.

Том Армур повернулся к столику прокурора:

— Ваши вопросы, мистер Палмер.

Государственный обвинитель приложил все усилия, чтобы выставить Чарльза ничтожеством, заставить его признаться во лжи. Он особенно напирал на тот факт, что после смерти Андре Чарльз бил Мариэлла. Но сейчас все было предельно ясно, тайн больше не оставалось, и обвиняемый твердо стоял на своем. Он утверждал, что отношения к преступлению не имеет и не знает, как вещи мальчика попали к нему в дом. Эксперты же не нашли никаких следов пребывания Тедди в доме Чарльза — например,

волос, кусочков ногтей, одежды. Короче говоря, не существовало доказательств того, что мальчик когда-либо находился около Чарльза Делони.

Допрос Чарльза Делони занял два дня, и, когда его показания были полностью заслушаны, тайна похищения все еще не была раскрыта. Чарльз был тверд как скала. Он не виновен. Весь вопрос только в том, уверуют ли в его невиновность присяжные.

Допрос Чарльза Делони закончился к вечеру. Судья закрыл заседание. Малкольм отправился домой один, а Мариэлла зашла в церковь помолиться за жизнь своего сына. Уже прошла Пасха, все дети успели вволю наиграться с пасхальными яйцами, а комнаты Тедди были по-прежнему пусты. Когда Мариэлла входила туда, сердце ее рвалось на части, и все равно каждый день она находила причину, чтобы зайти туда — взять что-нибудь, убрать что-то, сложить какую-нибудь рубашечку — вдруг помнется... Мисс Гриффин жила сейчас у сестры в Нью-Джерси, и домоправительница недавно сказала Мариэлле, что англичанка уже подыскала другую работу. Счастливая мисс Гриффин, подумала Мариэлла. Как хорошо, что у нее опять будет ребенок, о котором можно будет заботиться. А у нее самой нет другого ребенка, и нужен ей только Тедди. Сердце ее болезненно сжималось, когда она вспоминала его шелковистые волосы, круглые щеки, губы. Теперь его не было... Тедди похитили... Возможно, она никогда больше не увидит его. Она пыталась смириться, принять это как данность. Мысли о Тедди отодвигали на дальний план предательство Малкольма.

Мариэлла долго стояла на коленях перед алтарем храма Святого Винсента. Она не сразу заметила, как возле нее опустился на колени Джон Тейлор. Каждый день он сидел рядом с ней в суде и ничего, ровно ничего не мог сделать для нее. Его люди не нашли ничего, кроме пижамы и игрушечного медведя в доме Делони.

На следующий день должны были состояться заключительные прения, и перспектива выглядела безнадежной. В эти два дня Делони прекрасно держался, и раза два Джон даже усомнился в его виновности, но в целом он по-прежнему склонялся к тому, что преступление совершил Чарльз.

Джон положил руку на плечо Мариэллы. В последнее время она сильно похудела, побледнела, но ее страшные головные боли почти прекратились.

— Ты едешь домой?

Тяжело вздохнув, она кивнула. Ей хотелось остаться здесь и стоя на коленях просить Небесного Отца вернуть Тедди. Уже долгие месяцы она

молит его только об этом.

В машине она сидела молча и размышляла о чем-то. Репортеры все еще караулили у дверей ее дома, но Тейлор уже давно пользовался черным ходом и ловко провел Мариэллу в дом через кухню. В доме еще дежурили полицейские, время от времени наезжали люди из ФБР, но никаких свежих улик не было. И никто больше не позвонил посреди ночи. Круглосуточное дежурство теряло всякий смысл. Все было кончено. Оставалось только дожидаться вердикта присяжных относительно виновности Чарльза Делони. Джон не знал, волнует ли будущий вердикт Мариэллу. Он знал, что она переживает за Чарльза, и не исключено, что переживает даже сильнее, чем говорит.

— Ты хочешь побыть одна? — тихо спросил он. Мариэлла взглянула на него с признательностью и кивнула. Очень скоро она останется совсем одна. С Малкольмом все было кончено, Тедди исчез, и, если Чарльз будет казнен, на свете не останется никого, кто бы любил ее. Мариэлла боялась думать о том, что ее ждет, и Джон Тейлор понимал, как ей тяжело. Он осторожно погладил ее по щеке.

— Ладно... Иногда это нужно...

Оба они знали, что одной ей плохо. Она поднялась по лестнице, он проводил ее взглядом. Внезапно ему пришла в голову страшная мысль: что, если она захочет сделать то, что много лет назад уже несколько раз пыталась сделать? Не стоит ли остаться в доме, не побежать ли следом за ней наверх? Но один из полицейских сказал, что наверху Малкольм. Тейлор поблагодарил полицейского, попросил осторожно присматривать за Мариэлкой и уехал.

Простившись с Джоном, Мариэлла поднялась в детскую, опустилась в кресло-качалку и прикрыла глаза. За окнами сгущались сумерки, на небе загорались звезды, и разглядеть их можно было даже сквозь тонкую занавеску. Мариэлла вспомнила детские стишки, которые они читали с Тедди, песенки, что она пела ему перед сном, и слезы неудержимо покатались по ее щекам. Вдруг она услышала какой-то звук и подняла голову. Перед ней стоял муж.

— Что ты здесь делаешь? — холодно спросил он.

— Пришла сюда, чтобы быть поближе к Тедди.

— Толку от этого нет, — мрачно произнес он. — Он умер. Скажи спасибо своему бывшему мужу.

— Да за что ты так жесток ко мне? — вдруг осмелилась спросить Мариэлла. — И почему ты так уверен, что он умер? Откуда ты знаешь, что он не вернется к нам?

Малкольм Паттерсон с ненавистью смотрел на нее. Он уже сбросил прежнюю маску примерного семьянина. Он будет разводиться с ней.

— Мариэлла, если он вернется, то не к нам. И не к тебе, потому что ты не можешь быть его матерью.

Это предсказывал Том Армур, который участвовал в качестве юриста в деле Вандербильда и знал, как такие дела делаются. Он видел, что к этому и клонит Малкольм. Свидетельства гувернантки, горничных, телеграмма из психиатрической лечебницы — все это служило доказательством ее несостоятельности как матери... На случай, если мальчика все-таки найдут...

— Как ты можешь это решать? — горячо возразила Мариэлла. — И за что ты меня так ненавидишь?

— Я не ненавижу тебя. Я тебя презираю. Ты ни на что не способна. Из-за тебя в нашу жизнь смог войти человек с неуравновешенной психикой и коммунистическими убеждениями. Из-за тебя он украл нашего сына и убил его.

— Ты же сам знаешь, что это не правда.

— Ты дура, Мариэлла. Дура, и еще все время лжешь. — Глаза его засверкали, но ее глаза теперь тоже блестели от гнева. — И ты еще хочешь, чтобы тебя уважали!

— А Бригитта? — тихо произнесла она. — Она, конечно, лучше? — В голосе Мариэллы слышны были боль и обида. Она только теперь начала понимать, как ее унижали все эти годы. И почему? За что? За что он ее ненавидит? Сам он придумал эти унижения? Или он делал это из-за Бригитты?

— Бригитта здесь ни при чем. Мы с ней не поженимся.

— А зачем ты женился на мне?

Мариэлла теперь и вправду не понимала, зачем.

— Возможно, я бы не женился, если бы уже тогда встретил Бригитту. Но с тобой я познакомился раньше. И мне нужен был ребенок.

После двух неудачных браков ему показалось, что Мариэлла — это именно то, что ему нужно. Она была молода и беспомощна. Его вполне устраивало, что его невеста осталась совершенно одна. Следовательно, она полностью окажется в его власти. На самом деле его не беспокоило даже то, что она лечилась в санатории для душевнобольных. Тем больше она будет зависеть от него, вот и все.

— Так ты женился только из-за детей? Чтобы иметь сына?

— Возможно.

Ею воспользовались. Больше она ни для чего не была нужна. Только

машина для производства ребенка. Но нет, еще кое-что было, Мариэлла это знала, и Малкольм знал, пусть даже сейчас он не захочет это признать. В первое время, хоть и недолго, но он любил ее. А потом... Потом, как теперь стало ясно, появилась Бригитта.

— А теперь что ты будешь делать? Женись на Бригитте, и она родит тебе еще детей.

Малкольм не стал объяснять, что Бригитта бесплодна.

— Тебя не касается, что я буду делать.

— Я уеду сразу, как закончится суд, — спокойно сказала она.

Вот только надо забрать вещи Тедди... Их обязательно надо забрать... Вдруг он все-таки вернется... Впервые за долгое время к ней вернулось странное ощущение, которое почти не покидало ее в клинике в Швейцарии. Какая-то непонятная боль, размывающая все мысли... Невозможно ни о чем подумать, принять решение... Мариэлла могла думать только о Тедди.

— Куда ты уедешь?

Его глаза, казалось, забирают всю ее душевную энергию.

— Неважно. Я оставлю адрес в ФБР, чтобы они могли связаться со мной, если... если они его найдут.

Снова он недоволен. Опять она сходит с ума. Это очевидно. Но ведь он сам довел ее до этого.

— Его не найдут, Мариэлла. Никогда не найдут. Неужели ты не понимаешь?

— Поживу в гостинице.

Она не ответила ему. Она просто смотрела в сторону, а он смотрел на нее. Он уже сказал юристу, сколько денег он ей оставит. Он откупится от нее, а ей, возможно, будет нужно пройти курс лечения. Когда Чарльза казнят, она поймет, что ребенка ей уже не увидит. Трудно сказать, сумеет ли ее разум совладать с этой мыслью.

— Я все равно скоро уеду по делам. Ты тогда сможешь собраться.

— Куда ты едешь? — спросила она слабым голосом. Нужно сосредоточиться, а руки дрожат.

— Тебя это не касается.

Теперь она почему-то перепугалась. Что она будет делать без него? Кто поможет ей искать Тедди? Но она сразу же поняла, что никто ей не нужен. Просто ей нужно время, чтобы прийти в себя. Она знала, что с ней происходит. Ей нужно собрать все силы, чтобы бороться с безумием. Сделав над собой усилие, она встала с кресла и спустилась в свою комнату. Он может делать все что угодно. Но она не забудет ребенка, которого любила. И именно поэтому она сможет пережить все, что ей предстоит.

Несколько позже ей позвонил Джон Тейлор. Он беспокоился за нее. И понимал, какой оборот может принять процесс.

— Все в порядке?

— Да. Просто сегодня было трудно. — А с Малкольмом было еще труднее. Мариэлла была измучена, но ей было приятно говорить с Джоном.

— Дальше будет еще хуже. Пойдут заключительные прения, потом приговор присяжных. Это будет пытка. Мариэлла, ты только постарайся быть спокойной. — Она постарается, потому что он будет с ней.

— Я знаю... Все нормально... Джон, нет никаких новостей, а? Ну, про Тедди?

— Нет, — виновато сказал он. — Никаких. — Он уже знал, что дело идет к концу. Прошло четыре месяца, надежда испарилась. — Если что-то будет, я тебе скажу.

— Я знаю, что скажешь.

— Мариэлла... — Он отдавал себе отчет в том, что телефон могут прослушивать, но он хотел напомнить, как он любит ее.

— Я знаю... Все нормально...

Ее голос звучал так печально, что ему невероятно захотелось оказаться рядом и поддержать ее. Но она сидела у себя в спальне совершенно одна, и по щекам ее текли слезы. Слезы усталости и горя.

— Мариэлла, наберись сил еще на несколько дней. Может быть, побудем вместе, когда все кончится. — Он знал, что ей будет нужно покинуть этот дом. Он давно боялся, что она не выдержит, и сегодня она могла не выдержать, но все-таки не сломалась. — Завтра увидимся.

— Спокойной ночи, — прошептала она и повесила трубку. Потом она пошла спать. В этот час Беа Риттер обдумывала, что она скажет Тому Армуру, когда позвонит ему.

Глава 14

Добравшись домой, Том Армур сразу же засел за подготовку к завтрашним прениям. Наконец он встал из-за стола, полностью удовлетворенный перспективами, потянулся, зевнул, потом еще раз бегло просмотрел бумаги и решил сделать себе сандвич. В квартире его царило такое запустение, что казалось, будто в ней живут одни крысы. Открыв холодильник. Том убедился, что он пуст. Взгляд адвоката еще скользил по полкам холодильника, когда раздался телефонный звонок. Наверное, опять эти чертовы репортеры. Но не исключено, что кто-то хочет сообщить что-нибудь важное.

Том рассеянно снял трубку. В этот момент он раздумывал, стоит ли идти в магазин и купить что-нибудь перекусить, или лучше лечь и постараться выспаться к завтрашнему утру. Поднося трубку к уху, он думал, кто бы мог звонить ему так поздно, а в желудке у него яростно урчало, так как он не успел и пообедать. Единственная женщина, которая в последние годы привлекала его внимание, незадолго до Рождества объявила, что выходит замуж за другого, потому что Тому его работа наверняка заменит семью, а она устала слышать о его бесконечных делах. Зато к тридцати шести годам Том сделался одним из самых известных в Нью-Йорке адвокатов по уголовным делам.

— Могу я поговорить с мистером Армуром? — спросил довольно приятный незнакомый женский голос.

— В этом доме нет дворецкого, который подходил бы к телефону. Я вас слушаю.

Ему вдруг пришло в голову, что звонит какая-нибудь ненормальная по делу Делони. Защищать Делони было интересно, но практически сразу он начал получать анонимные письма и выслушивать по телефону такие, например, вопросы: как вы можете защищать такого выродка и тому подобное.

— Кто говорит? — спросил он, нахмурился. Давно ему не звонили домой такие милые голоса.

— Говорит Беатрис Риттер. Том, это вы?

— Собственной персоной.

Он знал Беатрис Риттер и симпатизировал ей.

Она понравилась ему при первой встрече, когда она явилась к нему и упростила-таки взять на себя защиту Чарльза Делони. Ему были по душе

написанные ею статьи о Мариэлле, Чарльзе и о ходе процесса.

— Мне нужно с вами поговорить, — серьезно и взволнованно сказала она.

— Слушаю вас.

Можно и поговорить, раз в холодильнике пусто.

— Мы могли бы с вами где-нибудь встретиться? Том посмотрел на часы и задумался. Вот он стоит в своем доме, сравнительно молодой, сравнительно красивый мужчина в белой рубашке, брюках и подтяжках, и у этого вполне привлекательного мужчины за последние четырнадцать часов во рту не было ни крошки, если не считать нескольких чашек кофе.

— Сейчас почти одиннадцать. Нельзя отложить разговор до завтра?

— Нет, нельзя. — В ее голосе звучала отчаянная решимость.

— Что-нибудь случилось?

— Мне надо встретиться с вами.

— Вы кого-нибудь убили?

— Я говорю серьезно... Пожалуйста, поверьте... Я не могу ждать до завтра.

— Я полагаю, это касается моего подзащитного?

Том не знал, по каким причинам она так близко к сердцу принимает дело Делони, но если она что-то раскопала, этим стоит воспользоваться.

— Да, прямо касается.

— И это срочно?

— Думаю, что да, — ответила она серьезно.

— Может быть, вы подъедете ко мне домой? Вообще-то не всякая девушка решилась бы ехать к мужчине в такой поздний час. Но эта девушка приедет. Она — журналистка, так что она привыкла совершать такие поступки, каких не совершил бы ни один нормальный человек. Том восхищался смелостью и колоссальной энергией маленькой Беатрис. Когда-нибудь они могут стать друзьями, но сейчас, кажется, не самый подходящий момент.

— Приеду, — взволнованно сказала она. — Надеюсь, вы живете не в Нью-Джерси?

— 59-я улица устроит? Между Лексингтон-авеню и Третьей авеню. Массивный каменный дом.

— Так это же просто счастье! Я живу на 47-й. Ловлю такси. Буду через пять минут.

— Только можно вас попросить об одолжении?

— Конечно.

— Захватите с собой сандвич с мясом. Я ничего не ел с утра.

— Горчица или майонез?

— Да все что угодно. Умираю с голоду. Слона съесть готов.

— Скоро получите, ждите.

Прошло двадцать минут. Наконец позвонили в дверь. Она стояла на пороге, в синих брюках и ярко-голубом свитере и с голубым обручем в волосах, и протягивала Тому коричневый пакет. В пакете были банка пива, два огурца и огромный сандвич.

— Вы — святая. — Том был настолько счастлив и благодарен девушке, что в эту минуту его не заботило даже, что она собиралась ему сказать. — Пива со мной выпьете?

— Нет, спасибо.

Она прошла на кухню и опустилась на стул.

Обоим показалось, что они знакомы бог знает сколько лет. Том подумал, что Беа Риттер следила за ходом процесса с самого начала, и в каком-то смысле они сражались бок о бок.

— Как вы думаете, Чарльза оправдают? — спросил Том.

— Не могу сказать. Ваших присяжных не раскусишь. Мне иногда кажется, что джентльменам он симпатичней, чем дамам. Вообще я ни в чем не уверена. Во всяком случае, вы вернули доверие к Мариэлле Паттерсон. А каким все-таки сукиным сыном Паттерсон оказался! — Он кивнул, помня о том, что она как-никак журналистка, и вся эта тирада может оказаться трюком. — А вы много сделали для Чарльза Делони.

— Спасибо. Он вчера и сегодня хорошо держался, по крайней мере, я так думаю.

— Я тоже так думаю, — подтвердила она. Ей удалось в тот день поймать взгляд Чарльза, она подала ему знак, и он улыбнулся. Ее интерес и вера в него были ему приятны, эта девушка нравилась ему. Но сейчас все зависело от Тома Ар мура... И от присяжных.

— Так в чем дело? Что привело вас ко мне в столь поздний час? Вы даже сандвича не пожалели. Надо полагать, вы прибыли для того, чтобы сказать, что вы восхищены моим мастерством ведения защиты?

— Нет, — засмеялась она, — хотя вы действительно прекрасно работали. Вы лучше почти всех, кого я видела.

Ее глаза перестали смеяться. Она должна была сказать ему нечто важное. Они должны были спешить спасти Чарльза Делони. Завтра состоятся прения, в которых обвинитель и адвокат выдвинут свои последние доводы, а дальше судьба Чарльза будет в руках присяжных.

— Я сделала одну странную вещь, — сказала она, отрезая себе кусок огурца. — Я позвонила одному человеку, о котором когда-то очень давно

написала статью. Точнее, год назад. Вы его, наверное, знаете. Тони Капрони.

— Конечно, знаю. — Том Армур был поражен. — Крупнейшая фигура в определенных сферах. Да-с, мисс Риттер, с милыми людьми вы общаетесь.

— Я написала о нем, и ему понравилось. Он сказал, что я могу ему звонить, если мне что-нибудь будет нужно. И вот я позвонила.

— Так, вы позвонили Капрони. Зачем? Опять-таки впечатляющая смелость. Тони Капрони был известен как очень опасный человек и один из самых крупных боссов преступного мира.

— Я спросила, не слышал ли он чего-нибудь. Может быть, он знает кого-то, кто знает кого-то еще... Возможно, хоть кому-то в уголовной среде известно, кто имеет отношение к похищению Тедди Паттерсона... Не знаю, в общем, я подумала, что стоит попробовать.

— И что? Надо думать, ничего не вышло? Так же и ФБР действовало. Они пустили в ход своих информаторов, но это ничего не дало.

— Тони тоже так сказал в первый раз. А сегодня он перезвонил мне... — Беа непроизвольно сжала руку Тома. — Перезвонил мне, продиктовал имя и телефон, по которому я должна была позвонить.

Том даже перестал жевать:

— Этот человек что-то знает?

— Кто-то, он не знает кто, заплатил ему пятьдесят тысяч, чтобы он подкинул пижаму и игрушку в дом Делони. Выступать в суде он не хочет, согласен только при условии, если мы гарантируем ему помилование. Том, он боится, он до смерти боится, но ему жаль Чарльза, поэтому он сознался. Он тоже думает, что мальчик жив, и ему не хочется, чтобы что-нибудь случилось.

— О господи... Черт их всех подери... Дайте мне телефон. — Она вытащила из сумочки листок и протянула ему. — Вы меня не водите за нос? Если вы об этом напишете, я вас прибью.

— Клянусь вам, я вас не обманываю. И Том, непонятно почему, поверил.

Глава 15

Ровно в десять часов пятнадцать минут утра судья Авраам Моррисон ударил молотком по столу и призвал всех к порядку. Том Армур выглядел очень импозантно в темно-синем костюме, белоснежной рубашке и новом галстуке. Он даже встал на пятнадцать минут раньше обыкновенного, чтобы привести себя в безупречный вид. Он считал, что важно хорошо выглядеть на последних, самых важных заседаниях суда.

— Дамы и господа, сегодня мы завершаем слушание дела, — сказал судья, обращаясь к присяжным. Все члены коллегии провели этот месяц в отеле «Челси». Должно быть, это далось им непросто, многие из них заметно осунулись.

Неожиданно Том Армур поднялся с места и попросил слова.

— Что случилось, господин защитник? — негромко спросил судья, угрожающе сдвинув брови.

— Ваша честь, открылись новые обстоятельства, но по некоторым причинам они не могут быть немедленно представлены суду. Не мог бы я поговорить с вами и с господином обвинителем в совещательной комнате?

Брови судьи сдвинулись. Дело подходило к концу, и вдруг адвокат толкует тут о каких-то новых показаниях. Какого черта? Но вслух судья сказал:

— Хорошо, я не возражаю.

Совещание продолжалось до половины двенадцатого. Судья был согласен заслушать показания нового свидетеля, но наотрез отказывался обещать ему помилование. Если он говорил правду, то он нарушил закон, подбросив в дом Делони улики. К тому же возможно, что ему известно о похитителях больше, чем он говорит.

— Я предлагаю арестовать его, — сказал Уильям Палмер.

— С этим я не могу согласиться, — возразил Том Армур.

— А если он врет?

— А если нет? Если он подбросил улики в дом, это означает только одно — Делони невиновен.

— О господи, кто он такой? — раздраженно буркнул Палмер.

— Не могу вам сказать, пока мы не пришли к соглашению.

Во время их перепалки на судью было жалко смотреть. Завершение дела явно откладывалось до лучших времен.

— Хорошо, даю вам сорок восемь часов, чтобы проверить все и

определить, вранье это или нет. Подключайте ФБР, армию, флот, кого хотите.

Мне наплевать, что вы будете делать. И я ничего не гарантирую вашему человеку. Ищите доказательства. Но через сорок восемь часов вы должны представить что-то реальное, иначе я объявляю, что вы ввели суд в заблуждение, и сажаю вашего человека в тюрьму. Вы меня поняли?

— Вполне. Спасибо, сэр. — Том Армур сиял от радости. У него есть сорок восемь часов на то, чтобы сотворить чудо. А может быть, ему поможет знакомый Беатрис.

— Вы не возражаете против двухдневного перерыва, мистер Палмер? — спросил судья.

— А у меня есть выбор? — огрызнулся Палмер. Он был недоволен, но бороться не стал. Он был готов взять реванш в конце процесса.

— Нет, конечно, — чуть улыбнулся судья, а Том Армур даже рассмеялся.

— Тогда я согласен. Пусть действует. Лично я считаю, что это мыльный пузырь. Мне ясно, что Делони преступник, коммунист и подонок.

— Не советую вам говорить в таком тоне о моем клиенте, — резко ответил Том Армур.

— А я вам не советую иметь таких клиентов. После этого все трое вернулись в зал суда, и судья объявил, что назначил двухдневный перерыв для проведения дополнительного расследования по вновь открывшимся обстоятельствам. Следующее заседание суда состоится в пятницу. Пока судья говорил, Том объяснял на ухо Чарльзу, в чем дело. Когда публика стала расходиться, Том сделал знак Джону Тейлору, подзывая его к своему столу.

— Можно вас на минутку задержать? Нам нужна помощь.

— Конечно.

Официально он должен был помогать обвинению, но на самом деле он считал своим долгом помогать кому угодно, чтобы только отыскать Тедди.

— Мы можем с вами переговорить наедине? Конвой уже вывел Чарльза из зала, а его защитник провел Тейлора в пустую комнату.

— Что у вас?

— Точно не знаю. Но надеюсь, что все это не зря. — Он поведал Тейлору, что может рассказать новый свидетель и откуда он взялся. — У него поджилки трясутся от страха. Он получил свои бабки, так что теперь он соучастник. И знает, что у того, кто его нанял, руки длинные.

— Но он хоть не немой? Кто такой? Может, я его знаю?

— Может, и знаете. Но вам я скажу, только если вы гарантируете, что

не будете его преследовать.

— Черт возьми, Армур, ничего я не могу вам гарантировать. Гарантирую только, что всажу вам шило в задницу, если вы мне не скажете все, что знаете. Мне ваших клиентов защищать ни к чему. Мне надо найти четырехлетнего пацана. Если он не мертв сейчас, то ему угрожает сами знаете что.

— Все я знаю, господи боже мой. Только вы мне дорогу не переходите. Тот парень тоже думает, что мальчишка жив и здоров. Обещайте мне, что не устроите на него охоту.

— Я не устрою на него охоту. Я хочу с ним поговорить. Вы можете тоже в разговоре поучаствовать, если хотите. Кто он такой?

Армур все еще боялся, что навлечет на того парня неприятности.

— Его зовут Луи Полянский, — сказал Том, рискуя довериться Тейлору.

— Как? Луи Полянский? Так это же Луи Любовник! С ним мы старые знакомые. Пятнадцать лет назад, когда у меня самого еще молоко на губах не обсохло, я спас ему жизнь. Его приятели должны были его убить, а мы обеспечили ему уютное убежище лет этак на пять... Он меня любит. — Джон Тейлор нервно рассмеялся.

— Не шутите? — удивленно переспросил Том.

— Со мной он будет говорить. Я обещаю. Том перезвонил Луи, и тот согласился на встречу с ним и Джоном Тейлором.

Встреча состоялась в итальянском ресторане в Гринвич-Виллидж в час дня. Том Армур не бывал в этом заведении ни разу, но Джон Тейлор знал его хорошо. Много лет этот ресторанчик находился под контролем торговцев спиртным. Там Тома и Джона ожидал низенький, тучный, лысый человек, который все время обливался потом. Он страшно нервничал и тем не менее, казалось, был рад увидеть Джона Тейлора. И разговор состоялся.

— Зачем я только на это пошел? Это кошмар, скажу я вам. Но работа такая легкая, а мне сулили сумасшедшие бабки. Говорили, все сойдет.

В самом деле, до сих пор сходило. Тейлор взглянул на Тома.

— Черт побери, кто мог заплатить ему такую кучу денег, чтобы подставить Делони? Кому-то явно сильно мешал ваш клиент.

— Если бы я только знал, — пробормотал Том.

— Ребенок наверняка цел, мне так сказали, только я не знаю, где он, у кого, — зашептал Луи, озираясь по сторонам.

— Можешь точно узнать? — спросил Тейлор.

— Попробую. Но я не уверен, что получится. Там крутятся большие деньги. Они нанимают надежных людей, таких, которые болтать не будут.

Спасибо и на том, что Луи разболтал. Тейлору очень хотелось, чтобы информация Луи оказалась верной и выяснилось бы, что Тедди жив.

— Можешь предположить, где он сейчас? Хотя что-нибудь. Любой намек. Лишь бы мы могли его искать.

— Может быть, его уже вывезли из Штатов. В ФБР анализировали такой вариант. Четыре месяца шла тщательная проверка в аэропортах и морских портах. До самого последнего времени проверяли всех, кто пересекал канадскую и мексиканскую границы. И пришли к выводу, что либо Тедди мертв, либо никто не пытался вывезти его за рубеж.

Но Джону пришла в голову и другая мысль. Тотальный контроль в морских портах был ослаблен всего неделю назад. Возможно, стоит попытаться счастья еще раз. Он с интересом посмотрел на Луи.

— Луи, ты в моем вкусе. Ты подсказал мне идею.

— Правда? И что теперь со мной будет? Послушай... Я верну деньги. Я всего десять кусков потратил. Сорок тебе отдам. Отдай в ФБР, судье, кому хошь. Только чтобы мне соучастие не шили.

— Значит, так. — Тейлор был теперь серьезен. — Если нам повезет, я буду за тебя горой стоять, так как ты помог нам найти мальчика. Если мы его не найдем, считай, что твой клюв увяз глубоко. Я сделаю все, что от меня зависит. Когда будет надо, я тебя найду.

— Ну да... Сообщи... — Луи Любовник со страхом покосился на Тома, а Джон Тейлор пошел звонить по телефону.

— Спасибо вам, — тихо сказал Том Армур. — Может быть, вы спасли жизнь моему клиенту.

— Ага, — нервно усмехнулся Луи, — и заодно свою шкуру. Знаете... Я не хочу, чтоб они тронули малыша. Дерьмово получится. Как с Линдбергами. Я тогда за ограбление банка срок мотал. Меня, знаете, от таких воротит. Чтобы детей убивать...

— А как вы считаете, его могли убить? При одной мысли об этом Тому становилось плохо. Не только из-за клиента. Мариэлла вызвала его восхищение на процессе, и он не мог себе представить, что ее ожидает еще и этот удар. После смерти первых детей, после всего, что она вынесла от Малкольма...

— Трудно сказать, — серьезно ответил Луи. — Когда пахнет большими деньгами, по-всякому бывает. А тут видно, что богатая публика участвует.

— Дорого бы я дал, чтобы знать, кто за этим стоит, — проговорил Том. Наконец стало окончательно ясно, что преступник — не Чарльз Делони. Том верил ему и раньше, но теперь не оставалось никаких сомнений. Но

преступление сработано настолько профессионально, что преступник может ускользнуть. И Тедди они могут не найти никогда.

Тейлор вернулся к столику мрачнее тучи.

— Ну как? — спросил его Том.

— Не знаю. Может, идохлый номер, но в ближайшие несколько дней порт будут прочесывать. Там, помимо всего прочего, будет шесть пассажирских лайнеров. Так что работы хватит. А ты, Луи, тоже не сиди сложа руки. Я тебе позвоню.

По меньшей мере они смогут получить его заявление о том, что пижама и плюшевый мишка были подброшены. Но Тейлор понимал, что в этом случае будет не так просто обеспечить безопасность Луи.

— Спасибо за угощение, — сказал Луи, обращаясь к обоим. Он не жалел, что пришел. Стоило им помочь хоть ради того, чтобы они нашли мальчика. Человеку нужно время от времени делать что-нибудь такое, о чем потом не стыдно вспомнить. Правда, иногда за добрые дела приходится расплачиваться.

Выйдя из ресторана, Тейлор еще раз позвонил из автомата. Он звонил Мариэлле, поэтому не хотел, чтобы его услышали.

— Привет. Это я. — Конечно, она узнала его голос. — Можешь прийти в церковь, где мы с тобой вчера были? Ну, минут через двадцать?

— Ладно, — удивленно сказала Мариэлла. Проскользнув через черный ход, Мариэлла выбралась из дома незамеченной. На всякий случай она накинула на голову шарф и надела большие темные очки. Когда она пришла в церковь Святого Винсента, Тейлор был уже там.

— Что-нибудь случилось? — взволнованно спросила она, и он улыбнулся.

— Нет, просто я хотел сказать, что пару дней буду очень занят. Не беспокойся, если не увидишь меня в эти дни.

— Ты будешь работать с тем новым свидетелем, о котором говорили сегодня в суде? — Мариэлла была обеспокоена. С той самой ночи, когда пропал Тедди, она виделась с Джоном Тейлором каждый день без исключения, и он сделался ее единственной опорой.

— Да, дела связаны с этим.

— А... к Тедди это не относится? — Мариэлла не решилась прямо спросить, не нашли ли Тедди или, скорее, его тело.

— Ничего пока точно не знаю. Будем проверять. Не волнуйся. Как только что-нибудь выяснится, я тебе сообщу. — Ему не хотелось воскрешать бесплодные надежды, это может обернуться новыми страданиями. — И еще, мне надо задать тебе один вопрос. Сегодня утром

наши люди кое-что выяснили. Вы с мужем никуда не уезжаете в ближайшие две недели?

Тейлор вспомнил те соображения, которые заставили его недавно принять решение усилить контроль в порту. Та мысль, а также кое-какие слова Луи Любовника зажгли сигнал тревоги в его мозгу. Эти слова со всей очевидностью подтверждали его догадки. До сих пор он считал, что Мариэлла просто чего-то не рассказала ему.

— С Малкольмом? Мы уже целый месяц едва разговариваем, а вчера он заявил, что собирается разводиться со мной.

Она не выглядела очень расстроенной, потому что давно была готова к такому обороту событий.

— Очень мило с его стороны. Значит, ты с ним никуда не собираешься? — Тейлор и так был в этом уверен, но должен был убедиться окончательно.

— Нет. Да зачем? — удивилась Мариэлла.

— Он не мог решить отправиться куда-нибудь в путешествие, чтобы успокоиться и развеяться?

— Только не со мной. Он сказал, что его адвокат будет мне звонить.

— Когда он это сказал?

— Вчера вечером, когда я пришла из церкви. — Внезапно Мариэлла вспомнила, что Малкольм сказал еще кое-что. — Да, правда, он сказал, что куда-то уедет. Тебя это интересует?

— Возможно.

Тейлор не стал говорить Мариэлле, что в списке пассажиров «Европы»^[6] значатся мистер и миссис Паттерсон. Оставалось только предположить, что он возьмет с собой Бригитту под именем своей жены. Малкольм так уже неоднократно поступал, в порту никогда не проводилась тщательная проверка паспортов. Значит, он отправляется на приятную прогулку, а Мариэлла будет сидеть одна и ждать вестей о Тедди.

— Видимо, я что-то перепутал.

— То есть ты думал, что я собираюсь улизнуть? — Она улыбнулась, но глаза ее не повеселели. Ей много пришлось перестрадать за эти четыре месяца. Джону хотелось обнять ее, побыть с ней рядом, но сейчас нужно было спешить.

— Миссис Паттерсон, если соберетесь выехать из города, поставьте в известность ФБР. Вас должен сопровождать наш агент.

— Звучит устрашающе, — улыбнулась Мариэлла. Они вышли из церкви. — Когда я тебя увижу?

— Как только я со всем этим разделаюсь. Сразу приеду или позвоню.

Или увидимся в пятницу утром в суде. — Он ободряюще улыбнулся и обнял ее за плечи. — Береги себя.

Джон проводил Мариэллу почти до самого ее дома и еще долго смотрел ей вслед. Потом поймал такси и поехал к себе на работу.

У Мариэллы не было никаких новостей на протяжении двух дней. Малкольм поехал в Вашингтон на встречу с немецким послом, и Бригитта уехала с ним. Том Армур вплотную занимался подготовкой к заключительным заседаниям суда и успокаивал Чарльза, у которого случилось что-то вроде нервного срыва, когда Том, в общих чертах рассказал ему про Луи. Армур понимал состояние Чарльза и был очень осторожен, когда рассказывал ему о новых обстоятельствах дела. Том решил, что Чарльзу следует знать, что пижаму и медвежонка подбросил Луи. Но не стал говорить, что Луи, возможно, не захочет подтвердить это в суде.

— Да это же меня полностью оправдывает! — закричал Чарльз прямо в ухо Тому.

— Я понимаю. Но надо, чтобы этот парень захотел выступить в суде.

— Как его зовут?

Как будто это имеет какое-то значение! Том Армур сказал с улыбкой:

— Луи Любовник.

— О-о, хорошее имя.

— Прошу вас понять, что если улики подбросил он и не откажется подтвердить это на суде, то он действительно именно тот, кто нам с вами нужен.

— Да откуда вы его выкопали?

Надежда уже озаряла его душу, но мрак еще не полностью рассеялся. Многого еще предстоит сделать, чтобы присяжные вынесли оправдательный приговор. И Чарльз хорошо понимал, что может считать себя уже трупом, если Луи Любовник ляжет на дно и не выступит в суде.

— Меня вчера вечером вывел на этого Луи один человек, который очень хорошо к вам относится.

— Это кто? — заволновался Чарльз.

— Беатрис Риттер.

— А-а, хорошая девочка, правда? Упрямая, целеустремленная, — сказал Чарльз, улыбаясь. — Она иногда напоминает мне Мариэллу в молодости. Она была такая же боевая и отчаянная. С тех пор жизнь изменила ее. — Лицо Чарльза снова затуманилось. — Или это из-за меня... — Сейчас Мариэлла всегда грустная, но по-прежнему прекрасная и добрая. И все же что-то в ней оставалось от прежней Мариэллы, которая любила

смеяться, развлекаться, хотела быть счастливой. Том Армур заметил это еще при первой встрече с ней. — Как вы думаете, она сможет когда-нибудь оправиться? — спросил Чарльз, как будто Том знал Мариэллу ближе. Впрочем, Чарльз догадывался, что его адвокат хорошо разбирается в людях.

— Думаю, да. Конечно, вряд ли она станет такой же веселой и беззаботной девочкой, какой вы ее мне описывали, она будет серьезнее, это естественно в ее возрасте. Но она должна остаться самой собой. У нее сильный характер.

Том невольно вздохнул. Мариэлла заслуживала лучшей участи.

— А как вам удастся быть все время в хорошем настроении? — вдруг поинтересовался Чарльз. За эти месяцы они стали почти друзьями. Чарльз очень уважал Тома, и Том отвечал Чарльзу самой искренней симпатией.

— Наверное, я просто глуп.

Жизнь Тома тоже не была безоблачной. Он уже рассказывал Чарльзу, что десять лет назад, когда он только окончил университет, его жена и маленькая дочка погибли в автомобильной катастрофе. По странному совпадению, это случилось в тот самый год, когда погиб сын Чарльза, Андре. Том тоже не женился вторично. Но он был поглощен работой. Сам он думал, что когда-нибудь, когда он будет посвободнее... Когда не надо будет защищать таких ненормальных, как Чарльз Делони... Тогда он еще найдет в себе силы полюбить женщину... Только пока еще не время.

Том много времени проводил с Чарльзом, стараясь отвлекать его от грустных мыслей, а Чарльз донимал его вопросами, нет ли новостей от Джона Тейлора. Новостей не было. Том и сам изнывал от неизвестности. Один раз он решился позвонить Тейлору. Ему повезло, Тейлор был в кабинете. Судя по голосу, он был вымотан до крайности.

— Черт вас побери, Армур, что значит «быстрее»? Вы знаете, что значит обследовать пассажиров и экипажи шестнадцати судов? Да мы весь порт перетрясли!

То же самое происходило в эти дни и в порту Нью-Джерси, но там проще. Там в данный момент стояли только танкеры. А вот в Манхэттене все бурлило. Иностранцы шумно возмущались, что их смеют обыскивать, им приходилось объяснять, в чем дело, но и после этого мало кто проявлял добрую волю. Несмотря на то, что газеты подробно освещали ход процесса, публика мало-помалу забывала про похищение Тедди, это преступление давно перестало ее занимать. Так что обыск ни у кого не вызывал энтузиазма. Особое внимание ФБР уделило «Европе», на которой должен был вскоре отбыть Малкольм, но там ничего не нашли. Больше

всего неудовольствия по поводу обысков выражали немцы.

— Я же сказал вам, что позвоню, как только будут новости. Я со вчерашнего вечера не был здесь, сейчас заехал на полчаса принять душ, потому что уже не держусь на ногах. Что вы от меня хотите, мистер Армур? — Тейлор говорил очень грубо, но Том понимал, что он просто устал.

— Да ничего, просто мой клиент нервничает.

— Так успокойте его, чтоб не слетел с катушек. Мы сделаем все возможное. — Тейлор замолчал, как будто не решаясь что-то сказать, потом рискнул:

— Можно попросить вас об одолжении?

— Конечно. Выкладывайте. Позвонить Луи Любовнику? — Том усмехнулся.

— Нет. Позвоните Мариэлле Паттерсон. Она там наверняка мучается от неизвестности. Я не говорил ей про Луи и про пятьдесят кусков. Только сказал, что у нас есть новые улики. Не надо, чтобы она радовалась прежде времени.

— Ладно. Что ей сказать?

— Даже не знаю... — Тейлор замялся, и Том подумал вдруг, что неспроста Тейлор принимает такое участие в Мариэлле, но сразу сказал себе, что не следует ему лезть в их личные дела. — Просто убедитесь, что у нее все в порядке. Паттерсон измывается над ней как может. Собрался разводиться.

— Сволочь, — пробормотал Том. Впрочем, он не был удивлен.

— Вот такой он. Думаю, он захлебнется от счастья со своей обожаемой мисс Франкфурт. Она похожа на кусок черствого хлеба.

— Когда буду писать мемуары, процитирую ваше сравнение, инспектор Тейлор. Джон устало хмыкнул:

— Буду польщен, господин защитник.

— Только вы должны признать, что мисс Франкфурт в суде смотрелась неплохо.

Рассмеявшись, они попрощались. Тейлор действительно не мог себе позволить терять время. Двенадцать судов было проверено, и до завтра оставалось проверить еще четыре.

Том позвонил Мариэлле, как и обещал.

— Чем они там занимаются, мистер Армур? — Голос Мариэллы звучал чрезвычайно взволнованно. — Я все думаю, что они что-то узнали... Узнали... — Она боялась выговорить. — Я очень боюсь, что они нашли Тедди... Мертвого. Я хочу знать... Даже не знаю, как лучше... Не

знать ничего или узнать страшную правду.

Тому казалось, что и то, и другое одинаково ужасно. Он прекрасно помнил, как ему сообщили о его жене и ребенке. Непонятно, как он остался жив тогда. Но у Мариэллы совсем другое. Полная неизвестность продолжается бог знает сколько времени, и, может быть, действительно лучше узнать наконец, что Тедди больше нет. А так — он просто испарился, и никто не может сказать, что с ним. Тело ребенка Линдбергов нашли через два месяца.

— Надеюсь, что у них в конце концов будут хорошие новости про вашего сына.

— А вы знаете, что они сейчас делают?

Тому не хотелось говорить, что ФБР переворачивает вверх дном манхэттенский порт в поисках Тедди.

— Я думаю, что они ищут улики. Завтра все станет ясно в суде.

— А как Чарльз?

— Вы понимаете... — Том улыбнулся. У нее красивый голос, с ней так приятно говорить. Она произвела на него приятное впечатление еще на суде, но он никогда не думал о ней самой, вне связи с процессом. — Честно говоря, у меня от него голова кругом идет.

— Это похоже на Чарльза, — сказала она и добавила серьезно:

— Он волнуется?

— Это естественно в его положении. Правда, новые улики могут ему помочь. По крайней мере, мы надеемся. ФБР сейчас все проверяет. Если что-то узнаем, сразу вам сообщим.

— Спасибо вам.

Поначалу Том не предполагал, что Мариэлла будет на его стороне. Но теперь, кажется, все изменилось. Теперь все стремятся доискаться до правды... И найти Тедди.

Мариэлле казалось, что эти два дня никогда не кончатся. Малкольм был в Вашингтоне, Тейлор занят расследованием. Ей не с кем было перекинуться словом. Без Малкольма дом словно замер. Мариэлла думала о том, что будет делать, когда уедет из этого дома. У нее нет ни дома, ни семьи, ни дела. Нельзя сказать, чтобы это ее совсем не беспокоило, но она не боялась так, как много лет назад. Она совершенно не боялась Малкольма. Почему-то теперь ее совсем не занимало, что он предпримет. Все, что мог, он уже сделал.

На второй день перерыва ей позвонила Беа Риттер, но даже она не рассказала Мариэлле сути дела. Она сделала вид, что ничего не знает, и не стала говорить о том, что именно она навела Тома Армура на нового

свидетеля. Она только спросила, нет ли у Мариэллы новых сведений про Тедди.

— Пока ничего. А вы видели Чарльза?

— Видела несколько дней назад. Вот-вот вынесут вердикт, так что он безумно нервничает.

К полуночи новостей все еще не было. Оставалось обыскать еще два судна, причем экипаж одного из них, немецкого, был категорически против. Моряки говорили, что они не обязаны подчиняться требованиям американских спецслужб. Агенты ФБР потеряли целых восемь часов, добывая официальный ордер на обыск. В десять часов утра, когда судья Моррисон призывал, как обычно, к порядку участников судебного заседания, Джон Тейлор еще находился на борту последнего корабля вместе с представителями береговой охраны и агентами ФБР. Он был уверен, что найти ничего не удастся, но хотя бы ради Мариэллы он обязан был закончить обыск. Рано утром он позвонил из порта Тому Армуру. Тот еще не уехал во Дворец правосудия.

— Ну?

— Ничего не нашли. Никаких следов Тедди. Никто ничего не знает, все как воды в рот набрали. Всех информаторов запустили — ничего. Луи Любовник к телефону не подходит. Думаю, боится. Вполне может уйти в кусты.

Итак, ничего утешительного Тейлор не сообщил.

— Мать вашу, что мне прикажете делать?

— Делайте то же, что собирались делать два дня назад, как будто ничего не произошло.

— Послушайте, этот человек не крал ребенка, когда это до вас дойдет? Вы своими ушами слышали, что за пижаму было заплачено пятьдесят тысяч.

— Я все знаю. А кто будет свидетельствовать под присягой? Я? Вы? Мы с вами можем говорить только с чужих слов, это не свидетельские показания.

— Да не может же быть... — Том почти рыдал, но Тейлору уже ни до чего не было дела, настолько он был измучен. Ему оставалось проверить целый корабль, а сил уже не оставалось.

— Слушайте, вы, я два дня не спал, рылся во всяком дерьме тут, на кораблях, и — ни хрена. Я понимаю, что ваш Чарльз, наверное, ничего не сделал, но я ему ничем не могу помочь, у меня в руках нет ничего. Мальчика здесь тоже нет. Ну что вам еще?

— Я подам апелляцию... — Голос Тома дрожал, но и Тейлор

чувствовал себя не лучше.

— На каком основании? — устало спросил Тейлор. Его люди в эту минуту уже всходили на борт немецкого судна, но надежды практически не было. Все уже понимали, что мальчика им не найти. Или его спрятали так надежно, что никому до него не добраться, или он уже похоронен. — Как хотите, приговор не пересмотрят, — добавил Тейлор, не дождавшись ответа Тома.

— Не знаю... Дайте только время... Вы можете придумать хоть какой-нибудь предлог для нового перерыва?

— Абсолютно никакого. И если Луи не появится с минуты на минуту, судья вместо него сцапает нас с вами.

— Это я понимаю.

— Когда обыск кончится, я пришлю вам в суд кого-нибудь из моих ребят с запиской. Только ни на что не рассчитывайте.

Том уже ни на что и не рассчитывал, и ему страшно было подумать, как он скажет Чарльзу, что Луи Любовник смылся.

Но все-таки пришлось сказать. Чарльз завопил:

— Что он сделал?

— Смылся, — громким шепотом проговорил Том, и в эту минуту они вошли в зал суда.

— Ах сукин сын. Как эти свиньи упустили его?

— Потихе, Чарльз!

Судья ударил молотком по столу.

— Ему есть что терять, Чарльз. Он вполне мог попасть в тюрьму как соучастник. Я согласен, он некрасиво поступил, но его можно понять.

— Ну да, а я из-за него сяду на электрический стул.

Том был мрачен как туча.

— Я этого не допущу, — прошептал он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно убедительнее, но сам он не верил себе.

Подозрительно глянув на него, судья велел ему и Уильяму Палмеру приблизиться к нему.

— Что с вашим новым свидетелем, господин защитник? Он явился?

— Нет, сэр, не явился, — мрачно ответил Том Армур. — ФБР продолжает срочное расследование по его показаниям. Их люди уже два дня на ногах, но до сих пор ничего нет.

Прокурор был доволен прямоотой своего оппонента.

— Где же он? — спросил судья, буравя Тома недовольным взглядом.

— Скрылся, ваша честь. По-моему, затаился и выжидает.

— Неприятно сознавать, что вы впустую потратили два дня, задержали

работу суда. Налогоплательщики понесли ущерб, мистер Армур, — произнес судья, медленно приходя в ярость.

— Нужно было проверять, сэр. Я даже хотел просить еще один перерыв...

— И не рассчитывайте, господин защитник. — Судья перевел взгляд на Палмера, после чего отпустил обоих. Вернувшись на свое место, Палмер самодовольно взглянул на Малкольма, который сидел рядом с Мариэллой, как всегда, прямой как палка. Он никогда не заговаривал с ней в зале. Судья стукнул по столу молотком и предложил выступить Палмеру.

Том Армур не мог прийти в себя. Доказательство невиновности Чарльза было почти у него в руках, и вдруг оно испарилось. На глаза Чарльза наворачивались слезы, а Беа Риттер в ужасе гадала, в чем же дело, но спросить было некого.

Аргументы Билла Палмера легко можно было предугадать. Он обстоятельно перечислил все отвратительные подробности, упомянутые в ходе судебного следствия, еще раз рассказал о всех его нелепых поступках, глупостях, угрозах, пьяных выходках. Он припомнил буйство Чарльза в парижском баре, когда ему было всего девятнадцать лет, припомнил побои, нанесенные Мариэлле. Палмер утверждал, что все эти случаи доказывают, будто Чарльз подвержен припадкам бешенства, будто он склонен к насилию и именно эти качества в конце концов привели его к похищению, а затем к убийству маленького Тедди. Уже в пятнадцать лет кровожадность привела его на фронт, затем он спутался с коммунистами, под их влиянием оказался в Испании. В этот же ряд вставляли угрозы, произнесенные в Центральном парке и приведенные в исполнение тридцать шесть часов спустя. Неоспоримым доказательством того, что похищение совершено им, служит красная пижама Тедди, найденная в его доме. Итак, доказано, что этот человек является похитителем ребенка, громогласно объявил прокурор, и скорее всего он является и убийцей несчастного мальчика. Произнеся эту эффектную фразу, он сделал паузу и взглянул в сторону присяжных, затем посмотрел на публику и неожиданно заметил какое-то волнение. Не выдержав нервного напряжения, Мариэлла Паттерсон потеряла сознание.

Глава 16

Придя в себя, она услышала шум со всех сторон. Яркий свет бил ей в глаза, а на лбу лежало что-то холодное и влажное. Через несколько секунд она сообразила, что ее вынесли из зала суда в служебное помещение. Над ней с мокрым полотенцем в руках стояла стенографистка. Уже позвали врача. Мариэлла сразу же сказала, что с ней все в порядке, попыталась подняться, но почувствовала слабость. Оглядевшись, она увидела, что в комнате находятся прокурор и адвокат, а также ее муж. Кто-то щупал ей пульс, кто-то протягивал стакан воды. Повернув голову, она узнала Беа Риттер.

Увидев, что Мариэлле плохо, она протиснулась сквозь толпу репортеров и одной из первых оказалась рядом. Именно она, а не Малкольм, позвала врача. Малкольм же стоял рядом с недовольной миной и не проявлял ни малейшего сочувствия.

— Миссис Паттерсон, — склонился к ней сам судья, — может быть, вас отвезти домой?

Мариэлла сердито мотнула головой. На самом деле ей хотелось бы уехать сейчас домой, но она считала, что бегство — это позорная трусость. Ей казалось, что ее долг перед Чарльзом, перед Малкольмом, перед кем угодно — оставаться в зале суда до конца. Она не могла бы ответить, зачем это нужно. Может быть, чтобы доказать всем, что она здоровый, полноценный человек. Но сейчас все так жалели ее, что она хотела провалиться сквозь землю.

— Все в порядке. Если можно... Я хотела бы полежать еще несколько минут... — Надо хотя бы собраться с силами.

— А вы, мистер Палмер, закончили ваше выступление? — спросил судья. Государственный обвинитель утвердительно кивнул. Он не рассчитывал, что заключительная часть его речи произведет такой драматический эффект, но обморок Мариэллы ему, в общем-то, не повредил.

— Я закончил, ваша честь.

— Тогда, может быть, я объявлю перерыв на обед? Мистер Армур выступил бы после перерыва. Не возражаете, господин защитник?

Конечно, защитник не возражал. С начала заседания прошло уже полтора часа. По известным причинам ему очень хотелось отложить свое выступление. Он посмотрел на Мариэллу и выразил свое полное согласие.

Мариэлла выглядела очень плохо. В лице не было ни кровинки. Судья тоже это заметил.

— Я думаю, что во время перерыва миссис Паттерсон лучше поехать домой и отдохнуть, — сказал он довольно громко.

— Спасибо, ваша честь, — шепотом произнесла она. Сердце Тома готово было выпрыгнуть из груди, Беа гладила руку Мариэллы.

Малкольм демонстративно заботливо провел Мариэллу к машине, но, когда они приехали домой, он предоставил ее самой себе. Занавески в ее комнате были задернуты, и она лежала в полумраке с мокрым полотенцем на голове. Но было уже поздно, предотвратить ужасающую головную боль не удалось. Она знала, что в час тридцать нужно быть в зале суда, как бы плохо ей ни было. Очень трудно заставить себя вернуться туда. Дело в том, что она все ждала чего-то, а утром выяснилось, что ничего не произойдет и рассчитывать уже не на что. До сих пор ей почему-то все происходящее казалось страшной игрой, в которой можно же как-нибудь выиграть... И тогда вернется Тедди. Тот, кто сделал это, в итоге расскажет, где Тедди и что с ним. Попросит прощения. И это был бы хороший конец, награда за пережитую боль. Только сейчас Мариэлла ясно осознала, что ничего подобного не случится. Вообще ничего не случится. Будут только все время какие-то люди, у всех свои роли... Они будут говорить разные слова, лгать... А в самом конце двенадцать из них уйдут в отдельную комнату, а потом скажут, что Чарльз виновен или невиновен, и Чарльза казнят или отпустят на свободу, но Тедди не вернется никогда. Она все лежала на кровати, и мысли ее путались, В пятнадцать минут второго в затемненную комнату вошел Малкольм, посмотрел на Мариэллу, лежащую на кровати, и спросил:

— Ты едешь?

— По-моему, я не смогу, — ответила она. Сейчас голова разболелась так, что она не могла ни открыть глаза, ни сесть на постели, так что невозможно и думать о том, чтобы ехать в суд.

— Ты городишь чушь, — скривился Малкольм. — Надо ехать. Ты хочешь, чтобы все решили, что ты боишься?

Его слова прозвучали так угрожающе, словно он говорил про величайший грех. Страх — второй смертный грех. А первый — слабость. А любовь? Это тоже грех? Может, она грешна, потому что любила Чарльза... Андре... Ту девочку... Тедди... Интересно, к какому разряду относит Малкольм любовь? И существует ли для него такое понятие? Или для него существуют только ответственность, обязательство, долг? Голова идет кругом. Быть может, любовь — это касается только Бригитты...

— Мариэлла, если ты не поедешь, они подумают, что ты в сговоре с Делони и поэтому боишься услышать приговор. Ты этого добиваешься? Чтобы потом газеты смаковали твоё поведение на все лады? Ради Христа, вставай. Поехали. Надо уметь переносить трудности.

Он уже открыто кричал на неё. Её била крупная дрожь. И откуда-то появилась сила, о которой сама Мариэлла не подозревала. Она смогла сесть, снять с головы полотенце и взглянуть мужу в глаза.

— Я всю жизнь переношу трудности, Малкольм. Такие, о которых ты даже сейчас не имеешь понятия. Так что не учи меня.

Ещё никогда Мариэлла не осмеливалась говорить с ним таким тоном. И сейчас решила только после того, как четыре месяца Малкольм непрерывно мучил её. А ведь она не виновата, и Малкольм не виноват, и Чарльз, вероятно, тоже. Вполне вероятно, что украл Тедди какой-нибудь сумасшедший. Да и кто бы ни украл, он уже сделал это. Этого не поправить. За что же винить её сейчас?

— Выглядишь ужасно, — заметил с неодобрением Малкольм.

Мариэлла умылась, причесалась, подкрасила губы, надела темные очки и вслед за Малкольмом направилась к машине, думая о том, как давно она не видела Джона Тейлора.

Как всегда, она молча сидела в машине рядом с Малкольмом, как всегда, держа его под руку, пробиралась через толпу в зал суда, как всегда, стремясь поскорее пройти мимо зевак, желающих поговорить с ней или хотя бы прикоснуться, и благополучно миновать толпу репортеров и фотографов. В этот раз все это казалось ещё мучительнее, потому что головная боль не утихала. Но вот наконец они добрались до своих кресел, и Мариэлла сняла темные очки.

Впервые за все время процесса судья опоздал на десять минут. Том просматривал свои заметки, мрачный как туча. Чарльз сидел, прикрыв глаза. Том — мастер своего дела, но надежды почти не оставалось. Чарльз был уверен, что присяжные признают его виновным, если в суде не прозвучит официальная информация о том, что игрушка и пижама были в его дом подброшены.

Судья вызвал Тома Армура для заключительного выступления, и адвокат уже поднялся с места, когда в зал вошел Джон Тейлор. У самого порога он остановился и пристально посмотрел на судью Моррисона, который, безусловно, хорошо запомнил его лицо. Прокурор и адвокат замерли. Никто, кроме них, не понимал, почему агент ФБР, неизменно опрятный и подтянутый, пришел на сей раз в суд всклокоченный, в рабочих брюках и в поношенном свитере. Выждав несколько секунд, Тейлор

прошел прямо к креслу Мариэллы, взглядом попросил извинения у судьи и что-то шепнул ей на ухо. Она сразу же встала и, не говоря Малкольму ни слова, прошла к выходу вслед за Тейлором. Внимание всех в зале суда было приковано к этим двоим. Поднялся приглушенный гул голосов, и судья ударил по столу молотком, требуя тишины.

— Позвольте напомнить вам, — возвысил он голос, — что мистеру Армуру предоставлено слово для заключительного заявления.

Усилив воли Том запретил себе думать о том, почему Тейлор так поспешно вывел Мариэллу из зала, и постарался сосредоточиться на своей речи. Значит, нашли тело Тедди, и Джон решил рассказать Мариэлле все сразу. Но почему он не вызвал и Малкольма? Том посмотрел на одноногого инвалида в коллегии, перевел взгляд на бывшую монахиню, затем на чернокожего музыканта и начал рассказывать им, какой замечательный человек Чарльз, какое несчастье, что он несправедливо обвинен в тяжких преступлениях. Он особо подчеркнул, что обвинению не удалось устранить все сомнения в виновности его подзащитного. Таким образом, если господа присяжные вопросят свою совесть, они никогда не отправят на электрический стул этого человека только за то, что он в пьяном виде болтал языком, не имея при этом намерения приводить свои угрозы в исполнение. Он понимал и сам, что слушают его рассеянно. Как и он сам, каждый в этом зале гадал, почему Мариэлла вышла так поспешно. Только Малкольм сохранял невозмутимость.

Джон и Мариэлла подошли к машине. Она поглядела на него со страхом.

— Что случилось? — задыхаясь, спросила она. — Что?!

— Я хочу, чтобы ты мне полностью верила. Мне надо тебя кое-куда отвезти. Ты в порядке? — спросил он, вглядываясь в нее. На долю секунды она заколебалась. Рядом не было никого, кто сказал бы Джону, что утром Мариэлла теряла сознание.

— Все хорошо. Только голова сильно болит. — Она даже вздрогнула от боли, но решительно открыла дверцу машины.

— Прости меня, ладно? Все не так плохо, я очень хочу, чтобы тебе было легче, но просто необходимо, чтобы ты поехала со мной.

Джон включил зажигание. Машина тронулась. С лица Мариэллы не сходило испуганное выражение.

— Ты меня арестовал?

А что, может быть, и это возможно. Или Джон сошел с ума? Или Малкольм сказал ему, что она в сговоре с Чарльзом, он поверил и теперь хочет отомстить? Страх ее все возрастал. Машина двигалась в западном

направлении.

— Господи, конечно, нет. — Он ласково потрепал ее по руке и пошутил, чтобы успокоить:

— А что, надо было арестовать?

— Не знаю. — Ее буквально трясло. — Я не знаю даже, куда мы едем. А Малкольм не должен был поехать?

Ей вдруг пришла в голову та же мысль, что и Тому Армуру: они едут опознавать тело Тедди. Она знала, что не выдержит, если увидит Тедди мертвым. Возможно, Джон думает, что ей легче будет проститься с сыном в отсутствие Малкольма. Но Тейлор отрицательно мотнул головой.

— Не должен был. Мариэлла, я с тобой, и все будет в порядке. Верь мне. Это не то, что ты думаешь. Ты только не волнуйся, ничего страшного. — Он посмотрел на нее с нежностью и состраданием.

— Ты не можешь мне сказать, в чем дело? Мариэлла почти плакала. В зале Джон только сказал: «Миссис Паттерсон, это очень важно, я прошу вас пройти со мной». Малкольм был удивлен не меньше, чем она сама.

— Не могу, Мариэлла, прости. Не имею права. Он опять погладил ее руку. На ней осталось пятно смазочного масла. Мариэлла кивнула, пытаясь вернуть самообладание, но головная боль все усиливалась. Он беззаботно болтал, но она не могла не видеть, что он волнуется, что он непонятно почему с головы до ног измазан грязью. И он был настолько озабочен, что даже не обратил внимания на ее напряженное молчание.

Через несколько минут они приехали в порт. Около доков их ждала группа агентов ФБР. Джон вышел из машины и помог выйти Мариэлле, а все остальные не отрываясь смотрели на нее.

— Не буду больше до тебя дотрагиваться, я весь грязный, — улыбнулся он, и спокойствие его взгляда помогло ей обрести присутствие духа.

Они поднялись на борт небольшого немецкого судна, о котором нельзя было сказать, что оно блещет чистотой. К тому же там пахло кислой капустой, от этого запаха Мариэлле стало совсем плохо. Этот маленький пароход наряду с грузами перевозил и пассажиров. Капитан дожидался посетителей в крохотной кают-компании. Они вошли все вместе, люди из ФБР встали поодаль, а Тейлор представил Мариэлле капитану. Мариэлла подумала: кого охраняют эти люди, капитана или Тейлора? Или ее? Капитан поднялся со стула и резко шагнул к ней.

— Прощу прощения, миссис Паттерсон. Для моей страны это будет чрезвычайно печально...

Он отвесил Мариэлле неуклюжий поклон, сделал попытку поцеловать

ей руку, но как только до нее дошел смысл его слов, стены закружились и поплыли перед глазами. Значит, они все-таки нашли тело Тедди. В отчаянии она обернулась к Тейлору и почти вцепилась в него, взглядом умоляя его помочь. Он придвинул ей стул, помог сесть, жестом велел одному из своих людей принести стакан воды. Потом он поднес стакан к ее губам, склоняясь над ней, как отец над больным ребенком. Но она только покачала головой и закрыла глаза. Больше ей этого не вынести. Почему она не умерла сразу?!

— Все в порядке, Мариэлла... Все будет хорошо... — Услышав его голос, она снова открыла глаза. — Еще две минуты. Сейчас я приведу людей... Вам надо только взглянуть на них и сказать, знаете ли вы их.

— Мертвые? — спросила она одними губами. Джон одной рукой погладил ее по волосам, а другую осторожно положил на плечо.

— Да нет же, все живые. Ничего страшного не произошло. Только взгляните на них и скажите «да» или «нет». Знаете их или нет.

— Ладно.

Она перепугалась так, что ей стало трудно дышать. Хорошо, что нашелся стул, потому что стоять она сейчас не может, а все смотрят на нее.

В кают-компанию двое агентов ФБР ввели высокого, очень худого мужчину, блондина со злым лицом. Он старался отвернуться от Мариэллы, но один из детективов толкнул его в бок, и Мариэлла увидела его лицо.

— Мариэлла, вы знаете этого человека? Вы его когда-нибудь видели? Посмотрите внимательно.

Она взглянула и сказала, что не видела его никогда. Ей было страшно спрашивать Тейлора, зачем он привез ее сюда. Ясно, что что-то ужасное произошло с ее ребенком.

Незнакомца увели и ввели второго мужчину. У этого были темные волосы и жуткий шрам через все лицо. Он смотрел на Мариэллу так, как будто хотел убить ее. Он что-то злобно сказал по-немецки, и она оглянулась на Джона, который тут же поспешил ей на помощь.

— Мариэлла, никто не причинит вам зла. Я здесь.

Она совершенно по-детски кивнула. Как бы то ни было, она не понимала, для чего здесь эти люди. А в комнату уже ввели женщину. Тучная, белобрысая, лет около тридцати. Она что-то тараторила по-немецки, обращаясь к капитану, и наконец он прикрикнул на нее, велел замолчать, и она умоляюще взглянула на Мариэллу, как будто ожидая от нее помощи.

— Что она говорит? — спросила Мариэлла.

— Она говорит, что никому ничего плохого не сделала, — пояснил

капитан. Та женщина опять заговорила, и капитан снова приказал ей вести себя тише.

— Кто они такие? — спросила Мариэлла у Джона.

— Это я прежде всего хочу спросить у вас. Мариэлла, вы знаете кого-нибудь из них? Нет? Вы совершенно уверены?

— Никого из них я никогда не видела.

— Они никогда не работали у вас? Может быть, короткое время? У вас или у мистера Паттерсона?

— Не знаю. Я их никогда не видела, — повторила она. Она была уверена, что это так. Джон спокойно кивнул своим людям, и немцев увели. Тогда он опять кивнул и склонился к самому уху Мариэллы.

— Сейчас вам надо собраться с силами. Мариэлла, вы должны быть сильной... Обопритесь на мою руку. Сейчас вы еще одного человека увидите. И скажете мне, кто это такой.

Мариэлле снова охватил страх. Ей не хватит мужества смотреть на мертвого ребенка. Она уже видела Андре, держала его на руках, мертвого, она прижимала его к сердцу... Второй раз она не сможет... Не сможет...

— Не могу! — закричала она, пряча лицо у него на груди. — Пожалуйста... Не заставляйте меня...

— Возьмите себя в руки. Вы должны нам помочь, Мариэлла. Пожалуйста...

Видно было, что и сам Тейлор измучен до предела. Ему так не хотелось причинять ей боль. Но ребенок, которого они нашли, был глухонемой и, похоже, не понимал их. Они не знали, поили ли чем-то этого ребенка, или просто он потерял способность говорить от страха, или же не понимал по-английски. Капитан корабля ни разу его не видел, хотя пассажиры уже несколько дней находились на борту. На Тедди Паттерсона он не был похож, но что-то в его глазах заставило Джона присмотреться к нему. Не тот цвет волос, он выглядит гораздо худее и старше, чем мальчик на фотографиях, и все-таки... Джон понимал, что без помощи Мариэллы им не обойтись. Нельзя было допустить, чтобы корабль отплыл, а она не взглянула бы на ребенка. Шестое чувство подсказывало ему, что с этими людьми что-то не в порядке. Но Мариэлла вцепилась в его свитер и не хотела смотреть. Джон посмотрел ей в глаза.

— Прошу вас, Мариэлла... Ради Тедди... Он взял ее за руку, и она медленно-медленно повернула голову. Привели мальчика. На долгие секунды все замерли. Мариэлла поднялась и долго смотрела, как будто отказываясь верить своим глазам. У мальчика темные волосы и подстрижены совсем иначе, но у корней они явно светлее. Приглядевшись,

можно заметить, что его волосы выкрашены.

Мальчик стоял и молча смотрел на нее, а Мариэлла не могла поверить, что наконец обрела сына снова. И вдруг у нее вырвался крик. Она рванулась к ребенку и обхватила его обеими руками. И вдруг, словно нехотя, как будто вспоминая что-то, мальчик начал плакать. Сначала он всхлипнул несколько раз, но внезапно заревел во весь голос и уцепился за мать, которую считал навсегда потерянной. Глаза капитана тоже увлажнились, а по щекам Джона Тейлора хлынули слезы.

Мариэлла не глядела ни на кого. До нее постепенно доходило, что она видит, слышит, обнимает Тедди, своего навеки потерянного сына.

— Дорогой... Любимый мой...

Она держала его так крепко, как будто вообще не собиралась выпускать его когда-либо. Капитан помог им спуститься по трапу, повторяя извинения снова и снова. На трех немцев надели наручники. Джон сказал капитану, что судно придется задержать в порту, поскольку требуется произвести дополнительный досмотр. Два десятка агентов ФБР остались на судне, а Джон помог Мариэлле и мальчику сесть в машину. Теперь надо было как можно скорее возвращаться в суд. Но прежде Тейлор велел помощнику вызвать во Дворец правосудия специальное подразделение для охраны Мариэллы и ее сына.

Через две минуты Джон уже смотрел на ребенка, сидящего на коленях матери. Тедди не улыбался. Он только ежесекундно цеплялся за Мариэллу, как будто боялся, что его сейчас опять заберут у нее.

— Привет, молодой человек, — сказал Джон дружески. — Мы тебя долго искали.

— Мне сказали, ты умерла, — прошептал мальчик, глядя на мать и не понимая, можно ли доверять этому дяде. — Потом меня положили в ящик... Еще там дырки были... Дали печенья...

— Ох, всегда я любил немцев, — пробормотал сквозь зубы Тейлор.

Эти немцы должны были многое рассказать. Как только их задержали, они заявили, что отец ребенка заплатил им, чтобы они вывезли ребенка в Германию, где он «будет в безопасности», но отказались сообщить, как зовут того, кто их нанял. По их словам, они знали только, что родители ребенка — граждане Германии. У одного из немцев нашли листок с именем Малкольма и номером телефона. Тейлор хорошо помнил этот номер. Он принадлежал Бригитте Сандерс. Но об этом Джон не сказал Мариэлле. Можно и подождать, что еще расскажут эти немцы.

— Не знаю, что тебе и сказать, — проговорила Мариэлла, усаживая Тедди поудобнее у себя на коленях. Машина выезжала из ворот порта. — Я

не думала, что ты его найдешь... Я так боялась... Я думала, ты меня везешь, чтобы... — Она не смогла договорить. Вдруг она поняла, что голова больше не болит. Теперь она могла только любоваться на Тедди, прижимать его к себе да бросать исполненные благодарности взгляды на человека, который нашел ее сына.

— Я знаю, что ты думала, — тихо отозвался он. — Наверное, я должен был взять с собой Малкольма. Но я хотел, чтобы сначала ты взглянула на этих людей. Они говорят, что их наняли родители мальчика.

— Представляю, как обрадуется Малкольм, — сказала Мариэлла и улыбнулась. Она была рада за него. Он тоже заслужил снова увидеть сына. Но Джон Тейлор ничего на это не ответил.

Около Дворца правосудия их уже ждали человек двадцать служащих ФБР. Джон приказал им окружить Мариэлла и ребенка плотным кольцом, и мальчик опять перепугался. Но Мариэлла обняла его и твердо обещала, что все будет хорошо. Еще минута, и с ними будет папа.

Когда все они вошли в зал суда, наступила гробовая тишина, словно все присутствующие поняли, что сейчас произойдет нечто исключительно важное. Том Армур прервал свою речь на полуслове. Судья Моррисон вытаращил глаза. Пройдя вперед, группа мужчин отошла в сторону, и показалась Мариэлла с маленьким темноволосым мальчиком на руках. Судья в изумлении вскочил с места.

— Так это...

Он смотрел на Мариэлла, которая улыбалась сквозь слезы и переводила взгляд с него на Тейлора. В зале вскрикнула какая-то женщина, люди повскакивали с мест, репортеры рванулись вперед, но охрана сдержала натиск. Полицейских предупредили заранее агенты ФБР.

— Боже! — закричал кто-то. — Это же он! Живой! Это же их сын!

Судья снова сел за стол и бешено заколотил молотком, призывая к спокойствию. Но Джон наблюдал только за реакцией Малкольма. Увидев мальчика, он повел себя совсем не так, как Мариэлла. Он встал, снова сел, оглянулся, как будто искал кого-то, и только потом рванулся вперед. Его желание броситься к сыну не было инстинктивным, как у Мариэллы. И у него не вырвался произвольный крик, когда он понял, что перед ним его сын. А вот Чарльз плакал от счастья и улыбался Мариэлле. Он вспоминал другой день и другого мальчика и радовался, что на этот раз все окончилось не так трагично.

— Слава богу, он жив, — прошептал Чарльз, и Том Армур согласно кивнул, стараясь сдержаться и улыбаясь сквозь слезы. Он тоже знал, что значит пережить своего ребенка, он тоже был благодарен судьбе, что в этот

раз ничего подобного не произошло. Чарльз даже не думал о том, что он спасен, так он был счастлив за Мариэллу, которая нашла своего сына.

Малкольм подошел к Мариэлле, Тедди и Джону. Он был спокоен.

— Слава богу, вы его все-таки нашли, — сказал он с чувством, но Джон заметил, что глаза его сухи и он сдерживает раздражение. Малкольм попытался взять Тедди на руки, но мальчика нельзя было оторвать от матери.

— Они сказали, что мама умерла, — сказал он. Бедняжка, он все еще боялся.

— Наверное, это страшные люди, — сказал Малкольм со странной интонацией. Джон Тейлор пригласил его пройти вместе с ними в кабинет судьи.

Зал суда уже очистили от публики и журналистов, и там остались только прокурор, адвокат, обвиняемый, Мариэлла с ребенком, присяжные и больше десятка агентов ФБР. Судья прошел в кабинет вместе с Малкольмом и Джоном Тейлором. Мариэлла представления не имела, о чем у них идет речь. Она тихо сидела и шепотом говорила с Тедди и Чарльзом. Никогда в жизни она не была так счастлива, как сегодня. Двое агентов ФБР принесли Тедди мороженое, теперь мальчик ел его, совершенно счастливый, и прижимался к матери. А ей казалось, что никуда он не пропадал, что она давным-давно сидит вот так и обнимает его. Кошмар последних месяцев растаял и никогда уже не возвратится. Прошло четыре месяца, и по воле бога и Джона Тейлора, и, может быть, еще Луи Тедди снова с матерью.

Прошло довольно много времени, прежде чем судья Моррисон, Тейлор и Малкольм вернулись в зал. Губы Малкольма были плотно сжаты. Джону дважды звонили из ФБР, и оба звонка оказались довольно интересными. Многие по-прежнему оставались неизвестными, но главное выяснилось: преступников, во всяком случае, тех, которых арестовали на корабле, нанимал Малкольм. Теперь не оставалось никаких сомнений. Имелись даже вещественные доказательства, в том числе фальшивый паспорт для ребенка, который оформлял Малкольм. В паспорте мальчик значился как Теодор Сандерс.

— Это абсурд, — резко заявил Малкольм после первого телефонного разговора Тейлора. — Меня пытаются обвинить в том, чего я не совершал. — Он гневно напомнил Тейлору, что у него в Соединенных Штатах пока еще есть влиятельные друзья и обширные связи.

— Тем не менее, — спокойно возразил Джон, — преступники называют именно ваше имя. Вам будет предоставлена возможность

опознать этих людей и оградить себя от ложных обвинений. Мы еще об этом поговорим. Только не здесь, а в здании ФБР, в моем кабинете. Было совершено несколько преступлений, за которые заплачены от вашего имени большие деньги. Именно вам, как я полагаю, предстоит ответить за преступный сговор и вымогательство, если я только не ошибаюсь. Я уж не говорю о том, что мистер Делони может призвать вас к ответу по гражданскому суду.

Тейлор говорил, еле сдерживая себя. Оба они — и он, и Малкольм — были напряжены до предела. Судья же испытал настоящий шок. У него не укладывалось в голове, как человек мог похитить собственного сына? Зачем? ФБР предстояло найти ответы на эти вопросы. Сейчас нужно было распустить коллегию присяжных и освободить невиновного. По крайней мере, теперь было очень похоже, что непосредственных исполнителей нанял отец ребенка. Выяснилось, что мальчик цел и невредим и похитил его наверняка не Делони.

— Дамы и господа, — заговорил судья, обращаясь к присяжным, когда заседание было возобновлено, — мне кажется, что мы с вами едва не совершили вопиющую ошибку. По вновь открывшимся обстоятельствам представляется, что Чарльз Делони не совершал преступления, в котором он обвинялся. Руководствуясь этими соображениями, я освобождаю его из-под стражи. Вам я предлагаю разойтись и отправиться по домам. Надеюсь, в скором времени мы сможем сообщить вам, господа присяжные, что дело против мистера Делони официально закрыто. Обращаюсь к мистеру Делони с просьбой не выезжать из города впредь до особого распоряжения. Благодарю всех за участие.

Судья наклонил голову, и члены коллегии присяжных поднялись со своих мест, однако не торопились покинуть зал. Они улыбались Мариэлле и подходили к Чарльзу, чтобы от души пожелать ему удачи. Одна женщина подошла к Тедди и поцеловала его.

— Отпускаю вас, мистер Делони, без внесения залога, но при условии, что вы не покинете Нью-Йорк до официального закрытия дела. Вам ясно?

— Да, сэр.

Казалось, с плеч у Чарльза свалилась гигантская тяжесть.

— Буду ждать ваших сообщений, мистер Тейлор, — сказал судья Джону. Тем временем агенты ФБР вывели Малкольма из зала, правда, без наручников. Уходя, Малкольм не сказал Мариэлле ни слова. Даже с сыном он почти не говорил. Джон подошел к Мариэлле и Тедди, которых он должен был отвезти домой. Том Армур смотрел на своего клиента и улыбался.

— Теперь вы — свободный человек. По дому соскучились?

— Еще как! — ответил Чарльз и обратился к Мариэлле:

— Я так рад, что он вернулся. Я бы не вынес, если бы ты потеряла и его. Ты не заслужила это. — Он нежно поцеловал Мариэллу в щеку. Потом они долго смотрели друг на друга. — Я всегда буду тебя любить, — добавил он, и Тедди поднял на него заинтересованный взгляд, а Мариэлла кивнула. Она тоже будет любить его, но ей уже нечего дать ему. Много лет назад она отдала ему все, а теперь ей нужно было жить для Тедди.

— Пойдем, я вас отвезу, — тихо сказал Джон, обнимая ее за плечи. Чарльз проводил их взглядом, и сам вышел через несколько минут вместе с Томом.

У выхода из Дворца правосудия их ждала Беа Риттер. Увидев, как Мариэлла выходит под охраной агентов ФБР, она поняла, что произошло нечто невероятное. Сейчас она сидела на ступеньках и плакала.

— Я у вас черт знает в каком долгу, — сказал ей Чарльз почти что робко. — Только вы и Том в меня верили. А мне там нездорово приходилось.

Она поблагодарила его кивком головы, он обнял ее на прощание, а потом сел в машину. Том высадил его около особняка Делони. При виде его старик дворецкий, который проработал в доме почти сорок лет, едва сдержал возглас удивления и радости. Вечерние газеты в этот день были заполнены описаниями операции, проведенной вооруженными до зубов людьми из ФБР на немецком пассажирском судне, в результате которой был найден пропавший мальчик.

Проснувшись на следующее утро, Чарльз Делони в полной мере ощутил себя свободным человеком. В восемь часов утра судья Моррисон подписал постановление о закрытии процесса «Соединенные Штаты против Чарльза Делони». Том Армур позвонил судье домой и попросил оформить ордер на арест Малкольма Паттерсона. К тому времени в руках Джона Тейлора уже скопилось достаточно улик против Малкольма. Из результатов расследования явствовало, что этот человек заплатил огромные деньги авторитетным в уголовном мире лицам, чтобы они организовали похищение его собственного сына. Эта операция и последующее содержание Тедди в укрытии стоило Малкольму более миллиона долларов. Предполагалось, что похитители вывезут мальчика из страны.

Группа немцев, прошедших специальный инструктаж, должна была отправить ребенка в ту страну, где Малкольм намеревался обосноваться вместе с Бригиттой.

Планы этого преступления вынашивались долго, почти с самого

рождения Тедди. К тому времени Малкольм уже решил, что совершил ошибку, женившись на Мариэлле, а не на Бригитте. Мариэлла была во всех отношениях прекрасной женой, но Малкольму была нужна только Бригитта, только ее он любил и только с ней хотел связать жизнь. Единственным недостатком Бригитты было то, что она не могла иметь детей.

Сначала их проекты не заходили дальше развода Малкольма с женой. Мариэлла была для него чересчур нервной, чересчур робкой, и к тому же слишком сильный отпечаток на нее наложило прошлое. Когда Малкольм собирался жениться на ней, его устраивало, что у нее не было никаких связей, но со временем ее зависимость от него стала его тяготить. Бригитта же составляла полную противоположность Мариэлле. Она была сильной, цепкой, решительной, требовательной и обладала независимым характером. Иногда она приводила Малкольма в замешательство, особенно когда грозила, что оставит его. А он не решался на развод, так как не хотел расставаться с Тедди. Можно было бы добиться судебного решения, по которому ребенок оставался с отцом, но этот путь не казался достаточно надежным. Наконец Бригитта предложила просто переехать вдвоем в Германию и взять ребенка с собой. Именно тогда в голове Малкольма начал созревать конкретный план.

Можно было объявить ребенка погибшим, никто, в том числе и его мать, не станет его искать. И если даже впоследствии Малкольм женится на своей секретарше и усыновит ее ребенка в Германии, к этому факту можно не привлекать большого внимания. Да и Мариэлла, раздавленная горем, вряд ли будет интересоваться дальнейшей жизнью своего бывшего мужа. Если, конечно, сумеет сохранить рассудок... Ни у кого не возникнет никаких подозрений. Будет только естественно, если Малкольм захочет возместить утрату своего первенца. И никому не придет в голову, что этот ребенок — Тедди. Он сначала проживет в Германии пару лет и станет совсем похож на немецких детей. Этот план позволял Малкольму навсегда избавиться от Мариэллы. Чувства Мариэллы, Чарльза, самого ребенка Малкольм не принимал в расчет, его не останавливало то, что какие-то посторонние люди должны будут похитить мальчика, другим людям придется прятать его... У судьи Моррисона голова пошла кругом, когда Тейлор рассказал ему о выводах, к которым пришло следствие. А сам Тейлор готов был убить Паттерсона.

Наконец план созрел, и Малкольм даже начал готовить почву для своего переселения в Европу. Никому не казались странными его частые отъезды, так как было известно, что его капитал вложен по большей части в

немецкие предприятия. Он предполагал окончательно переселиться в Германию примерно через год.

Малкольм предоставил в распоряжение Бригитты около полумиллиона долларов, которые были перечислены на ее счет в немецком банке.

Прочие исполнители также получили свою долю, так что похищение обошлось Малкольму в целое состояние. Но он считал, что игра стоит свеч. Он избавлялся от Мариэллы, забирал ребенка с собой и получал возможность воспитать его стопроцентным немцем. Хватит с него Америки, говорил он. Миром будет править Гитлер, единственный человек, который умеет быть властелином. Все свои надежды Малкольм связывал с ним. Этого человека он высоко чтит и считал, что немецкое воспитание станет лучшим отцовским подарком для Тедди.

Джон Тейлор, как и многие, с трудом мог поверить в эту жуткую историю. Странно, ни один человек, за исключением Луи Любовника, не выдавал Малкольма в течение четырех месяцев, но едва весь этот картонный домик начал рушиться, соучастники один за другим начали давать показания, стараясь облегчить собственную участь. Никто не выразил желания принести себя в жертву ради спасения Малкольма Паттерсона. Уже через несколько дней у Джона Тейлора было огромное количество свидетельских показаний. Предъявить Малкольму обвинение в похищении несовершеннолетнего было невозможно, ведь Тедди как-никак его родной сын. Зато обвинение в похищении было предъявлено тем людям, кто пробрался в дом в ту ночь. А Малкольма обвинили в тайном сговоре с исполнителями преступления и введении в заблуждение правосудия. И, к сожалению, не более того.

По странному совпадению Чарльз Делони появился на горизонте как раз тогда, когда это могло очень сыграть на руку Малкольму. Он мог прекрасно сыграть роль козла отпущения. И тут вдруг Патрик докладывает хозяину, что Мариэлла встретилась с Чарльзом в соборе. Лучше нельзя было и придумать. Оставалось только заплатить пятьдесят тысяч, чтобы Чарльзу подбросили пижаму и плюшевого мишку, и можно было не сомневаться, что любой суд признает Чарльза виновным. Мальчика спрятали в надежном месте в Нью-Джерси и продержали там четыре месяца, дожидаясь, пока отменят тотальную проверку в порту. А в мае они с Бригиттой должны были отплыть на «Европе» в Германию вслед за ним. Предварительно Малкольм собирался обвинить Мариэллу в небрежности, представить себя пострадавшей стороной и открыто искать утешения в объятиях верной мисс Сандерс. И все должно было пройти без сучка без задоринки, но тут вмешался Джон Тейлор и в последний момент нашел-

таки Тедди на немецком суденышке. Через два дня было бы уже поздно. От этой мысли мороз продирал по коже. А Малкольму каким-то образом этот план представлялся вполне достойным решением всех проблем, поскольку позволял убрать Мариэллу с дороги и сделать сына немцем. Правда, самому Малкольму в этом случае пришлось бы прожить остаток жизни в Германии, но это его не пугало. Родина Бригитты была ближе его сердцу, чем Америка.

Однако теперь Малкольму не придется уехать в Германию. Его выпустили под поручительство, и ему и Бригитте было предписано не покидать пределов штата Нью-Йорк. А в конце июля предстоял новый судебный процесс. Бригитте также предъявили обвинение в преступном сговоре. Поговаривали о возможной ее депортации.

А Мариэлле теперь больше всего хотелось уехать из города и пожить с Тедди где-нибудь в тишине и покое. Ей не хотелось видеть ни Малкольма, ни Бригитту, мысли о будущем процессе повергали ее в ужас, хотя она знала, что ей придется на нем присутствовать в качестве свидетеля обвинения. А до начала процесса она надеялась прожить три месяца в Вермонте, но прежде нужно было , сделать еще очень многое. В частности, переговорить с юристом насчет развода.

Джон приехал к ней, и она поделилась с ним своими планами. В последние дни он смертельно уставал и не имел ни минуты свободной. В доме уже не дежурили ни полицейские, ни агенты ФБР. Почти все слуги уволились. Теперь Мариэлла подыскивала квартиру для себя и Тедди.

— Я считаю, нам с тобой надо поговорить, потому что мы должны принять ответственное решение.

Газеты много писали о нем как о герое, который отыскал сына Паттерсонов. Более того, он возглавлял расследование по делу Малкольма, Бригитты и их соучастников. Всего под следствием находились двадцать два человека.

— Что ты там говорила про Вермонт? Этот разговор, казалось, был ему неприятен. Он очень не хотел, чтобы она уезжала из Нью-Йорка, пусть даже всего на несколько месяцев. Ему хотелось, чтобы она все время была рядом.

— Я подумала, что нам с Тедди надо пожить в деревне, подышать свежим воздухом.

Как раз до начала процесса, который опять будет длиться не меньше месяца. Но к этому процессу она уже готова, и Джон будет с ней. Она несмело взглянула на него. Она многое должна ему сказать.

Но пока еще не время.

— Ты действительно решила уехать? — спросил Тейлор. В чем-то события развивались даже более благоприятно, чем он предполагал. Ребенок будет с ней, а с Малкольмом она расстанется. Что она будет делать дальше, вот в чем вопрос.

Мариэлла медленно кивнула головой. Ей, не жаль покидать этот дом. Все ее счастливые воспоминания последних лет связаны с Тедди, а Тедди теперь с ней.

— Понимаешь, это дом Малкольма. — Она прочитала в его глазах один невысказанный вопрос. — Нам нужна какая-нибудь небольшая квартира, — добавила она чуть слышно.

— И все? А от меня тебе теперь ничего не надо? Он должен был задать ей этот вопрос и знал, какого ответа он ждет, но боялся, что никогда не получит того, что ему нужно. Ему нужна она. На всю жизнь.

— Чтобы ты... был моим другом... «Чтобы ты любил меня, — хотела она сказать, — чтобы ты жил для меня». Но какое право она имела говорить так?

— И все? — растерянно проговорил он. Он долго откладывал этот разговор, долго не решался рассказать ей о своей любви, потому что боялся ее ответа. Когда-то они пообещали друг другу, что подождут, пока закончится суд, а там уже можно будет как следует подумать о будущем.

И вот суд окончен, и Мариэлла приняла решение. Она не желает рушить его семью.

— Мариэлла, неужели тебе больше ничего от меня не надо? — повторил Джон. — Ну разреши мне дать тебе хоть что-нибудь.

— Ты уже подарил мне время, которое я проведу с моим мальчиком. Оно залечит мои раны. Я стольким обязана тебе... — Мариэлла улыбнулась. Она понимала, что обязана ему еще кое-чем. А может быть, и оба они понимали. — И теперь я не должна ничего у тебя отнимать. Я не должна разрушить твою жизнь, украсть тебя у твоей семьи, у жены, у детей... Ведь если их не будет рядом с тобой, что ты получишь взамен?

В ее больших глазах застыла грусть. И он понял, что Мариэлла мудрее его.

— У меня зато будешь ты... И Тедди, — ответил он.

— И чувство вины, и сожаления... Может быть, в один прекрасный день ты возненавидишь меня за это.

— Я не смогу возненавидеть тебя.

Малкольм изо дня в день ненавидел ее, а случилось, ненавидел и Чарльз. Она знает, как бывает, когда ненавидят. И Джон Тейлор ей слишком дорог, чтобы она согласилась его потерять. Она любит его больше, чем он

может себе представить, только никогда не скажет ему, как она его любит.

— И значит, мне нельзя увезти тебя? Он грустно смотрел на нее, держа за руку. Расстаться с ней было выше его сил. И поэтому тоже она должна сама уйти от него и от своей к нему любви. Ей нельзя оставаться рядом с ним, потому что она слишком его любит и не хочет рушить его семейную жизнь, причинять зло его детям. Он обнял ее, и она прошептала:

— Они нужны тебе. И ты нужен им.

— Ты мне тоже нужна, — не сдавался Джон. Нет, он никогда не встречал подобных женщин. На секунду ему показалось, что он сейчас уговорит ее бежать с ним куда глаза глядят. Если понадобится, он сможет заставить ее, подумал он, но тут же пришел в себя и понял, что этого он не сделает.

Она заслужила то, чего хочет. У нее есть право на одиночество, покой и забвение. Возможно, и насчет Дебби она права.

— Я не хочу терять тебя, Мариэлла. — И ее, и то, что было между ними.

— А ты меня и не потеряешь. Я всегда буду здесь.

Ее нежный, все понимающий взгляд был для него сейчас хуже всякой пытки.

— Но как же, если ты будешь не со мной? Если ты будешь чья-то? — сказал он очень грустно, потому что знал, что так оно и случится. Ей теперь нужно счастье, гораздо больше, чем ему.

— Мы останемся друзьями. Я говорю... Ты меня никогда не потеряешь, — она улыбнулась, — пока не захочешь потерять.

Потом она поцеловала его в губы, а он прижал ее к себе. На этот раз Джон остался у Мариэллы надолго. Но наконец настал момент, когда ему пришлось оставить ее и уехать домой. Он уехал, так и не поняв, совершилась ли ошибка или произошло то, что должно было произойти. Они узнают это потом, пусть пройдут годы. А он понимал с самого начала, что они с Мариэлой принадлежат совсем разным мирам. Она никогда об этом не говорила, но он должен смотреть правде в глаза.

Шли долгие дни без нее, и Джон Тейлор был одинок. Он теперь занимался делом о похищении — вел допросы подозреваемого Малкольма Паттерсона. Мариэлла тоже была одинока. Не в том дело, что нельзя было позвать его. Позвать можно. Но ради него самого она постарается его не звать. И нужно хлопотать о переезде в Вермонт вдвоем с Тедди. Она уже заочно договорилась насчет аренды дома в деревне. Наверное, там будут коровы, цыплята, собаки. Тедди мало-помалу становился похож на себя прежнего. Он поправился, выглядел теперь счастливым и здоровым

ребенком, краска почти сошла с волос. Только по ночам он спал беспокойно, ему часто снились плохие сны. Он спал сейчас вместе с Мариэллой, и она сама заботилась о нем. Из слуг в доме оставался только Хейверфорд. Он был счастлив помогать хозяйке ухаживать за Тедди, но и он должен был покинуть дом через несколько дней.

И вот к ним зашел Чарльз. Попрощаться с Тедди и Мариэллой. Наутро он улетал в Европу.

— Опять в Испанию? — спросила Мариэлла, ведя его в кухню.

— В Испанию потом, — ответил он. После поражения республики он решил, что поедет в Англию, чтобы вступить добровольцем в армию и дальше воевать против фашизма. Но в последние дни он чувствовал, что не готов к новой войне. Лучше бы пока съездить в Париж. — Сначала мы поедem во Францию, проведем там лето. — Он вдруг покраснел, смутился, но Мариэлла поняла его. Он нашел свое счастье. Она почему-то почувствовала, что не может не обнять его, а Тедди великодушно дал ему откусить от своего шоколадного мороженого. С мальчиком они почти подружились, хотя Тедди не очень-то понимал, какое отношение имеет этот дядя к его маме.

— Кто это мы? — спросила она. — Ты едешь с друзьями?

Она подозревала, в чем тут дело. Несколько раз она видела, как они гуляют вдвоем. Она была рада за них. Они-то точно заслужили счастье.

— Ладно, ладно, — засмеялся он. Конечно, она догадалась. Она же умница, и он ее так любит... Как всегда...

— Я их знаю?

Как странно было так дружески болтать, после того как их разлучили годы и беды. Мариэлла видела теперь, что ничто не сможет разлучить их окончательно.

— Беа едет со мной в Париж.

— Все правильно. Хоть этим ей отплатишь. Мариэлла опять обняла его, и он рассмеялся.

— Она так хорошо ко мне относилась, пока шел суд...

А после суда — еще лучше.

Они еще посидели вместе на кухне, а потом Чарльз попрощался, и Мариэлла поцеловала его. Теперь расставание с ним не причинило ей боли. Она желала ему добра. Теперь она свободна от него. И все еще любит его.

А Малкольм ушел из ее сердца навсегда. Ее страшило будущее. Что будет после суда? Она знала, что Малкольм пустит в ход свои связи, и если его и осудят, то ненадолго, поэтому надо постараться уехать подальше. Плохо, если он будет там, где Тедди. Джон Тейлор обещал помочь ей. Но

убежать от Малкольма она не может. Где бы она ни поселилась, Малкольм может явиться туда. Высокопоставленный чиновник ФБР твердо обещал, что Малкольм никогда не получит Тедди. Он долго был холоден, жесток с Мариэллой и над сыном учинил такое, что отныне ему будет отказано даже в свиданиях с мальчиком. Мариэлла же не знала, сможет ли снова доверять людям. Конечно, в Тедди она будет верить всегда. Только он остался у нее. Он — ее радость, ее жизнь. Ради него будет она жить отныне.

Накануне отъезда в Вермонт она уложила все вещи, которые еще не были отправлены. Ей не терпелось оставить дом Малкольма навсегда. Все свои вещи они с Тедди заберут с собой. Она уже сообщила Малкольму, что дом скоро освободится и Бригитта сможет переезжать. Сама Мариэлла безмерно хотела перебраться в гостиницу. Она чувствовала, что в этом доме нечисто и оставаться в нем нельзя.

Тедди все это было сложно объяснить. Он еще не знал, что украли его по приказу папы. Но он смутно чувствовал, что что-то теперь не в порядке. Какие-то намеки не могли не дойти до него, но он еще не мог понять их настоящий смысл. Мариэлла сказала ему, что папа не придет к ним еще долго, очень долго, что он уехал, и они, возможно, увидят его не скоро. Тедди удивился, но не расстроился, потому что был счастлив быть снова с мамой.

Вечером накануне их отъезда в дверь позвонили, и Хейверфорд доложил Мариэлле, что пришел Том Армур. Она была удивлена этим визитом. Чарльз уже уехал во Францию, а самого Тома Мариэлла после суда не видела ни разу. Но оказалось, Джон Тейлор сказал Тому, что Мариэлла скоро уезжает.

Мариэлла медленно спустилась вниз навстречу гостю. Он стоял в прихожей, красивый, элегантный, немного смущенный. Мариэлла обрадовалась ему, как будто ждала, что он придет.

— Сегодня мне сказали, что вы завтра уезжаете, — нерешительно заговорил он, пожимая ей руку. Хейверфорд бесшумно выскользнул за дверь.

Том давно собирался зайти навестить ее, да все откладывал, не находя в себе смелости вот так безо всякой причины явиться к Мариэлле. Ему очень хотелось самому попрощаться с ней. Он собирался поговорить с ней еще в последний день суда, но тогда произошло так много важных событий, что он не имел никакой возможности объясниться с ней.

— Вы едете в Вермонт?

Тейлор сказал ему, что Мариэлла с сыном собрались в Вермонт, но при этом взгляд у Тейлора был такой смущенный. Том даже не понял, что же

произошло между Джоном и Мариэллой.

Мариэлла провела Тома в библиотеку, туда, где столько памятных разговоров состоялось в последние месяцы. Мариэлле хотелось понять, для чего он пришел. Но в любом случае она рада. Он с самого начала ей понравился, и Чарльзу он очень помог. Когда она сама давала показания, он вел себя очень по-мужски. Мариэлла видела в этом человеке силу и природную доброту.

— Нам с Тедди надо бы переменить обстановку, — объяснила она. Вошел Хейверфорд с подносом, на котором стояли кофейные чашки, и опять беззвучно исчез.

— Как сейчас Тедди?

Том оглядывался вокруг. Роскошный дом, и трудно понять, жалко Мариэлле покидать его или нет. Но вот она улыбнулась и посмотрела ему в глаза. На ее лице не было сожаления. Просто она не могла больше здесь оставаться.

— С ним все хорошо. Бывает, снятся страшные сны по ночам. И он не любит говорить о том, что с ним произошло.

— Его можно понять.

Том, так же как и Мариэлла, знал, что пережитое навсегда оставит на Тедди отпечаток. А ведь он до сих пор не знает, что похищение организовал его родной отец. Мариэлла не собиралась рассказывать об этом ребенку, и Том мысленно одобрил ее, но не удивился, потому что на суде успел составить представление о характере этой женщины.

Сейчас она казалась очень спокойной и даже покорной. В ее облике сквозило тихое счастье.

— А вы? — мягко спросил Том, глядя на нее. — У вас-то как дела? Голова больше не болит?

Она улыбнулась в ответ. Действительно, после суда головные боли совершенно перестали мучить ее. Впервые за много лет она чувствовала себя абсолютно здоровой. Теперь ей казалось, что ее подвергли суровому испытанию, но вот оно закончилось, и сил стало больше.

— Я в порядке.

Она хотела поблагодарить Тома за его участие к ней на суде, но не знала, как это сделать. Сейчас она старалась не думать, как он красив в своем белом костюме, и наконец повернулась, чтобы что-то поправить на столе.

— Мариэлла... — Том давно знал, что ему придется это сказать. И ему не хотелось, чтобы она уехала из города, так и не поговорив с ним. — Я... Я бы хотел вам иногда звонить, когда вы будете в Вермонте., .

Она взглянула на него расширенными от удивления глазами и подумала, не представляет ли он теперь, чего доброго, интересы Малкольма. Но Том заметил, что в ее глазах промелькнул испуг, и слегка коснулся ее руки, желая успокоить ее.

— Я, наверное, неясно говорю... У меня мысли путаются... — Он смутился, как мальчишка, и Мариэлла рядом с ним казалась совсем девочкой. — Я уже давно ни с кем ни о чем таком не говорил...

Да, по правде говоря, он давно не встречал ни одну женщину, которая так бы его заинтересовала. Она чем-то очень напоминала ему покойную жену. Хотя Мариэлла совсем другая. Мариэлла — самая цельная личность из всех женщин, каких он когда-либо знал. У нее поразительный характер. И ей так не везло целых десять лет... Том надеялся, что сможет переменить ее участь, когда она вернется из Вермонта.

— У вас в Вермонте будет телефон? Он все еще топтался на месте, не решаясь завести разговор о ее будущем. Вдруг Мариэлла рассмеялась. Должно быть, она поняла его, хоть это и показалось ей маловероятным. Он всегда выглядел таким деловым, бесстрастным, и вдруг оказалось, что под невозмутимой оболочкой скрывается совсем иной Том Армур.

— Наверное, будет общий на несколько домов.

— Отлично, значит, ваши соседи не будут скучать, — улыбнулся он. — Я постараюсь выдумать какой-нибудь предлог, чтобы позвонить вам.

Оба уже поняли, что не надо никаких предлогов. В последние месяцы Мариэлле слишком часто звонили по делу, сообщали какие-то новости. Она надеялась, что вдалеке от Нью-Йорка наконец-то настанет долгожданный покой.

Начался разговор о деревенской жизни. Мариэлла должна провести в Вермонте всего несколько месяцев, до начала суда над Малкольмом. Потом они с Тедди вернутся в Нью-Йорк, и она снимет квартиру. Завтра они уедут, а Хейверфорд покинет дом. И когда они вернутся, все пойдет по-другому. Впрочем, она ни о чем не жалеет.

— Вам не покажется, что я слишком тороплюсь, если... — пробормотал он, запинаясь, как школьник, отвечающий урок, — когда вы вернетесь... я... мы с вами...

Он почти застонал. Никогда он не думал, что будет так трудно. На протяжении долгих недель он думал о ней, думал так, как ни о ком не думал уже много лет, и всегда ему казалось, что из этого ничего не выйдет. И вот сейчас он ничего не может сказать ей. Наконец он перевел дыхание и взял ее за руку. Лицо его стало серьезным.

— Мариэлла, вы — удивительная женщина. Я очень хочу узнать вас

ближе.

Вот и все. Наконец он сказал, что хотел, и сразу испытал громадное облегчение. Пусть даже она сейчас скажет, что не хочет больше его видеть, по крайней мере она будет знать, что у него сейчас на душе.

— Я с первой встречи восхищаюсь вами.

Она вспыхнула и почему-то почувствовала себя снова молодой и застенчивой. Потом она подняла на него глаза, и он увидел в них что-то такое, отчего у него опять перехватило дыхание.

— Просто удивительно, сколько хорошего... Сколько хорошего вышло из этого ужасного события, — сказала Мариэлла очень тихо. Она чувствовала огромную благодарность за его добрые слова, от которых веяло счастьем. Она смотрела на него и чего только не хотела ему сказать, как вдруг дверь библиотеки распахнулась, и на пороге возникло ее величайшее на свете счастье. В голубой пижаме.

— Что ты тут делаешь? — спросила она улыбаясь, и Тедди несмело приблизился к ней.

— Я не могу спать без тебя, — сказал он, не спеша вскарабкался к ней на колени и с интересом посмотрел на Тома.

— Иди-ка, засыпай. Когда я уходила, ты уже дремал.

— Не правда, — запротестовал Тедди. Мариэлла представила ему Тома, не уточняя, откуда она его знает. — Не спится, — заявил Тедди, тут же зевнул и с сознанием своего права прижался к матери.

— Я слышал, что вы с мамой собираетесь в Вермонт, — обратился к нему Том. Он всегда любил детей, а этот малыш был ему особенно дорог после всех драматических событий, связанных с ним.

— Ага, — гордо подтвердил Тедди, — у нас там будут коровы, цыплята и лошади. А еще мама говорит, что я буду кататься на пони.

— В твоём возрасте я тоже ездил летом в Вермонт, — улыбнулся Том ребенку, а через его плечо и матери. Он сказал достаточно. Пусть он выражался неловко и путано, она правильно поняла его и не рассердилась. Они переглянулись через голову Тедди и вдруг почувствовали, что стали ближе друг к другу.

— А у вас был пони? — спросил Тедди, явно проявляя интерес к Тому. Мальчик уже очень долго не видел отца и иногда еще тосковал по нему. А мама сказала, что папа уехал надолго. Наверное, он где-нибудь в Африке или же плывет на корабле, и даже позвонить ему нельзя.

— Пони у меня был. И корова была, я должен был сам ее доить. Если я приеду в Вермонт, то научу тебя доить корову.

— А вы правда приедете в Вермонт? — Тедди заинтересовался

всерьез. Но и мать его тоже была заинтересована разговором.

— Я об этом еще не думал... — В самом деле, он хотел дождаться ее возвращения. — Но знаешь, это неплохая мысль.

Он вопросительно взглянул на Мариэллу, улыбнулся, и она улыбнулась ему в ответ. Он был рад, что у него достала храбрости приехать сегодня. Если бы он не приехал, ему предстояло бы мучиться не один месяц, и может статься, он так и не решился бы заговорить с Мариэллой.

— Может быть, я как-нибудь вырвусь на выходные.

Он смотрел на мать и ребенка, и мысль навестить их нравилась ему все больше и больше. Ему была известна гостиница неподалеку от их дома.

— А вы умеете ездить верхом? — задал Тедди очередной серьезный вопрос. Том рассмеялся:

— Думаю, что да.

— А если вы уже разучились, — великодушно предложил Тедди, — я вас опять научу.

Все трое засмеялись и перебрались на кухню, так как Тедди понадобилось печенье. Хейверфорд ушел к себе в комнату. Ему еще оставалось упаковать кое-что из своих вещей. Мариэлла знала, что старику жаль расставаться с ними, но он больше не хотел работать у Малкольма, а Мариэлла не могла себе позволить дворецкого. Малкольм назначил ей незначительное содержание, а больше у нее ничего не было. Когда Тедди вырастет, он станет наследником состояния Малкольма.

Том налил мальчику стакан молока, Мариэлла нашла для него печенье, а потом ему пришла пора спать, но все забыли об этом, они сидели втроем на кухне, жевали печенье и болтали. Было почти одиннадцать часов, когда Том помог Мариэлле уложить мальчика, а потом они вдвоем спустились вниз. Том еще долго не уходил, а стоял у дверей и не сводил глаз с Мариэллы.

— Спасибо вам за этот вечер, — серьезно и взволнованно сказал Том. Ему хотелось прижать Мариэллу к себе, зарыться лицом в ее волосы. Господи, ему так давно хотелось этого, но он не смел признаться в этом даже себе. И сейчас еще не время, он понимал это.

— Я очень рада, что вы пришли.

Мариэлла не думала, что они еще встретятся, и жалела об этом. Теперь, после его визита ей открылось что-то совершенно новое и небывалое. Конечно, ей очень не хватало Джона Тейлора, но она сознавала, что приняла правильное решение. Ради самого Джона. А этот вечер с Томом был для нее неожиданным подарком, за который она была благодарна судьбе.

— Я давно хотела вам сказать, что я восхищалась вами в суде, — сказала Мариэлла, но Тому не хотелось, чтобы она сейчас думала о суде. Пусть она думает о лете в Вермонте, о своем счастье, о Тедди. А когда она вернется в Нью-Йорк на процесс над Малкольмом, он будет рядом с ней, он будет ей помогать. Хватит с нее горя, теперь ей нужны счастье и покой, и он постарается помочь ей обрести их.

— Не надо об этом думать, — сказал он и вдруг невольно протянул руку и дотронулся до ее локтя. — Никогда больше не вспоминайте об этом. С прошлым покончено. — Там осталась боль, много боли, но теперь им предстояло захлопнуть дверь в прошлое. — Думайте про Тедди. И про его пони.

Улыбаясь, оба стояли у входной двери очень близко друг к другу.

— Вы теперь уедете в Вермонт, а я буду скучать. Странно прозвучали эти слова. Они были едва знакомы, и тем не менее Том знал Мариэлли лучше, чем своего ближайшего друга, лучше, чем всех своих знакомых женщин. И он любил в Мариэлле все.

— Я тоже буду скучать, — сказала она улыбаясь, и в ее душе впервые за долгие годы ожила надежда. Ей было легко с Томом. — Мы вам как-нибудь позвоним.

— Я вам раньше позвоню, — прошептал он. Номер уже был у него записан. — Будьте осторожны, берегите себя. — Том приблизил ее к себе, она закрыла глаза, и он осторожно поцеловал ее. — Спокойной ночи, Мариэлла... Скоро увидимся.

В последний раз он взглянул на нее, а затем вышел. Мариэлла закрыла за ним дверь, думая о том, какая все-таки странная вещь — жизнь. Во многом, в чем она когда-то не сомневалась, Мариэлла разуверилась. Она верила, что они с Чарльзом всегда будут вместе, проживут долгую и счастливую жизнь и у них будет много детей. А потом — что Малкольм всегда будет беречь ее и заботиться о ней. И ничего с ними не может случиться, потому что Малкольм — такой серьезный, солидный человек. Совсем недавно она думала, что Тедди никогда не вернется к ней. И во всем она заблуждалась, а главное, слава богу, ошиблась насчет Тедди. Мальчик снова дома. А все остальное, по большому счету, не важно. Он был для нее самым дорогим на свете человеком, ради которого хотелось жить, ради которого она могла вынести все. Теперь же появилось и нечто большее. Исчезли кошмары, прошлое растаяло в тумане. Наконец они с Тедди вдвоем, вместе, и перед ними целая жизнь. Будет в ней и горе, но оно только укрепит их силы. В Вермонте они смогут отдохнуть. А потом они вернутся, и жизнь начнется сначала... Их будет ждать Том Армур,

благородный, добрый. Мечты станут явью, а может быть, и нет. Мариэлла надеялась, что все осуществится. Том тоже надеялся. И ни к ней, ни к нему уже не вернутся кошмары прошлого. На многое надеялась Мариэлла, но больше всего — на счастье Тедди.

Они уезжали утром. Хейверфорд стоял в дверях и махал им вслед, пока «Бьюик» Малкольма удалялся от дома. Мариэлла сидела за рулем. Хейверфорд знал ее все годы, что она была женой Малкольма, а Тедди — с самого его рождения. А теперь их ожидала другая жизнь. Старик молча запер дверь, думая о мальчике, положил ключ в заранее приготовленный конверт и запечатал его, чтобы отослать юристам. Дом опустел, обитатели его разъехались. Хейверфорд вышел на улицу и сел в такси, мысленно желая им добра. Это помогло ему без сожаления расстаться с домом. В этот самый момент Мариэлла въезжала на мост. Том Армур пешком направлялся во Дворец правосудия, думая о ней и о Тедди.

notes

Примечания

1

Вандербильды, Асторы — могущественные и богатейшие в США семейства.

День благодарения — национальный праздник США. Отмечается в последний четверг ноября.

Эмпайр-стейт-билдинг — одна из достопримечательностей Нью-Йорка, высотное здание, насчитывающее более ста этажей. Построено в 1931 году.

«Нормандия» — крупнейший трансатлантический лайнер тридцатых годов.

Первая поправка к Конституции США, гарантирующая свободу слова, является законодательной основой для деятельности средств массовой информации.

«Европа» — трансатлантический лайнер, до конца Второй мировой войны принадлежавший Германии.